Франсуа Сантен

УБИЙЦА И ЕГО ПАЛАЧ

Жан Жене и дело Пилоржа

Перевод
Аллы Смирновой

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 Фр

François Sentein

L'Assasin et son Bourreau

Перевод выполнен при поддержке
Национального центра книги Франции

Редактор: Дмитрий Волчек
Обложка: Ольга Сазонова
Верстка: Сергей Фёдоров
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

На обложке: арест Мориса Пилоржа
6 августа 1938 года

© Éditions de la Différence, 1999
© Kolonna Publications, 2014

ISBN 978-5-98144-189-9

ПАЛАЧ ЖИВЕТ
В КВАРТАЛЕ ПУЭН-ДЮ-ЖУР

Лу-С-Утра-Пораньше, выделяющийся из всех других заключенных благодаря своему странному имени…

……

С утра пораньше – это как понимать?

Я ответил:

Ну, на рассвете, на заре.

Кто-то вмешался.

– Это роковой час.

– О, тут я не обольщаюсь, – засмеялся Лу. – Уж без этого-то я обойдусь.

Жан Жене, «Чудо о розе»

День 2 февраля 1939 года едва занимался. Было очень холодно. Пожилой господин в темном пальто шагнул на лестницу метро станции «Порт де Сен-Клу»… Он ничем не отличался от людей его возраста, чья манера одеваться скрадывала неприятные особенности характера, так же, как выпуклости или впадины фигуры, весьма почтительно намечая их или скрадывая дородность, маскируя серое на сером, оставляя разве что немного розового на щеках… Черные башмаки и темно-серый костюм с двубортным пиджаком… Седые бородка и усы на этом фоне выглядели незаметно. Серым казался даже взгляд. И наконец, серой была мягкая шляпа с черной лентой, прикрепленной в том самом месте головного убора, где пальцы захватывают его, приподнимая для приветствия, не касаясь краев, чтобы не оставлять следов на фетре; эта шляпа словно венчала образ семидесятилетнего, вполне заурядного, со строгим галстуком, господина надлежащей упитанности.

У нашего, помимо прочего, имелась трость, ее он, прежде чем сделать шаг на ступеньку

лестницы, переложил в левую руку, в которой сжимал уже ручку небольшого саквояжа, потому что другой рукой вытащил из внутреннего кармана платок и, спускаясь, держал его возле лица, словно вот-вот собирался чихнуть.

Он все еще сжимал его в руке, когда шагнул на одну из последних ступеней лестницы, ведущей на перрон; гула приближающегося

поезда еще не было слышно. Он вновь поднес его к лицу, успел звучно высморкаться, сложил платок, провел им по усам справа налево, положил в карман, той же рукой, теперь свободной, поискал перила и, наконец, занес правую ногу над пустотой.

Эта пустота оказалась бесконечной. Нога так никогда и не коснулась пола. Приветливое лицо словно потерялось, взгляд заметался. Ранние пассажиры увидели, как им под ноги скатились трость, саквояж и шляпа, потом на пол упал и сам пожилой господин… Они поспешили к нему. Но тут к перрону подошел состав, пассажиры оставили мужчину заботам прибывших, те уведомили начальника станции, тот, в свою очередь, связался с дежурным полицейским пунктом.

В полицейской машине, которая перевезла его в госпиталь Амбруаз-Паре, находившийся метрах в трехстах-четырехстах от станции метро, старик так и не пришел в сознание. Банальное событие для полицейских, усевшихся возле носилок: сколько в Париже прохожих, которые умирают вот так, на улице, где они,

ослабев, опускаются на тротуар, их не успевают довезти до отделения неотложной помощи в больнице!.. Когда прибежавший на вызов дежурный интерн расстегнул куртку, чтобы приложить стетоскоп к груди умирающего, командир отделения, доставивший пациента в госпиталь, извлек из внутреннего кармана бумажник, его содержимое позволит установить личность, когда он будет писать рапорт и предпринимать шаги, которые надлежало делать в подобных случаях.

Он развернул бумагу:

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ

Господин *Анатоль ДЕЙБЛЕР,* главный исполнитель приговоров, определяющих в качестве наказания смертную казнь, направляется в департаментскую тюрьму города Ренн, в распоряжение господина генерального Прокурора апелляционного суда Ренна для приведения в исполнение смертного приговора относительно *ПИЛОРЖА, Мориса Жана Мари,*

приговоренного к смерти *17 ноября 1938 г.*

за убийство

судом присяжных *Иль-е-Вилен*.

Приговор будет приведен в исполнение утром *3 февраля 1939 г.*

В удостоверении личности Анатоля Франсуа Дейблера значилось:

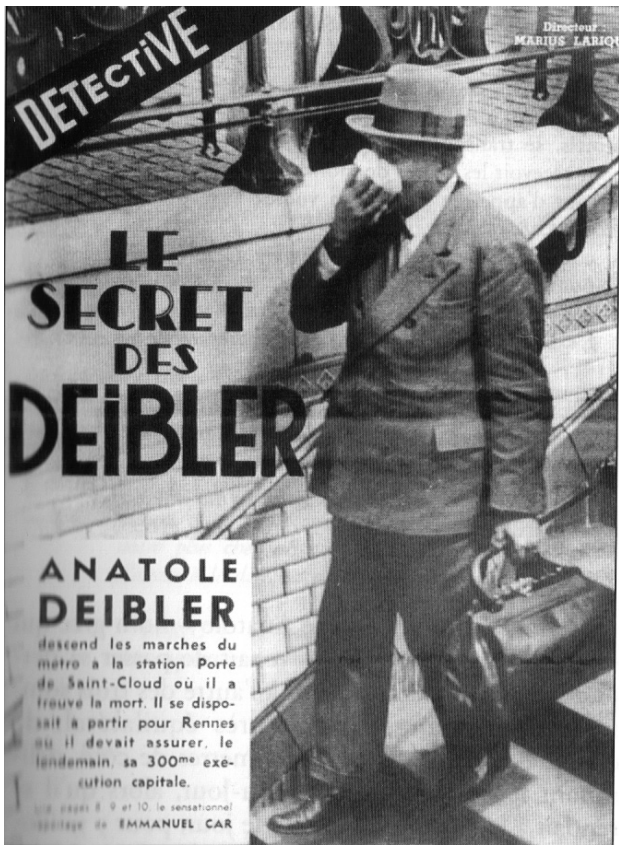
Родился *29 ноября 1863 г. в Ренне* (*Иль-е-Вилен*).

Проживает по адресу: *Париж, 16 округ, ул. Клод-Террас, д. 39*.

То есть в двух шагах отсюда.

Палач по имени Анатоль (что в переводе с греческого означает «восход солнца») закончил свои дни, перемещаясь – от одной к другой – по трем вершинам почти равностороннего треугольника со сторонами, равными тремстам–четыремстам метрам, в границах квартала Пуэн-дю-Жур (что означает «рассвет»), когда он возвращался в город, где впервые открыл глаза, чтобы казнить там на гильотине убийцу, который, родившись в Сен-Мало, последние несколько недель своей жизни ночевал тоже в этом самом квартале, буквально у стены его дома.

Но им так и не суждено было встретиться.


DETECTIVE
Directeur :
MARIUS LARIQU
LE SECRET DES DEIBLER
ANATOLE DEIBLER
descend les marches du metro a la station Porte de Saint-Cloud où il a treuvé la mort. Il se disposait à partir pour Rennes où il devait assurer, le lendemain, sa 300me exécution capitale.
EMMANUEL CAR

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: *И что? Нам остается только привести приговор в исполнение. У тебя нет желания познакомиться с палачом?*

СКОТТ: *Палач! Мы все мечтали и о нем тоже. Он слишком долго вдохновлял наши разговоры и наши шутки, конечно же, он стал нашим наваждением и нашим желанием. <…> И мысль о нем, мне больно это говорить, мысль о нем утешает меня.*

……

БРАВО: *Палач? С ним я тоже пофлиртую.*

Жан Жене, «Великолепные»,
одноактная пьеса (первый вариант)

Сердце, разорвавшееся при входе на станцию «Пуэн-дю-Жур», похоже, беспокоило палача уже несколько лет. Еще в 1927 году он судился с господином Жаном, жильцом первого этажа принадлежавшего ему дома 54 по улице Конвансьон, желая заполучить его квартиру, потому что ему было трудно взбираться по лестнице, не мог он жить и на первом этаже также принадлежавшего ему «частного особняка» по улице 133-бис на авеню Версаль, там было слишком сыро. Его адвокат, мэтр Де Портер, приводил противной стороне, мэтру Силеману, весомый аргумент: найти нечто равноценное можно было бы лишь в пригороде, между тем как профессия обязывала его клиента иметь местожительство именно в Париже. Но суд, тем не менее, не пошел навстречу

исполнителю своих вступивших в силу приговоров.

Вот почему последний выходил тем утром из дверей особнячка, который оборудовал на земле, унаследованной от отца. Когда-то это была вилла Дюфрен в доме 39 по улице Биянкур, ныне улица Клод-Террас, которая по прямой линии продолжала в Париже улицу Пуэн-дю-Жур, что шла из Булони. Ради этого особняка он продал здание мукомольни на авеню Версаль, которое в 1910 году стоило 150000 франков золотом и являлось гордостью семейства, самым значительным достижением династии.

Самое время сказать о ней несколько слов. Со времен знаменитых судов над ведьмами в Баварии, Саксонии и Тюрингии появились эти многочисленные Дебблеры или Дейблеры, все из одного семейства заплечных дел мастеров. Историю этой семьи подробно изложил доктор Таффнер.

В начале XIX века один из них, Жозеф Дейблер, родом из Альтенберга, что в Саксонии, оказался во Франции, куда его прибило волной отступающих наполеоновских войск. Он рассказывал – так, по крайней мере, это звучит в изложении Эмманюэля Кара, в его замечательных заметках первого «Детектива» Мариуса Ларика – что его отца, Нюрнбергского палача (а сам Жозеф был его помощником) расстреляли французы за то, что тот спас от разграбления и спрятал в замке Фай-

стриц, в Штирии, знаменитую Eisene Jungfrau – «Железную Деву» – орудие пытки, хранившееся в пыточной Башне Нюрнберга. Дело было в 1815 году в Лионе… Деморест – из французского рода палачей – бывший в ту пору палачом в Дижоне, взял его своим помощником. Жозеф женился на Маргерит Мари Буайе, и в июне 1823 года Луи Антуан Станислас Деморест стал в Дижоне «восприемником от купели» – то есть сделался крестным отцом и дал имя Луи Антуану Станисласу Дейблеру.

Однако по мере того как Революция уходила в прошлое, профессия палача становилась все менее востребованной. Начиная с 1850 года, таковой имелся уже далеко не в каждом департаменте. В городе Ренне оставалось одно место на пять департаментов по всей провинции Бретань. Супружеская пара перебралась туда, и в 1954 году помощник палача был назначен главным по исполнению смертных приговоров. В том же году Луи, тридцати одного года, сделался помощником «мэтра» Расно, (которого журналисты окрестили «НапРасно»). После завоевания Алжира он стал первым палачом столицы, а его дочери, Зое Викторин, было в ту пору девятнадцать. На этой самой Зое (чье имя в переводе с греческого означает «жизнь», а в сочетании с латинским «victorina» что-то вроде «торжества жизни») и женился в 1858 году Луи, «дьякон смерти», как это делалось с давних пор и в королевских династиях, и в роду палачей. От их союза 29 но-

ября 1863 года появился на свет Анатоль, обладатель вышеупомянутого удостоверения личности.

Одним из самых дорогих воспоминаний, из тех, какие потомок рода палачей встречает мужественно, то есть с незаурядным талантом, было воспоминание о том, как он впервые в один прекрасный день осознал, что является частью семейства, почти все мужчины которого отрубали головы, и уже через это были друг другу близки. В самом деле, чтобы отрешиться от чудовищности деяния, лучше всего обернуть его, как младенца пеленками, обыденностью семейных связей. Осознание того, что ты являешься частью – и более того: обязан ей жизнью – некой функции, чье существование оправдывалось лишь небом, и в которое верило общество, где эта самая функция осуществлялась, становилось лишь ярче по мере того, как общество, продолжавшее осуществлять эту функцию, все реже и реже искало (а потом и совсем перестало) оправдания в небесах.

Третья Республика являлась наследницей Первой, той самой, которая из эшафота сделала алтарь своей повседневной мессы, мистическое средство и восторженный символ спасения нации. Но в 1870 году моральные устои этого Государства были таковы, что верить в исправление больше не представлялось возможным, и остался один лишь магический смысл. Отныне, свершая казни, государство

сносило стены, причем до основания: в 1872 году эшафот был упразднен; в некоторых городах пять выложенных ромбом камней указывали место, где стояла адская машина, и Обитель «Утоли моя печали», как на тюремном языке именовалась гильотина, стала Обителью «Пяти Камней». Палач Никола Рок, сын и внук палача, еще служил, как неверующий свя-
16 щенник, эти кровавые мессы. Он словно свершал некий ритуал: рукой в черной перчатке открывал дверцу фиакра, доставившего осужденного, и приподнимал цилиндр, одним жестом и приветствуя его, и указывая дорогу. Отныне он был единственным исполнителем смертных приговоров во всей Франции, сменив в этой должности своего тестя Гейденриха. Утвердившись на своем посту, он выдал замуж старшую дочь за того, кто стал его первым помощником: Луи Дейблера, из второй – после Сансонов – большой династии французских палачей, в которой в 1863 году и родился в Ренне наследник престола: Анатоль.

В этой Республике, ставившей себе в заслугу то, что отменила прерогативы рождения в пользу знаний, достоинства и добродетели, стремившейся уничтожить все следы феодального и монархического наследования, лишь палач продолжал наследовать палачу, как и король являлся преемником своего отца или, за неимением такового, ближайшего по крови мужчины в роду, согласно непи-

саным принципам Салического закона*. Монархическая традиция отныне существовала лишь для преемников палача, обезглавившего последнего настоящего короля.

Это было так же неминуемо, как и падение ножа гильотины, что отсекает головы, руководствуясь принципами разумного, которые исповедует государство, коль скоро оно покоится – или зиждется, если вам будет угодно – именно на разуме. По причине этого самого парадокса палачи должны были становиться палачами, отдавая дань скорее традиции, нежели повинуясь принципам рационального. Для завершения династии капетингов необходимо было, чтобы Людовик XVI был казнен представителем правящей династии палачей, который переживет королевскую династию – речь идет о Сансонах. Я говорил уже: чувство неловкости, что в семействе палачей, разумеется, имело место и с годами становилось лишь сильнее, должно было быть – причем, сейчас это представлялось актуальнее, чем в те времена, когда их деятельность не подвергалась сомнению – задушено в самом зародыше.

Таким образом, Шарль Сансон, или Лонгваль (1635–1707), поскольку он влюбился в Маргерит Жуэн, не зная, что она дочь мэтра Жуэна, руанского палача, и заполучить ее он может, лишь согласившись помогать тестю и унасле-

* Одно из положений Салического закона устраняло женщин из престолонаследия Франции. – *Прим. пер.*

довать его пост, стал первым из знаменитой династии палачей. Эта самая династия правила с 1688 по 1847 год, до того момента, когда Анри Клеман Сансон, «антифизик», как его называли, и пьяница, был смещен с должности за то, что заложил в ломбард «деревяшку правосудия», и заменен Маконом Жозефом Гейденрихом, которого, в свою очередь, сменил, как мы уже знаем, его зять Никола Рок, соответственно тесть Луи Дейблера, отца Жозефа и деда Анатоля… Так, крестины, помолвки, свадьбы, похороны и праздники сплотили дом Дейблеров (тем более что общество использовало его, не выказывая при этом никакой благодарности), в котором все чувства лишь обострялись за плотно запертыми дверями.

Однако юный Анатоль, ощущая веяние времени, осознал, что стремится избежать предназначенной ему судьбы. Уже его дед Жозеф заставил своего сына Луи получить профессию столяра. Это было как вернуться к истокам вышеупомянутых «деревяшек правосудия», которые во времена Людовика Шестнадцатого, в самом деле, делал один столяр с улицы Дофин при помощи слесаря: так Франция получила свою Деревянную Вдову для регентши… Анатоль учился в Ренне, вдали от отца, деятельность которого обязывала иметь местом жительства Париж. В ту пору он, говорят, мечтал стать адвокатом. Позже он скажет, что познал этот вкус свободы в Париже, у Святых братьев, где, впрочем, ему

не удалось избежать оскорблений и унижений. Он решит зарабатывать на жизнь, избегнув предначертанной от рождения судьбы, и поступит продавцом в крупный магазин под именем Буайе, это была девичья фамилия бабки. Но более всего он будет бояться подпасть под действие многовекового закона – неписаного, как все законы, регулирующие жизнь его семейства – согласно которому на военную службу не призывались сыновья исполнителя смертной казни. Он так хотел попасть в армию. «Его имя, – уточняет Эммануэль Кар, – до сих пор можно прочесть под номером 171 в списках личного состава призывного контингента 1885 года 1 призывного пункта департамента Сены». Но в каком именно войсковом подразделении он проходил службу, похоже, неизвестно.

Эти проявления независимости не остались незамеченными Вдовой. Она намерена соблазнять своих слуг, подобно робким любовникам, которые прибегают к преступлению, стремясь вернуться во чрево матери, проскользнув меж сморщенных бедер. Государство никогда не испытывало недостатка в пособниках, готовых исполнить кровавое жертвоприношение. Нам рассказали, что архитектор здания, которое Анатоль Дейблер велел построить на улице Конвансьон, не успокоился, пока его не наняли помощником… Вдова никого не принуждает. Она притягивает тех, кто подвержен головокружениям. Она, буду-

чи вертикалью, совокупляется с мечтательной горизонтальностью смертного.

Итак, еще до того, как отправиться на военную службу, Анатоль, похоже, соглашался помогать отцу. «Начиная с 1890 года, – говорит все тот же Эмманюэль Кар, – он исполнял во время казни роль «фотографа», этим словом на «гильотинном» языке назывался помощник палача, который, стоя перед круглым отверстием, тянет к себе голову казненного или за волосы, или, за неимением таковых, за уши»… Мы вынуждены привести эту цитату. Не то чтобы эта процедура представлялась ужаснее, чем все преступления, которые обретали здесь свое наказание; но убийцы совершали их в порыве безумия или с чудовищной бесчувственностью. А здесь – ничего безумного и ничего чудовищного: обычная рутина, добросовестная работа… Как работа студента-медика в анатомичке, просто кровь здесь не остывшая, а еще горячая. Нужно лишь – и вполне достаточно – чтобы общество, откуда вышел и куда вернется исполнитель приговора, промокнуло эту кровь губкой. Как бы то ни было, эта работа подручного гильотины была самой опасной: можно было лишиться пальцев, а то и руки. Все это, остававшееся неведомым широкой публике, было хорошо известно «жертвам кровавой мессы», и, более того, являлось предметом их грез и чаяний, этот церемониал привлекал их, возвеличивал, преображал.

> Каждый знал, что в то самое мгновение, когда его голова упадет в корзину на опилки и ее подберет подручный палача, чья роль представлялась мне весьма сомнительной, сердце казненного поднимут пальцы, затянутые тонкой материей стыдливости, и вложат в юношескую грудь, прекрасную, как весенний праздник.
>
> *Жан Жене,* «Чудо о розе»

В конце концов, именно через супружескую постель Анатоль, как и первый Шарль Сансон, соединился с Вдовой-Убийцей. Преемник палача соглашается и даже требует права на наследство, взяв жену из рода палачей. У первого помощника, Луи Роди, или Толстого Луи, родившегося в Моне (Бельгия) в 1865 году, имелась сестра, Розали, которая вязала жилеты. Этой железной даме, получившей прозвище «маленькая королева», и предстояло, как говорят, сделаться свахой. Он, тридцати пяти лет, и она, двадцати трех, следовали одним курсом под цветами Велосипедного Союза Бийанкура. Когда аборигены этой равнины в излучине Сены штурмовали холм, само название клуба («Союз») придавало матримониальный оттенок всему действу. «Машина», слово женского рода, предназначена лишь для прогулок, в то время как мужской род (или, если угодно, пол) «велосипеда» свидетельствует о храбрости и атлетической силе. Первые забравшиеся на вершину холма спорили, в чем лучше садиться в седло другому полу – в юбке или брю-

ках – отсюда появились юбка-брюки, – а в это время доктор Фокез воспевал женский велосипедный спорт и воскресные утренние заезды. Так что для молодых людей велосипед был своего рода дополнительной чувственной силой.

Пообщавшись пару месяцев с Розали, сын, внук и правнук французских палачей – а ведь были еще те, кто практиковал в Баварии – 5 апреля 1898 года женился на девушке, принесшей ему со своей стороны несколько дополнительных колен дворянской родословной. Королевские альянсы предвосхищали альянсы военные. Те же обручальные кольца, которые наследники палачей надевали на пальцы наследницам палаческого рода, предполагали не только альянсы, но и правопреемственность, кровь оставалась неразбавленной, а семья совершенно закрытой для доступа посторонних, тем более что жить приходилось во времена, когда ее представители не могли посмотреть на себя со стороны, не содрогнувшись от ужаса.

Вскоре Жоржет, дочь Толстого Луи, племянница Розали, выйдет замуж за слугу Деревянной Вдовы, Анри Дефурно, из рода Дефурно, палачей из Иссудена (департамент Эндр), чей дом с красными воротам на краю города описал в романе «Разбойники» Оноре де Бальзак, сам племянник человека, казненного на гильотине… Наконец, младшая сестра Розали, Жюльет, к тому времени была замужем за портным из Отея, Жаном-Батистом

Обрехтом, также как и она сама, бельгийцем по происхождению, от которого в 1899 году родила сына Андре. Тот, отнюдь не будучи принцем крови, тоже приобщился к делу, и тем самым утром, 2 февраля 1939 года, вместе с коллегой и двоюродным братом Дефурно, ждал царствующего палача Дейблера на вокзале Монпарнас.

ИФИГЕНИЯ:

Из старины обычай
Меж таврами ведется и теперь:
Коль эллин здесь появится, богине
Его готовить в жертву я должна[*].

Еврипид, «Ифигения в Тавриде»

24 Год, когда в доме 143 по авеню Версаль родился Андре Обрехт, был годом вступления на палаческий престол (через брак) его дяди, чье правление продлится сорок лет.

Женившись, Анатоль Дейблер покорился воле богов. Имя, что он носил, предвещало для него не зарю новой жизни, которую он якобы выбрал для себя сам, но скорее «роковую зарю» – роковую, прежде всего, для него самого; ее фатальность, навязанную ему столькими поколениями предшественников, он, в конце концов, принял как данность.

Палачи, как и короли, свою судьбу обретают в колыбели. Король был королем, пока никто не сомневался, что он как законный сын своего отца, является таковым. В тот день, когда власть общества стала считаться важнее королевской власти и единственно законной, сам король, что вполне логично, был передан в руки палача. И вот, поскольку законность короля стала отныне важнее наследственного права на престол, получилось так,

---

* Пер. И. Анненского.

что наследственность палача оказалась важнее сомнительной законности его сословия, с которой, впрочем, народ смирился тоже.

Однако анархисты конца века не признавали ни ту, ни другую законность. Они требовали у Луи Дейблера отчета, какого королям времен Реставрации и в голову не могло прийти требовать ни от Сансонов, обезглавивших Людовика XVI, ни даже от палачей эпохи Большого Террора. Дейблеру угрожали. Как-то вечером незнакомцы пытались даже затащить его в фиакр… Ему довелось казнить Равашоля, Эмиля Анри, который попытался отомстить за Равашоля, Вайана, который попытался отомстить за Анри, Казерио, который захотел отомстить за Вайана, убив президента Республики. Когда палачи прибыли в Лион для этой последней казни, в гостиницах не нашлось для них комнат. Идеи анархизма проникали в общество. Владельцы гостиниц дали понять тому, кого именовали, как и архиепископа, «Парижским Месье», что не желают видеть его среди своих постояльцев, и поэтому Дейблеру пришлось приобрести участок земли с небольшим домиком по адресу улица Бийанкур, дом 39. Обязанности тяготили его все больше и больше. И еще эти журналисты, которые подстерегали на каждом шагу…

Если отчеты о смертной казни были самой популярной рубрикой у основной части читателей газет, в которых они появлялись нередко на первых страницах, они же были и самыми

предсказуемыми. Слова и жесты были зафиксированы раз и навсегда, как на мессе. Жертвы отличались одна от другой лишь взглядом или вскриком; а молчаливые служители кровавого культа – тем, как они управлялись с адским механизмом: уверенно или нерешительно. То, как вел себя Луи Дейблер, стало штампом, который не мог обойти вниманием

ни один репортер, порой эти штампы обрастали драматическими подробностями – ему ничего не стоило после спектакля отправиться ужинать в Аль и проторчать там всю ночь, и лишь на рассвете появиться в фиакре (так завзятые театралы появляются в театре прямо перед открытием занавеса) у ворот парижской тюрьмы Рокет, где наутро должна была состояться казнь. Так, газетные хроникеры, заявлявшиеся в «Комеди Франсэз», чтобы в очередной раз услышать знаменитый трагический хрип Моне-Сюлли*, неизбежный и обязательный, в какой бы роли тот ни выступал, здесь, во дворе тюрьмы, вытаскивали свои часы и подсчитывали, что между тем мгновением, когда осужденный вышел из тюремного фургона, и тем, когда качнулась планка, и тем, когда опустился нож гильотины, прошло столько-то минут и столько-то секунд… Они смотрели друг на друга, покачивая головами. В театре они стали бы свистеть.

---

* Моне-Сюлли (1841–1916) – знаменитый французский актер. – *Прим. пер.*

С самого начала, в 1879 году, когда Луи Дейблер только вступил в должность, унаследовав ее от своего тестя, Рока, он подвергался критике, но его, как и короля с трона, нельзя было сместить с должности, которая досталась ему, можно сказать, по наследству. «В преемнике Рока, – писал в конце того же года репортер „Голуа“, – чувствуется какая-то скованность, и, в то же время, он действует довольно грубо, это необходимо исправить. Так, например, обрезая волосы, он не приподнимает пряди, как это делал Рок, чтобы избавить клиента от прикосновения холодного железа. Ножницы касаются кожи»*. Фелисьен Шамсо, который писал довольно рискованные романы, пользующиеся большой популярностью, а также передовицы в той же «Голуа», дал такой портрет нового палача: «Коренастый человек, одетый в черное, на шее галстук вроде военного. Он похож на бывшего солдата и носит бородку подковой. Волосы черные, как и его

* Эта деталь кажется весьма выразительной репортеру, которому поручено описать церемонию, где, как правило, не может произойти ничего непредвиденного. Столь распространенное клише о связывании рук кажется сомнительным, когда мы читаем такой, к примеру, пассаж: «Из соображений предосторожности и, возможно, оттого, что Прюнье сопротивляясь, инстинктивно сжал руки, палач долго связывал ему запястья и стянул их слишком сильно. „Мне больно“, – восклицает Прюнье». Но в воротах тюрьмы «он пожимает руку епископу, главному охраннику и мэтру Гослену, секретарю суда…» (анонимная статья на пять колонок).

одежда, как все в нем, и топорщатся в разные стороны. <…> Этот человек, появившийся перед толпой в зловещем нимбе, выглядел таким робким; почувствовав жалость, я взял его за руку. Мы разговорились. Чтобы избежать слов, обозначающих его профессию, палач подыскивает слова, я тоже. Господину Дейблеру стыдно быть палачом».

28 Возможно, он был бы вполне довольным жизнью унтер-офицером. Но судьба еще в младенчестве запеленала его в смирительную рубашку. И он смирился. Только по прошествии двадцати лет он уже изнемогал от бремени. В газетах сообщалось, что ему снились казненные. Он больше не выносил вида крови, которая мерещилась ему повсюду. 29 декабря 1898 года он подал в Министерство юстиции прошение об отставке с 1 января.

Оно появилось как нельзя более кстати! В этот самый день в Министерство юстиции из Елисейского дворца пришло прошение о смягчении наказания; в письме имелась отметка об ознакомлении с ним президента Республики, но его подписи не было. Речь шла о Вашере, знаменитом потрошителе пастухов и пастушек*, который в отчете комиссии по помилованию большинством голосов признавался душевнобольным и в связи с этим гильотину ему следовало заменить каторжными

---

* Герой неприлично тенденциозного фильма Бертрана Тавернье «Судья и убийца».

работами*. На что министр юстиции отправил начальника канцелярии к главе государства, чтобы тот взял на себя ответственность. Феликс Фор ответил, что «поскольку он воздержался ставить подпись под постановлением о смягчении наказания, это означает, что он не намерен воспользоваться своим правом помилования»†.

Теперь, когда был отдан приказ о казни, отсутствие палача могло ее сорвать! Казнь должна была состояться в Бур-ан-Бресс. Правила требовали, чтобы Луи Дейблер получил распоряжение о ее исполнении не позднее, чем за два дня. Была среда. По воскресеньям казни не проводятся, а 1 января 1899 года падало именно на воскресенье. Не совсем прилично было и переносить казнь на следующий день или на несколько дней, после того, как охранники пожелают заключенному «счастливого нового года». Оставалась суббота. Так что в четверг старый палач, уже считавший себя свободным, вместо ответа на свое прошение об отставке получил приказ отправляться в Бур для казни Вашера на Марсовом Поле, в последний день года.

* Пьер Бушардон, который дал нам эти сведения («Вашер-потрошитель», 1939), отмечает, что это было непоследовательное решение, поскольку каторга предполагает наличие смягчающих обстоятельств, в то время как признание недееспособным влечет за собой помещение в лечебницу.

† *Марсель Монтаррон*. «Деревянная Вдова, или История Наказаний». Плон, 1973.

Это было незабываемое зрелище: поскольку Вашер отказывался стоять на ногах, вытаскивая осужденного из тюремной повозки, Анатоль взял его за руки, а Берже за ноги, и вместе они отнесли его к поставленной горизонтально гильотине; Луи в последний раз в жизни привел в движение механизм.

А спустя две недели после этого, в Труа, на заре, Анатоль сделал это движение в первый раз. Он казнил на гильотине нотариуса Франсиса Пьера Дамуано, бывшего мэра Ромильи-Сен-Лу, который убил зятя и тяжело ранил дочь в результате серьезной семейной ссоры из-за денег. Когда Дейблер вышел из кабинета прокурора, ему пришлось выпроваживать эту самую дочь, которая дожидалась его, чтобы попросить разрешения подойти завтра к гильотине. «Для меня это будет такое удовольствие».

Три недели спустя, в Ремирмоне он казнит Цукермейера, который изнасиловал и убил маленькую девочку.

День 16 февраля следующего года будет приятным для Елисейского дворца и роковым для президента. На место Феликса Фора придет Эмиль Лубе. 20 сентября, через десять месяцев после официального обручения Анатоля и Деревянной вдовы, на свет появился Роже Гектор Дейблер, которому три недели спустя из-за какого-то недомогания врач пропишет лекарство, и оно его убьет. А в 1904 году за-

кончит свои дни старый палач Луи. На следующий год в доме Анатоля появится дочь, названная Марсель. Наследников имени не было и не будет.

Государство – по крайней мере, в лице его руководителей – вполне устроило бы (по крайней мере, в то время) пресечение этой династии. Лубе, противник смертной казни – как Клемансо, Бриан и многие парламентарии, которых, впрочем, было недостаточно, чтобы поставить на голосование проект об отмене смертной казни в 1898 году – миловал так часто, как только мог; а пришедший ему на смену в 1906 году Арман Фальер делал это постоянно. Поскольку казней больше не проводилось, бюджетная комиссия упразднила сам пункт, по которому выплачивалось жалованье исполнителям приговоров. Отмене смертной казни противился народ. Суд продолжал выносить смертные приговоры, но они не исполнялись.

Именно народ вновь вернул на престол свергнутого палача… Он посылал своих представителей к Анатолю, который принимал их в своем особняке на авеню Версаль, дом 133-бис, где совсем недавно поселился и где имелся балкон, откуда можно было делать заявления. 14 февраля 1907 года стало известно, что столяр Солейлан изнасиловал, задушил, разрезал на куски и отправил в ящике на Восточный вокзал дочь приятелей двенадцатилетнюю Марту. Весь Париж, наполненный стенаниями и ароматами приближающейся весны,

которой Марте не суждено было увидеть, следовал за катафалком с трупом девочки от улицы Попинкур через заставу Лила на кладбище в Понтене. Это было прославленное в истории преступлений место, ведь не кто иной, как Тропман*, роя там первую могилу, сделал первый удар заступом, тем самым, что стал орудием убийства пятерых детей и их матери, потом их старшего брата, а потом и отца.

Преступление Солейлана напоминало одно из самых чудовищных преступлений, совершенное в 1880 году Менесклу. Этот двадцатилетний парень заманил в свою комнату в квартале Гренель маленькую четырехлетнюю девочку, показав ей кисть сирени.

> ЗЕЛЕНОГЛАЗЫЙ: Никто не видел, как она поднималась. Ей понравилась моя сирень. <…> Я держал во рту кисть сирени. Девочка пошла за мной. Она была словно под гипнозом. <…> Потом она стала кричать, потому что я сделал ей больно. И я ее задушил.
>
> *Жан Жене,* «Строгий надзор»

Менесклу спрятал тело между двух матрасов, на которых и заснул. На следующий день, когда его родители, с которыми он жил, ушли из дома, он принялся разрезать тело на части. Когда в квартиру ворвалась полиция, он уже

---

* Знаменитый в свое время «Пантенский убийца», при казни которого присутствовал – и описал ее – И. С. Тургенев. – *Прим. пер.*

начал сжигать останки у себя в печи. В карманах у него были спрятаны два плечевых сустава.

Луи Дейблер отрубил голову Менесклу, а год спустя – его последователю Феликсу Лемэтру. Итак, Цукермейер был вторым клиентом Анатоля. К услугам Дейблера прибегли и в деле Солейлана, который был приговорен к смерти 23 июля.

Когда 13 сентября стало известно, что Фальер помиловал очередного Менесклу, равно как и всех тех, по поводу которых к нему обращались с прошениями о помиловании, толпа, сопровождавшая на кладбище в Пантен останки маленькой Марты, двинулась на Елисейский дворец, намереваясь освистать президента-гуманиста. Это был почти бунт… Год спустя Фальер уже не решился помиловать четырех осужденных из банды Полле, которая терроризировала Па-де-Кале, и в Бетюне – прекрасный город для палача – Дейблер познал свой апофеоз. Анатоль-велосипедист получил «машинку» – так палачи называли между собой орудие производства – из неуверенных рук отца, когда профессия была под угрозой, как и сам институт смертной казни, когда владельцы гостиниц отказывались предоставлять палачам комнаты. Теперь же они готовы были отдать в его распоряжение балкон, откуда он мог выслушивать приветственные крики. Он предстал триумфатором, став при этом провозвестником нового стиля, торжественного,

как во времена Рока и старого Луи, но в то же время по-современному стремительного: четверо приговоренных проследовали из ворот тюрьмы в ворота вечности за какие-нибудь десять минут. Легкость и непринужденность человека со стремительной походкой, белыми руками и рыжей бородой пришлась по нраву всем. Толпа предложила ему выпить; пришлось согласиться. На Северном вокзале его поджидала другая толпа со своей порцией приветствий.

Словно для того, чтобы наверстать упущенное время, через несколько месяцев после этой казни четырех человек в Валансе, состоялась другая казнь, тройная, шоферов департамента Дром. В память об этом событии выпустили даже серию открыток. Фальеру пришлось смириться. В 1910 году он не решился помиловать сапожника Льябефа, который, разъяренный преследованием, убил нескольких полицейских, пытавшихся остановить его руку, в которой был револьвер и какая-то штука с шипами, похожая на собачий ошейник.

«Реставрация» 1907 года утвердила последнего представителя династии в его царствовании, которое никто отныне оспорить не мог. Расшатанный идеологическими дворцовыми заговорами (дворцом Бурбонов, Елисейским дворцом), его трон был восстановлен народом. Общественное мнение больше не оспаривало право и долг палача выполнять свою работу.

Его наследственное право на престол, признанное всеми, придавало ему уверенность и даже определенный стиль. Механик, каковым он являлся, не переставал, как утверждает Марсель Монтаррон, отныне совершенствовать свою машинку, прибегая к помощи столяра, который когда-то отказался выдать за него дочь.

Казалось, Анатоль обрел в семейной жизни своего рода счастье: не то, о каком ему мечталось в восемнадцать лет и которое чуть было не заставило бежать своего предназначения, но то, что после неудач и первых разочарований открывает свою обманчивую сладость. Были опубликованы фотографии фургончика палаческого семейства во время купания на море. Представим себе, что к его порогу подступает море, как к домикам купальщиков времен Мопассана, что все многочисленное семейство, чада и домочадцы спускаются в соленые волны по обветшалой лестнице эшафота былых времен… Работа требовала от него, по крайней мере, одного выхода в свет за месяц. Это было вполне сносно, при условии, что об этом не говорили между собой – в доме повешенного не говорят о веревке – и что стены, обступающие личную жизнь, останутся столь же высоки и неприступны, как стены холостяцкой тюрьмы. Там несчастье, здесь счастье, воспринималось все одинаково; это всего лишь вопрос жизненного распорядка и толщины ограды.

Он приобрел – или построил – «особняк» на авеню Версаль, дом 133-бис, чтобы жить там, потом доходный дом на улице Конвансьон, дом 54, «Версаль, Конвансьон» – королевские названия, вполне приличествующие потомку Сансонов. В этих домах он поселил своих: племянника Дефурно, того или иного помощника. Потом, когда у него начались проблемы с сердцем, он привел в порядок имение отца, виллу Дюфрен в той части авеню Пуэн-дю-Жур («Рассвет»), что называлась Клод-Террас. Этот одноэтажный домик – то, что было нужно его сердцу. Точно также и с орудием труда: «эшафот» говорили лишь по привычке, карабкаться по лестнице ему было бы трудно.

В какой-то момент в квартале Пуэн-дю-Жур собралась вся братия заплечных дел мастеров. Обрехт по-прежнему оставался его соседом по авеню Версаль. Но в те дни, когда предстояло поработать, они назначали друг другу встречи в тюрьме Санте или на вокзалах: чтобы не побили по дороге, а еще чтобы избавиться от внимания охотников за картинками – отсюда и платок, который он неизменно подносит к лицу, когда предстояло пересечь открытое пространство. На станции метро «Порт де Сен-Клу» все привычно, как всегда: он вытаскивает платок, прежде чем ступить на лестницу; внизу, на последних ступенях, сморкается.

Не слишком ли дерзко будет предположить, что этим утром, 2 февраля, мысли Анатоля были заняты не столько малоинтересным

преступлением некоего Пилоржа, сколько городом, куда благодаря этому бретонцу, лицо которого не появилось даже в уголовной хронике (а ведь вполне возможно, что он, сам того не ведая, встречал его на улице) – он получил возможность вернуться; городом, где он родился семьдесят шесть лет тому назад на улочке Шатийон, которая затем становилась дорогой на Шатийон-сюр-Сейш, что вела к железнодорожным путям и вокзалу – с этим вокзалом были связаны самые давние его воспоминания, там его должен был дожидаться фургон, набитый всякими необходимыми вещами, и стоял он на рельсах, которыми он в детстве любовался с моста, и куда его должен был доставить двухчасовой поезд?

Путешествие обещало стать весьма приятным. В забронированном для них купе, с опущенными со стороны коридора шторками, в старом берете из серого фетра (заменившем шляпу), он будет предаваться воспоминаниям, которые станут обволакивать его все теснее и теснее по мере приближения к Ренну. Более того, на этот раз его ожидало некое изменение в привычном распорядке – обед, гости, спектакль… – из которых старики умеют делать праздник; каждый раз, когда казнь происходила в этом городе, перед гильотиной появлялся комендант в отставке, в парадной форме, он вынимал из ножен шпагу и, обнажив клинок, салютовал ею в тот момент, когда падал нож гильотины, которая представлялась

ему символом «французского правосудия», как этот офицер как-то написал Дейблеру. Анатоль охотно отвечал на письма; в конце концов, он подружился с ним, и в тот самый вечер был приглашен на ужин к коменданту, который, как и он, был уроженцем Ренна. Новое знакомство, причем, в том возрасте, когда старые знакомые один за другим исчезают… У него было много времени в запасе, когда он ступил на лестницу метро, собираясь добраться до вокзала Монпарнас… где четверо начали уже беспокоиться и нетерпеливо пританцовывали на месте, дожидаясь патрона, который опаздывал впервые за свою долгую карьеру.

Но вместо него они увидели Марсель, его дочь, она бежала с искаженным лицом…

Анатоль Дейблер играет в бильбоке с головой Фальера

ЖИЗНЬ ПРИГОВОРЕННОГО К СМЕРТИ

Молодой человек, которого должен был казнить Анатоль Дейблер этим февральским утром 1939 года, родился 19 мая 1914 года в центральной больнице города Сен-Мало у Флорестин Эжени Бюд и Анри Пилоржа, каменщика из Сен-Люнера, это неподалеку от Динара, в устье реки Ранс, его отец умрет уже в октябре следующего года.

Мальчика назвали Морис, возможно, потому, что это имя никогда не казалось таким благозвучным, как в эти годы*. Его бабке Бюд, которая воспитывала его в Сен-Люнере до шести лет, было очень приятно слышать, как внук откликается на это имя. В 1920 году его мать, которая за три года до этого вновь вышла замуж, забрала его, и он стал жить дома с тремя сводными братьями, сначала в Фалезе, затем в Сен-

* Возможно также, потому что для привычных бретонских ушей это имя, недавно пришедшее из Франции, порой служило для передачи – и следует признаться, этим зачастую злоупотребляли – гэльского, королевского и весьма распространенного имени Морван, так, например, Рок-Морван стал в Финистере Рош-Морис.

Пьер-дю-Бю, потом снова в Фалезе. Он везде посещал светскую школу, но слишком нерегулярно, и аттестата так и не получил, зато в возрасте одиннадцати лет удостоился постановления суда по делам несовершеннолетних за то, что в ночь с 29 на 30 июня 1925 года зарезал курицу и цыпленка прямо во дворе их владельца, господина Тутэна, убил кролика, ис-

портил резервуар с водой на вокзале, похитил «фрукты и прочие сельскохозяйственные продукты, еще не выкопанные из земли» – имелась в виду клубника – «нанеся ущерб господину Лебретону». Двое других детей, его сообщники Оман и Мари, были отпущены на свободу, поскольку действовали по его наущению. В полицейском протоколе было отмечено, что, несмотря на все эти дурные поступки, у мальчика доброе сердце.

Если бы не последний пункт, который несколько нарушает цельность персонажа, то у нас могло бы возникнуть ощущение «дежавю». Прежде всего, благодаря местности, где все эти правонарушения были совершены: километрах в тридцати от нормандских деревушек, в которых графиня де Сегюр определила место своим детским драмам. Затем, по сути: «Клубника», «Цыпленок» – так могли бы называться главы книг, в которых были выведены порочные души Альсина и Торшонне, Жюля, сыновей графа, и даже Софи Фиккини, к счастью, этих последних удалось насильно избавить от их испорченной приро-

ды и препроводить для исправления и раскаяния на попечение специальных государственных структур, предназначенных для детей из приличных семей.

При этом дети из семей бедных, такие, как «Малышка Жюли» или «Несчастный Блез» могли спастись лишь благодаря своему доброму сердцу, которое, как следует из книжек «Розовой библиотеки», не может биться в груди потрошителей цыплят, и «доброе сердце», особо отмеченное в полицейском протоколе, не помешало тому, что Морис Пилорж, сын умершего каменщика, был доверен 21 августа 1925 года попечительству Патроната по делам детей и юношества, основанного в 1890 году адвокатом Анри Ролле, проживающим в Париже по адресу улица Вожирар, дом 379 (XV округ).

В ту пору во Франции имелось сто шестнадцать исправительных учреждений, которым государство доверило принимать несовершеннолетних правонарушителей по решению трибуналов, подразумевалось, что им надлежит там встать на путь исправления. Патронат Ролле был чем-то вроде частной благотворительной организации для сбившихся с пути истинного подростков. Для его воспитанников он исполнял роль семьи, главной и далекой семьи, он и помещал ребенка в семью, наблюдал за ним, забирал из семьи, перемещал в другую, но это непременно была семья, в городе или сельской местности. Так Пилорж,

Морис, был помещен на ферму сначала в Крезе, затем в Вогезах…

На суде присяжных, который принимал решение о судьбе Нотр-Дам-де-Флёр,

> представители патроната для подростков тихо беседовали между собой. Они оспаривали его душу. Может, разыграть ее в кости, чтобы отправить потом в Вогезы?

Жан Жене, «Богоматерь цветов»

Вне всякого сомнения, он находился где-то там 11 декабря 1925 года, когда на улице Вожирар объявился воспитанник патроната Жене, Жан, закоренелый беглец, пятнадцати лет, старше Пилоржа на четыре года по возрасту, но младше по преступлению – тому преступлению, которое ему предстоит воспеть. Мне не приходилось ничего слышать или читать о Жене такого, что позволило бы предположить, будто в Патронате он знал Пилоржа, или хотя бы ощущал его присутствие. Однако их лица или их имена, похоже, перемешались в мечтаниях секретарши, единственном месте, может статься, где они когда-либо встречались.

В самом деле, Жюльен Блан, прибывший в Патронат в 1922 году, писал:

> Я ждал в светлой прихожей под бюстом какого-то адвоката-основателя Патроната. <…> В соседней комнате, дверь в которую была открыта, печатали на машинке девушки. Они были

красивы. Когда они смотрели на меня, в их глазах стоял вопрос, палец на мгновение зависал в воздухе, потом они опять начинали барабанить по клавишам. <…> Какой-то служащий с бородой с проседью уселся за стол, который был больше и красивей, чем остальные; похоже, это был начальник молодых секретарш. Время от времени одна из них поднималась и почтительно подходила к бородатому господину*.

…Как бы то ни было, проводя свое исключительно ценное исследование†, Альбер Диши выяснил, что Жене, родившийся 19 декабря 1910 года – а Нотр-Дам-де-Флёр родился 19 декабря 1920‡, – в регистрационной карточке Патроната записан как родившийся 19 ноября, а в книге записей – 19 мая… Мы знаем, что последняя дата – это дата рождения Пилоржа.

Два имени, две фотокарточки на двух личных делах прошли перед глазами молодых секретарш и, возможно, перепутались. Например, 9 февраля 1926 года, когда стало известно,

---

* «Только жизнь», переиздание 1943 г. – Жюльен Блан (Париж, 1908–1951) был отправлен Патронатом в Нуан-ле-Фузелье; там проявил свой несносный характер, вернулся в Патронат, который направил его в Ажан, где мальчик жил в нескольких крестьянских семьях. Сбежал в Париж. Вновь приведен в Патронат. Оттуда отправлен в Шарм (департамент Вогезы). Сбежал в первый же вечер. Вернулся в Париж на поезде, без билета и т. д., пока не завербовался в Иностранный Легион.

† *Жан Жене.* Хронологическое эссе (1910–1944), 1988.

‡ «Богоматерь цветов», допрос судом присяжных.

что Жене сбежал с улицы Вожирар – полиции удалось настичь его два дня спустя, в Марселе. Патронат отказался принять Жене обратно, он был отправлен в Париж и препоручен заботам органов государственного призрения. Не прошло и месяца, как он был арестован на Аустерлицком вокзале, когда пытался сесть без билета на поезд в Бордо. Заключенный под стражу в тюрьму Рокет, представ перед трибуналом для подростков, оправданный, поскольку действовал без злого умысла, он вновь был отдан в органы попечительства. Его отправили на ферму, откуда он сбежал и исчез, до тех пор, пока снова не был арестован за путешествие без билета в поезде Париж-Мо, 19 июля 1926 года. И снова суд по делам несовершеннолетних оправдал его, но принял решение отправить в исправительную колонию Меттрэ – «три сотни детей, собранные вместе в одном из самых прекрасных мест красивейшей на свете Турени и существующие в попеременном ритме любви и ненависти», – куда он и прибыл 2 сентября 1926 года. – А теперь пусть читатель оставит нас и прочтет или перечтет что сказано в романе «Чудо о розе» об этом памятном месте унижения и славы.

В это время Пилорж устал от работ, которые ему пришлось выполнять в окрестностях Шарма, в департаменте Вогезы, куда он был помещен на попечение одной семьи, сотрудничающей с Патронатом. Такие семьи бескорыстно и безо всякого вознаграждения

брали на себя заботу подыскивать новичкам ферму, где те могли бы жить и работать. Когда что-то шло не так – а это случалось довольно часто, поскольку непостоянство, если можно так выразиться, было постоянной чертой склонных к бегству подростков – семья подыскивала воспитаннику новое занятие; или же вновь отправляла ребенка в Патронат, чьей основной функцией было, как мы уже видели, помещение подростка под опеку… Вот так получилось, что, отвергнутый департаментом Вогез, весной 1927 года Пилорж тоже, в свою очередь, оказывается в Меттрэ, куда Патронат отослал его на несколько недель. Ему тринадцать лет. Жене шестнадцать с половиной. Похоже, если они и встречались, то никогда ничего об этом не узнали, ни тот, ни другой.

> В Меттрэ колонистам одной семьи было очень трудной перебраться в другую, такой строгой была дисциплина.
>
> *Жан Жене,* «Чудо о розе»

Каких-нибудь полгода спустя Патронат взял его оттуда, подыскав место в департаменте Луар-э-Шер, где у него имелась принимающая семья в местечке Нуан-ле-Фузелье, это на краю Солони… Там случилась первая кража, про нее пропустим. После второй – это была кража бритвы, и стоит признаться, если ее совершил четырнадцатилетний мальчик, тут есть о чем беспокоиться – семья вновь вернула

его в Патронат, а тот – обратно под контроль пенитенциарной администрации. Суд по делам несовершеннолетних департамента Сены установил, что мальчик действовал без злого умысла, и оправдал его; 24 октября 1928 года он был направлен в исправительную школу Сент-Илер, возле Шиньона.

Эта была самая старая – и одна из четырех
48 в ту пору существовавших – государственных исправительных колоний; другие находились в Сен-Морисе, Бель-Иль-ан-Мэр и Ариане. Созданная в 1848 году для детей, находившихся под стражей в централе Фонтевро, она, будучи сельскохозяйственной колонией, поначалу располагалась на ферме Булар (383 гектара), одной из пяти, что до 1789 года принадлежали знаменитому аббатству, ставшему известной тюрьмой, и существовали под его сенью; она направляла воспитанников на сельскохозяйственные работы, и это напоминало иллюстрации к «Великолепному часослову» герцога Беррийского: деревенские жители у подножья замка. Именно эта колония Сент-Илер – а вовсе не колония Меттрэ – вдохновила Жене на то, чтобы воспеть в «Чуде о розе» этот рассадник чертополоха, где одно только предположение о возможном преступлении делает человека достойным уединения и славы смертников главного централа – идеального и преисполненного поэзии*, потому

* О реальностях Фонтевро и мифологии преступления, которое Жан Жене поместил в это знамени-

что по определению это была тюрьма длительных сроков заключения для тех, кто сумел спасти свою голову (или не рисковал ей вовсе) и кто дожидался очередного парохода на каторгу, а что касается смертной казни, ее дожидались в судебных изоляторах.

> В маленькой деревушке Фонтевро <…> Централ занимает место старого аббатства и сохраняет то же значение, и каждый заключенный, когда порой замечает летом над дозорной стеной зеленые верхушки деревьев, полого спускающихся к роднику Фонтевро, вдруг ощущает в себе, при всей своей униженности и убожестве, горделивую душу жившего здесь когда-то монаха.
>
> *Жан Жене,* «Чудо о розе»

Гордость, спрятавшаяся под дешевой шерстяной тканью, как под монашеским одеянием, пародия на покорность окрестных монашек своей аббатисе Фонтевро, – так в 1115 году Робер д'Арбриссель, основатель аббатства, поставил настоятельницу, избрав самую смиренную и скромную из всех Петрониль ден Шемийе.

> Дети заснули. Впоследствии их отдадут под патронат – или в колонию – для исправления. По прибытию в исправительный дом

тое место, Пьер-Мари Эрон провел исследование, о котором журнал «Фонтевро: история и археология» опубликовал весьма подробный отчет (1992, с. 33–44).

Лу-Дивин сразу же поместили в камеру. Он просидел в ней на корточках целый день. Он был очень чувствителен к тому, что, как он подозревал, было тайной проклятых детей (на руке они делают татуировку: «Дети беды»). <…>

Так каторга меркла в лучах этих солнц, сияющих в своих серых камерах – это были мужчины, – а мальчишки ждали, когда же возраст позволит им оказаться среди героев, которых они боготворили, которые, необыкновенные и прекрасные, задирали тюремщиков. То есть мальчишки ждали возможности совершить, наконец, настоящее преступление, чтобы отправиться в ад.

Жан Жене, «Богоматерь цветов»

Самые старые исправительные учреждения всегда приводились в пример газетчиками в эссе о «всеобщем оздоровлении общества». «Сент-Илер-на-крови», – писали журналисты. «Сент-Илер-на-радости», – озаглавит впоследствии свои воспоминания один бывший воспитанник*. Это единственная колония, которая со времен II Республики до правительства Виши – одним из его первых декретов, касающихся молодежи, был декрет от 15 августа 1940 года, упраздняющий правовую основу и само существование исправительных учреждений для несовершеннолетних – пережила от реформы к реформе (последняя

* *Виктор Лари* (*Анри Жубрель*). Сент-Илер-на радости. Виго, 1946.

была в 1937 году) всю историю явления, которое, начиная с 1930 года, называли «надзираемое воспитание», именно так именовался режим в учреждениях для малолетних правонарушителей. Сант-Илер, как никакое другое учреждение, было достойно называться Школой реформ… В этом заведении, где проповедовался принцип «веры в Человека», у Пилоржа в личном деле стояла пометка: «лицемерный и скрытный».

Он все еще находился там, когда стало известно о казни 21 июня 1930 года в Руане бывшего воспитанника этой колонии Анри Вердьера, который, будучи осужден за кражу, с восемнадцати до двадцати одного года жил под патронатом. Этот самый Вердьер, грузчик, довольно похоже сымитировал преступление Менесклу: конфетами заманил восьмилетнюю девочку, Кристиан Галлан, в свой гостиничный номер, изнасиловал ее и убил. Когда его арестовали, тело было найдено на кроватной сетке под матрасом. Не хватало только ветки сирени.

После побега и очередной кражи Пилорж 22 августа 1930 года был снова оправдан трибуналом Сарта и отправлен в Сент-Илер. Оттуда он сбежал в январе 1931 года с приятелем, и они украли два велосипеда. Отныне все судьи по делам несовершеннолетних знают эти знаменитые слова судьи Линдсея из Данвера (штат Колорадо): «Когда ребенок крадет велосипед, меня волнует не велосипед, а будущее этого ребенка», – слова, которые, во всяком

случае, благоприятно сказались на карьере самого судьи… После обжалования суд Анжера 19 февраля 1931 года все-таки приговорил Пилоржа к шести месяцам заключения с отсрочкой. Он был помещен в исправительную колонию Бель-Иль-ан-Мэр.

Там в конце августа 1934 года один воспитан-
52 ник был наказан за то, что откусил от куска сыра прежде, чем доел суп: надзиратели набросились на него и избили. Так назрел бунт. В понедельник 27 августа горнист колонии, протрубив позывные «на ужин», добавил «по классам». Это был условленный сигнал. Все ринулись в столовую, напали на охранников, отобрали у них ключи… Они ломали и крушили все на своем пути. Из трех сотен воспитанников на остров сбежали пятьдесят шесть. Пушкой, которую все называли здесь «Душка», был подан сигнал тревоги. Администрация, забаррикадировавшись в кабинете, названивала начальству или молилась. Глашатай объявил премию в двадцать франков тому, кто поймает и приведет обратно одного беглеца. Это была цена одного дня пансиона для мелких служащих, которые до того, когда ввели оплачиваемые отпуска, вынуждены были за свой счет проводить отпуск на этом острове с весьма скромной стоимостью проживания. Охота за крабами уступила место охоте за бунтовщиками. Рыбаки расселись по своим суденышкам. Ночью были схва-

чены пятьдесят беглецов. Должно быть, именно эта «Охота на ребенка» стала названием одного из тех стихотворений, чья умиротворяющая бездарность (смотри Приложение II) в наше время принесет Жаку Преверу славу Беранже… Среди этих пятидесяти шести был и Пилорж. 7 сентября его перевезли в Эйс, старую тюрьму в пригороде Вильнев-сюр-Лот, устроенную на развалинах бенедиктинского аббатства, основанного Карлом Великим.

Сент-Илер, Сен-Морис, Меттрэ, даже Аньян (на реке Эро, в низовье Сен-Гилем-ле-Дезер) принимал подростков или не приговоренных к реальным срокам, или оправданных, поскольку им не исполнилось шестнадцати и действовали они без умысла. Эйс, как и вышеупомянутые учреждения, именовался «учреждением, осуществляющим надзираемое воспитание». Вот только к этому названию в скобках добавлялось: «Исправительные наказания»). Это означало, что там были собраны осужденные за серьезные правонарушения или преступления и в возрасте младше двадцати одного года. Там имелся блок для подростков, зараженных сифилисом, которые по интеллектуальному уровню превосходили остальных.

Колония была обнесена семиметровой стеной, вдоль которой тянулся дозорный путь. Крытые шифером квадратные башенки делали акцент на углы здания. Трехэтажный изоляционный блок на пятьдесят четыре каме-

ры представлял собой классическую тюрьму с узкими коридорами, соединенными переходами. Режим отличался большой строгостью: полный запрет покидать здание; исключение делалось лишь для нескольких воспитанников, используемых на сельскохозяйственных работах, их отбирали с особой тщательностью. Дортуары представляли собой забранные решеткой клетки, выстроенные в линию по десять штук и запираемые одной задвижкой. Подъем в 5:30 летом и в 6:30 зимой. Мастерские: портновские, столярные, сапожные, кузнечный цех. Прогулки, чаепития, купания, совместные посиделки были здесь под строжайшим запретом. Никаких увольнительных ни по воскресеньям, ни в праздничные дни. Главное наказание – тюремный карцер… В мае 1936 года, когда администрация вновь почувствовала назревающий в Бель-Иль бунт, бывший воспитанник Меттрэ, один из тех колонистов, которых журналист Луи Рубо окрестил «Детьми Каина»*, а именно Роже Абель, за попытку устроить заговор был отослан в Эйс, а вместе с ним десяток предполагаемых бунтовщиков, самых старших по возрасту. 1 апреля 1937 года он умрет от скоротечной чахотки в больнице Ажена, куда был достав-

* «Зеленые тетради», 1929. См. выше «Дети беды» («Богоматерь цветов»), такое название Жене вначале дал гимну колонии, который он как раз в ту пору писал, до «Тайны детей ангелов» и, наконец, «Чуда о розе».

лен ввиду состояния, в каком его выпустили из карцера, «мрачной конуры под лестницей», совсем, как той, откуда раскрывалось небо святому Алексею, «Бедняку под лестницей»… Нам известны эти обстоятельства из статей Алексиса Данана, который отменил исправительные тюрьмы краткосрочного лишения свободы, созданию которых сто лет назад способствовал – как ему казалось, во имя прогресса – либерал Алексис де Токвиль*.

Итак, на этой каторге Пилорж, похоже, чувствовал себя вполне сносно. Он работал в столярной мастерской, как и в колонии Меттрэ. Из характеристики, подписанной директором: «В течение восьмимесячного пребывания ни разу не подвергался наказанию; трудовая дисциплина была вполне удовлетворительной, поведение пристойным. Он покинул заведение, полный самых похвальных намерений и выражая твердое стремление стать полноценным членом общества». – «Я часто висел на доске почета, – скажет он впоследствии на суде, – и мне однажды дали увольнительную на десять дней». В самом деле, он был освобожден 8 мая 1935 года, за десять дней до совершеннолетия.

В ожидании зачисления в полк он прежде всего отправился к своей тетке Ле Луе (сестра ма-

* Алексис де Токвиль (1805–1859) – видный французский политический мыслитель, историк, министр иностранных дел Франции (1849). – *Прим. пер.*

тери), которая жила вместе с другой сестрой, незамужней, и служила консьержкой в доме 135 по авеню де Версаль (XVI округ), на окраине квартала Пуэн-дю-Жур, в недавно построенном здании.

Этот адрес ничего Пилоржу не говорил. Надо полагать, самой консьержке он говорил чуть больше – так же, как и нашему читателю,
56 который помнит, что дом 133-бис был особняком, который Анатоль Дейблер приобрел, чтобы вложить в недвижимость наследство своего отца-палача, и который недавно продал; а до этого там жил его племянник и первый помощник Анри Дефурно, а потом и второй помощник Андре Обрехт, последний, возможно, до сих пор не переехал в дом 141, и вообще мы могли убедиться, что почти все члены этого племени обосновались между этим авеню де Версаль и авеню де ла Порт квартала Пуэн-дю-Жур, и только Дефурно, изменив родному кварталу, перебрался на третий этаж только что достроенного здания на улице Конвансьон… Много ли здешних консьержек могли похвалиться тем, что открывали дверь одному из этих господ, при этом, потянув за веревочку, делали почти такое же движение, что делали сами палачи, приводя в действие механизм гильотины! Право, тут было чем гордиться.

Пилорж довольно скоро выяснил, кто соседствовал с ним через стену, а может быть, соседствует до сих пор, во всяком случае, ес-

ли и не совсем через стену, то через несколько стен. В кино придумывают реплики куда менее логичные и правдоподобные, чем те, которые автор киношных диалогов мог бы вложить в уста тетушки Ле Луе, уставшей дожидаться своего племянника, возвращающегося «Бог знает откуда!» тогда же, когда в недавнем прошлом – впрочем, даже и не в прошлом, а в настоящем – можно было услышать, как этот ужасный, но вполне себе приличный с виду сосед, если должен был выполнить свои обязанности именно в Париже, подзывал такси, собираясь проделать – только в обратном направлении – тот самый путь, что проделал фиакр Фантомаса, когда труп привел клячу к набережной Пуэндю-Жур (смотри приложение II)… Или вот еще, не вставая с кровати: «И откуда тебя принесло в такую пору?.. Известно ли тебе*, как ты закончишь?… Рядом с тем Месье, который живет рядом!».

Смысл этой тирады станет яснее чуть позже, когда 11 июня чета консьержей, обрадованная тем, что несносный племянник наконец-таки убрался из дома, вдруг обнаружила, что

---

* В 1935 году парижская консьержка – чья речь была чрезвычайно живой и выразительной («Пишите, – советовал Макс Жакоб, – как консьержка, ведь консьержки говорят очень хорошо») – использовала в разговорной речи вопросительные обороты с инверсией, свидетельствующие о владении языком, каким не могут похвастаться даже нынешние преподаватели.

их обчистили на три тысячи франков, не говоря уже о часах и прочей мелочи. Господин Ле Луе отнес заявление в полицию.

Пилорж отправился к матери, в Фалез, туда, где Софья Ростопчина придумывала, как Альсид разбивает стенку шкафа, чтобы отвести подозрения в краже, которую он заставил совершить Фредерика. Альсид и Фредерик в душе Пилоржа оказались перепутаны – и персонажи русских романов тоже – зато в детской и нормандской трагедии книг нашей «Розовой библиотеки» они различались внятно и отчетливо… Несколько дней спустя он объявился у другой сестры Флорестин Эжени, у Ивонн Бюд, супруги господина Де Симон, в Ливаро… Нам известно, что 16 июля он находился у своего дяди Эжена Бюда, рыбака из Сен-Люнера, потому что тот подал заявление на Пилоржа за то, что племянник обокрал его в тот день, и еще несколько раз до этого: «Когда я находился в море и ловил рыбу, Пилорж, взломав мой сундук, украл у меня пятьсот франков и нож со стопором». Накануне он рылся в бабкином шкафу, а когда дядя застал его, «сделал вид, будто бреется механической бритвой». Эжен Бюд заметил лежащую на столе опасную бритву. «Я думаю, – отметил он в заявлении, – что если бы племянника не застали врасплох в тот самый момент, когда он рылся в шкафу моей матери, он бы, не задумываясь, приразал бы меня лезвием». В гербе Пилоржа есть лезвие бритвы.

Ему удалось удрать. Чтобы объявиться в доме другого дяди, Жозефа Бюда, в Париже, в квартале Гранд-Карьер. Там он прожил пять–шесть дней, всем объясняя, будто ищет работу, до того самого дня, когда, воспользовавшись отсутствием дяди, взломал дверцу шкафа и украл оттуда вещи и столовое серебро на сумму более двух тысяч франков по оценке Жозефа Бюда, который тоже подал заявление в полицию.

Имелась еще сестра Бюд, в замужестве Оже, тоже консьержка в доме 12 на авеню Жюно. Похоже, она единственная, кого не удостоил своим вниманием – во все смыслах этого выражения – племянник Пилорж. Он вернулся к матери в Фалез, где, дав ход заявлению дяди Эжена, полиция его и арестовала 13 августа по постановлению прокуратуры Сен-Мало.

Он был приговорен трибуналом своего родного города к трем месяцам и одному дню тюрьмы. Был освобожден по апелляции судом Ренна 4 октября следующего года.

Оставались еще заявления Жозефа Бюда и супругов Ле Луэ, согласно инструкциям подсудимого следовало препроводить в тюрьму Санте. По первому заявлению он предстал перед судом 21 ноября 1935 года, и 16-я палата по уголовным судам приговорила его к четырем месяцам тюрьмы; по второму заявлению 14-я палата приговорила его 19 декабря к восьми месяцам. В тот самый день капрал 3-го пехотного колониального батальона в Ма-

рокко Жан Жене отмечал свой двадцать пятый день рождения, и в этот же день Адриен Байон, он же Нотр-Дам-де-Флёр, родившийся 19 декабря по воле автора, отмечал свое пятнадцатилетие. Капрал, ставший дезертиром (а еще он был признан умственно неполноценным и в качестве такового мог претендовать на пенсию), в свою очередь, тоже окажется на скамье подсудимых 16-й палаты 27 января и 10 марта 1942 года (десятая судимость); на скамье подсудимых 15 палаты 25 ноября 1937 года (вторая судимость), 5 декабря 1940 года (девятая судимость) и 19 июля 1943 года (двенадцатая судимость)* на судебном заседании, когда председатель суда Патуйяр, обернувшись после допроса в сторону защиты, обнаружит сидящего за спиной адвоката Мориса Гарсона Жана Кокто, чье письмо зачитал мэтр Гарсон, и в котором обвиняемый объявлялся «величайшим писателем столетия».

Поскольку материалы судебных дел парижского трибунала за период с 1918 по 1936 год пропали в результате пожара форта Монлиньон в 1976 году, мы не можем с уверенностью утверждать, что Пилоржа судил тот же Патуйяр, чье лицо, украшенное моноклем – как у Тьера или Папы Пия XI – было хорошо знакомо уголовным хроникерам того времени. Нам известно, по крайней мере, что эти полгода Пилорж спал через стенку со своим пала-

60

* См. Альбер Диши. Op. cit.

чом и перед судьей предстал, сидя на той же скамье подсудимых, что и увековечивший его поэт. Взгляды вора, ставшего убийцей, и другого вора, которому суждено будет воспеть его преступление, во время судебных тяжб будут останавливаться на изображении фигуры Правосудия кисти Кормона, сидящей в судебной мантии, опершись на меч и возвышающейся над судьями 14-й палаты, на том самом месте, где прежде находилось распятие.

> Со входа видна большая картина с женской фигурой Правосудия, задрапированной красной тканью. Всем своим весом она опирается на меч, который так и называется: «карающий меч правосудия», он не сгибается под ее тяжестью. Внизу находится возвышение и стол, за который присяжные и председатель суда в красной мантии сядут, чтобы судить ребенка.
>
> *Жан Жене,* «Богоматерь цветов»

По окончании срока наказания, 16 августа 1936 года, Пилорж был зачислен в 129-й пехотный полк Гавра, откуда почти сразу же отправился в 1-й полк легкой инфантерии в Татуин, на юг Туниса, первый, он же и последний Африканский батальон («Афбат») после расформирования марокканского батальона, в Сахаре. Ему уже не грозил ад дисциплинарной части, наказания были отменены; ему предстояло приключение в духе «Африканских стрелков» Алсида и Фредерика из «Злого ге-

ния» после кражи и взлома шкафа в Нормандии.

Пилорж вел себя, как Фредерик, а отнюдь не как Алсид – тем хуже для графини де Сегюр, как и для Жана Жене, которые, впрочем, вполне между собой ладят и дополняют друг друга, ведь надо отделить детей Каина от детей Авеля… Лейтенант Бербен, командующий 2-й ротой, будет свидетельствовать перед присяжными: «Стрелок Пилорж показал себя человеком спокойным и замкнутым. Во время своей службы в батальоне демонстрировал примерное поведение. Немного беспечный, в целом он был дисциплинированным и считался хорошим стрелком, поэтому смог вернуться в регулярные части Метрополии». Практически то же самое, что после каторги в Эйсе.

Возвращение в регулярные части – мечта и мираж всякого штрафника – это девять месяцев покоя в Гавре, девять месяцев, которые из Татуина представлялись истинным счастьем… А для Пилоржа они превратились в девять месяцев неприятностей!

Миражи этого города-порта были гибельными, как миражи пустыни. Их отзвуки-отголоски еще чувствовались в голосе Дамии*, а молодежь упивалась ими, слушая на проигрывателях, тех самых, которые заменили

---

* Луиза-Мария Дамьен (1889–1978), более известная под сценическим псевдонимом Дамиа, французская певица и актриса. – *Прим. пер.*

патефоны с крутящейся ручкой, что стояли у изголовья их диванов. Этот диск, «Миражи», был из самых любимых, такие прокручивают не переставая.

Художники – Тулуз-Лотрек, который писал интерьеры; Буден, Моне, Дюфи, Отон Фриц, Брак, работающие на пленэре – прекрасно передали живописную выразительность и благородную патину этой гавани, более глубокой, чем собственная история: Гавр был основан на болотах в 1517 году Франциском I. В скором времени там прочно обосновалась литература. Трагический романс словно сам сочился из городских камней, на улицах, где по вечерам открывались – или распускались – «stars», явление, свойственное исключительно Гавру, как говорил нам Пьер Мак-Орлан – Мак («mac» – «сутенер») для мужчин, Пьер для дам – которое «обозначает кабаки, где по вечерам пели песни. И в них, разумеется, слышались все отголоски ночи, какая бывает только в крупных торговых портах». Там слушали сирен, поющих о далеком счастье, о невзгодах, о судьбе, которой нельзя избежать… Это горькое снадобье может быть аперитивом, особенно для умов недалеких и игривых.

Но чуть переборщил с дозой, и аперитив становится рвотным… На языке мореплавателей слово «amer» («горькая настойка») означает береговой ориентир, силуэты, по которым они опознают берег. Ориентирами Гавра были нефтяные резервуары, ведь нефть вмес-

те с кофе являлись его коммерчески ресурсами. Отсюда эта «Песенка для аккордеона» Мак Орлана:

Не пахнут деньги, говорят,
Но наша нефть – совсем другое.
Ее невыносимый смрад
Задушит прошлым, как петлею.

«Запах нефти, – писал он еще, – самый выразительный запах человеческого отчаяния… Это чудовищный запах». В нем таится не очарование этого города-порта, а его разочарования.

Осенью 1935 года там оказались вместе – но не зная о существовании друг друга, как Жене в бытность свою в Меттрэ не подозревал о существовании там Пилоржа – Селин в отеле «Фраскати», где меж двух посещений квартала проституток Сен-Венсен он, глядя на море, выдавал страницы текста, пропитанного отвращением к евреям, и Жан-Поль Сартр, который писал «Тошноту», сидя за столиком кафе в перерыве между двумя уроками философии лицеистам, «сукиным детям» этого Гавра, что в своем романе он именовал Бувилем.

Марсель на юге, Гавр на севере – это были две могущественные державы, одна из них черпала силы на Востоке, другая на крайнем Западе, и обе были приманками, полюсами притяжения для несчастных душ и преступных умов. Уже на протяжении века Гавр манил разоблаченных убийц, которые стекались сюда, как в благодатную гавань («Гавр» и означа-

ет «гавань»), распахнутую в бесконечное море и безучастный ко всему Новый Мир*: Ласнер, Тропман или, среди прочих других, Антуан Мазуае, который был там арестован в 1897 году, когда садился на корабль, отплывающий в Америку, после того, как размозжил ударом молотка голову молодой девушке, застигнувшей его в тот самый момент, когда он взламывал сейф, а потом прикончил ее, вогнав гвоздь в висок, повторив знаменитый библейский жест Иаили†.

> В машине, по дороге в Марсель (потому что, даже если поначалу и нет мысли уехать, после таких подвигов все отправляются в порт, ведь все порты находятся на краю света) <…>
>
> Нотр-Дам-де-Флёр пришел на вокзал Сен-Лазар покупать билет в Гавр.
>
> *Жан Жене,* «Богоматерь цветов»

После бегства в Марселе Филипп Доде на грани отчаяния оправился в Гавр. Десять лет

---

* Зато этот океанский порт закрывается, отгораживаясь от блаженных и простодушных, которые недостойны трагедии. Мы помним, что ученый Косинус, войдя в вагон поезда Париж–Запад с билетом до Гавра, а из Гавра до Нью-Йорка, смог добраться только до Северного вокзала Парижа «через Аньер, Коломб, Аржантей, Саннуа, Эрмон, Ангьен, Эпине и Сен-Дени».

† Имеется в виду эпизод из «Книги судей»: Иаиль (Яэль) убила военачальника враждебного племени, Сисара, вогнав ему кол в висок. – *Прим. пер.*

спустя, в канун Дня всех святых, на берегу этих стиснутых камнем вод, в которые бросился Тропман, спасаясь от преследователей, и откуда его извлекли, чтобы вновь поставить на дорогу, ведущую к эшафоту тюрьмы Рокет, некий молодой человек пустил себе пулю в голову. Судя по обнаруженным при нем документам, это был Рене Дефурно.

Сын первого помощника Дейблера. Незадолго до этого он застал свою жену с другим помощником палача в подвале дома по улице Конвансьон, куда она спустилась за вином… Никто не знал тогда, кто такой Дефурно. Пилоржу, сошедшему на берег в Гавре, это имя, скрытое тенью знаменитого Дейблера, не говорило ровным счетом ничего. Он так никогда и не узнает, что так звали человека, который придет за ним вместо Дейблера, и именно с ним ему суждено будет проделать последние шаги в своей жизни… В Гавре, как и в Патронате, как в Меттрэ, как на авеню Версаль, он прошел, слегка задев рукавом свою судьбу, не заметив ее, но повинуясь ей.

Капитан Элид, командир 6-й роты 129-го пехотного полка возьмет на себя смелость начертать эти роковые строки, в которых, впрочем, не было ничего неожиданного. В рапорте он написал так:

> Солдат Пилорж, Морис, 6-й роты, прибыл в данное подразделение 15 ноября 1937 года из 1-го батальона легкой инфантерии, где он

прослужил пятнадцать месяцев без единого взыскания.

За время службы в роте он зарекомендовал себя как очень плохой солдат, и данное мнение имело неоднократное подтверждение. Так за 8 месяцев он получил 12 дней гауптвахты и 115 дней тюрьмы, из них 40 в одиночной камере.

Офицера поражает контраст. Неужели этот дисциплинарный батальон, так же, как в Эйс, принимал и привечал нарушителя или даже преступника? В 129-м полку его опасались, но, приглядывая за ним, его почти провоцировали*. В Татуине видали и не таких. В Гавре с него не спускали глаз. Словно подстерегали удобный случай. Продолжение рапорта свидетельствует именно об этом:

---

* Один мой друг детства часто сердился, он исповедовался каждую субботу и среди главных своих грехов называл как раз приступы гнева. Случилось так, что его настиг такой приступ, когда он возвращался от исповедника. Потом еще раз. Ему даже сделали замечание вслух. И в скором времени при первых же признаках раздражения он слышал: «Ну конечно, вот и наш исповедальный гнев!». Так что как только закрывалась дверь, в день исповеди начиналось нечто невообразимое: напряжение, возникшее между мальчишкой и его близкими, скрыть было невозможно: падали столы, бестактные и грубые замечания летали, как молнии… В общем, субботняя гроза стала почти обязательным обрядом. – Впрочем, добрые не против, чтобы их считали злыми, так спокойнее.

Учитывая его предшествующее поведение, за ним было установлено строгое наблюдение; товарищи и начальство ему не доверяли. <…>

Он, разумеется, весьма ловкий и опасный вор, хотя в период его пребывания в 129-м полку ничего предосудительного в этом смысле за ним замечено не было. Пилорж был слишком хитрым, чтобы в казарме совершать мелкие кражи, которые все равно не обогатили бы его, но смогли скомпрометировать в глазах окружающих. Впрочем, вполне возможно, что он и воровал что-то по мелочи у своих товарищей, но был достаточно ловок, чтобы не попасться.

В Гавре Пилорж водил подозрительные знакомства в порту. Он наверняка был связан со ссыльными, проживающими в этом городе, и, скорее всего, участвовал в нескольких ограблениях: происхождение его денежных средств неизвестно, несколько раз товарищи встречали его в городе весьма элегантно одетым, при этом он ни в чем себе не отказывал.

Как солдат проявил себя ленивым и недисциплинированным. <…> Итак, можно сделать вывод, что это человек весьма опасный, который никогда не исправится; он способен на самое плохое и заслуживает суровых санкций.

Вот вам и казнь без суда, и это тем более отвратительно, что из рапорта просто выпирает рожа стукача и лизоблюда; он должен был быть заслушан судом присяжных, во время

которого решалась судьба Пилоржа: жизнь или смерть. Сквозь стиль этого документа, от которого так и разит казарменным доносом, просвечивает бодренькая мораль книжек «Розовой библиотеки», где послушным детям рассказывается о заслуженной судьбе злодеев. – «Казнь Алсида состоялась спустя неделю после этой битвы [в которой выкупили Фредерика]. Он умер, как и жил, дурным человеком и дурным солдатом. Он отказался выслушать капеллана. Последними его словами были проклятия в адрес своих начальников и Фредерика. В полку о нем никто не сожалеет»*.

Алсид – это человеческий типаж. Пилорж напоминает Алсида. Некоторые хотят, чтобы он стал Алсидом. Сам он склонен согласиться с этим. Схематичные литературные и кинематографические типажи наполняют тюрьмы соответствующими судьбами, подобно тому, как романы «Розовой библиотеки» заполняют своими типажами свадебные залы. Именно непредсказуемые персонажи достойных литературных произведений дают читателям свободу. Капитан 129-го полка, должно быть, в детстве прочел «Злого гения». Но весьма сомнительно, чтобы он слышал о другом рома-

* Графиня де Сегюр, урожденная Ростопчина, «Злой гений». – Софи де Сегюр выиграла бы – но только не как автор, поскольку от такого знакомства почувствовала бы склонность к дальнейшему познанию души повес и проходимцев, но утратила бы свой наивный и жестокий дар – если бы знала Татуин и лейтенанта Бербена.

не, романе о страхе и тревоге, написанном в Гавре профессором лицея и только что появившемся на витрина всех книжных магазинов города под заголовком «Тошнота» в обложке издательства Гастона Галлимара, тоже уроженца Гавра; вряд ли он заметил этот роман в витринах, впрочем, как и Пилорж. Сомнительно также, чтобы он знал о существо-

вании «Набережной туманов», более давнего романа Мак Орлана, где и сама набережная, и ее туманы тоже чисто гаврского происхождения. Зато нет сомнения, что он видел – как все и как, разумеется, Пилорж тоже – фильм, который по этому роману снял Марсель Карне и который вышел первым экраном в Париже, в «Мариво» 18 мая прошедшего, 1938 года и теперь демонстрировался в одном из кинозалов Гавра, а Пилорж, в скором времени ставший дезертиром, как известно, был вхож в дома местных «знаменитостей» и посещал портовые кафе, он в темноте кинозала следил за похождениями Жана, дезертира колониальных войск, которого на экране изображал актер Жан Габен.

Отнюдь не близость пустыни («desert») Татуин внушила Пилоржу мысль о дезертирстве; она родилась в его смутной душе благодаря живописному и волнующему порту, который словно протягивал ключ к американским континентам, чьи мерцающие очертания всегда присутствовали в глубинах сновидений молодого бретонца…

Итак, 7 июля 1938 года в 16 часов, после десятиминутных «обязательных упражнений» – которые, скорее всего, были не чем иным, как наказанием – в «приступе дурного настроения» Пилорж бросил ружье на землю, рюкзак тоже. За отказ повиноваться приказу он немедленно был отправлен в дисциплинарный блок казармы Клебер… В 23 часа, взломав засов камеры, он сбежал, пользуясь невнимательностью часового. В бытовке стащил рабочий комбинезон солдата Коана и перелез через стену*… Ему оставалось находиться здесь всего лишь месяц и девять дней. Так в романах об Африканском батальоне описываются ужасы гауптвахты, где, за несколько дней до освобождения завязывается узел трагедии, и тут Парка, стоит на мгновение отвлечься, появляется со своими ножницами.

Два–три дня спустя он проник через окно в столовую форта Турневиль, в отсутствие буфетчика, чей костюм прихватил с собой, потом в соседней комнате позаимствовал пять сотен франков, принадлежащих некой особе по фамилии Деруш. Он явно собирался на дело.

Приметы, которые были распространены после побега Пилоржа, позволяют нам представить его себе гораздо яснее, чем по фотографиям: «Глаза серые; волосы темно-русые; рост 1 метр 63; особая примета: шрам

---

* «Дезертирство с кражей личных вещей», – за это Жене был осужден в Марселе 13 мая прошлого года (см. *А. Диши,* op.cit. С. 163).

на безымянном пальце правой руки (от удара ножа)». Интересно, все эти психиатры, антропологи и социологи, которые исследуют преступников, прошедших через исправительные учреждения, обращают ли они внимание на их рост? Если взять статистику, наверняка окажется, что чаще всего он весьма скромный. Человеку маленького роста в закрытом

сообществе, каковым является тюрьма, приходится либо внушать страх, либо самому поддаться страху. Здесь редко встретишь, и даже трудно себе представить – разве только в каком-нибудь посредственном кино – опасного здоровяка. Жюльен Блан, который тщательно исследовал путь, пройденный Жене и Пилоржем – патронат, фермы в Морване, Вогезах и Солони, побеги, тюрьмы, африканский батальон, – писал в книге «Штрафник, собирай свои шмотки» (1946): «Как правило, люди физически сильные (за исключением главарей банд) – очень добрые».

Пилорж явился из мира детских книжек, которые населены хорошими мальчиками и плохими мальчиками – он, разумеется, был из числа последних. Из этого мира он попал в другой, мир психологии, в котором оказалось, что и те, и другие могут находиться в одно и то же время в одном и том же человеке. И вот теперь он попал в руки поэта…

Один и другой соединились, не догадываясь об этом. Они были предназначены друг другу. Они ждали друг друга. Графиня де Се-

гюр и Мак Орлан отдали Пилоржа Жене, которому суждено было стать распорядителем на его похоронах, его палачом на небесах.

Все изложенное здесь произошло именно потому, что он напишет:

> Я имею наглость думать, что Булькен жил лишь для того, чтобы я написал эту книгу. Мне нужно было, чтобы он умер, прожив жизнь, которая представляется мне дерзкой, вызывающей, раздавая на своем пути пощечины всем бледным физиономиям.
>
> *Жан Жене,* «Чудо о розе»

74 Теперь последуем за Пилоржем в его устремлении к Деревянной Вдове. Это восхождение на Голгофу, крестный путь с размеченными заранее этапами. Он не пропустит ни одного, отметив каждый, хотя бы просто преклонив колени. Эти остановки-этапы станут мелькать на его пути в безмолвии полета. Звук выключен, словно в эпизодах фильма, когда он вдруг становится немым, чтобы яснее продемонстрировать нравственные муки и терзания героя или его долгие проходы одним планом, за которыми можно наблюдать сквозь стекло, через донесение о наружном наблюдении или в помещении комиссариата.

9 июля он появляется в Трувиле.

Прокурор при суде первой инстанции департамента Пон-Левек позднее сообщит генеральному адвокату, что в ночь с 12 на 13 июля украдены три рубашки грубого холста и четыре пары носков, висящих на веревке в саду господина Ле Пена в Довиле. Их найдут среди вещей Пилоржа во время его ареста в Динаре.

А еще в ночь с 15 на 15 июля было совершено проникновение со взломом на виллу госпо-

дина Тузо, и из кармана висевшей в коридоре куртки похищены триста франков.

А еще 19 июля около тысячи франков (по словам истца) были украдены на другой вилле, куда злоумышленник проник, перерезав веревку, на которую была заперта дверь подвала; а мадемуазель Руае видела, как убегает вор, одетый в рубашку красно-коричневого цвета. Такая впоследствии отыщется в вещах дезертира.

Еще там найдут дневник, где он сделал такую запись карандашом:

Унес 05005
Отъезд Ф 11 в тот же день
15 июля 003003
16 июля проиграл в казино 70 фр.
18 проиграл в казино 450 фр.
Воскресенье 23 Д. Е. 05600
Проиграл в казино 300 фр.
Понедельник, 24. Отъезд в Эло.

Найдут еще письмо Пилоржа, написанное им из Трувиля тем же днем, «воскресенье, 23»* – но не отправленное – Розе Брукье, вдове Шомет, на двенадцать лет его старше, адресованное в Конта, откуда она была родом. В Гавре Роза работала приходящей прислугой. «Я никогда не была любовницей Пилоржа, – заявит

* Вообще-то 23 было субботой, а воскресенье – 24. Ошибка объясняется тем, что Пилорж работал и передвигался по ночам, так сказать, на стыке двух дат, ночной грабитель – «кавалер луны».

она впоследствии. – То есть, я спала с ним всего несколько раз, а когда заметила, что он водит знакомства с подозрительными людьми, бросила его. Я встречалась с ним только месяц. Я не делала ему никаких подарков, не давала денег. И вообще я очень мало зарабатывала, самой еле-еле хватало на жизнь». Похоже, эта Роза была женщиной храброй. Может быть,

она приносила счастье… Но Пилоржу предстояла встреча с другой Вдовой.

По тайным записям этого дневника, которые становятся понятнее, если вспомнить заявления в полицию жертв ограблений, – они в основном имели место между Трувилем и Довилем – все его дела легко восстановить, начиная с бегства из казармы в Гавре до приезда в Сен-Мало, разве что 23 или 24 июля он из Трувиля уезжал в Сен-Мало. Возможно ли, чтобы за эти четыре дня он успел съездить в Париж и вернуться? Именно это предположение было высказано на суде и, без сомнения, на следствии (подлинники судебного постановления мне посмотреть не удалось), а журналист из «Уэст-Эклер»* еще все приукрасил, хотя обычно его статьи-отчеты точны и подробны, чувствуется школа тогдашней «Пти Паризьен». По его мнению, Пилорж провел в Париже недели две: «Потом был Париж, где в баре на площади Пигаль он встречает мексиканца Эскудеро и Мендизабаль.

* Жеан Толоме, «Уэст-Эклер» 7 августа и 17 декабря 1938.

<…> О подробностях этой встречи Пилорж не распространяется»*. Не распространяется именно потому, что ее не было. Мало того, доказано, что с 15 июля Эскудеро находился в Динаре. Что касается Жене, который 13 мая был освобожден из военной тюрьмы в Марселе†, история оставляет ему лишь эти четыре дня, чтобы осуществить весьма сомнительную возможность встретить Пилоржа, скажем, в кафе «Граф», где в ту пору встречались все.

Но если следовать его собственной системе ценностей, давайте будет так, что он встретил Пилоржа лишь в своем царственном воображении, увенчанном короной из газетной бумаги.

> Аркамон умер, Бульен умер. Если я выйду, как тогда, после смерти Пилоржа, я стану листать подшивки старых газет. Как и от Пилоржа, у меня не останется ничего осязаемого, кроме коротенькой заметки на дрянной бумаге, нечто вроде серого пепла, из которой я узнаю, что он был казнен на заре. Эти бумаги станут их могилами. Но я далеко, через многие годы, передам их имена. Только имена останутся там, в будущем, утратившем носителей этих имен. Кем были Бульен, Аркамон, Дивер, кем был Пилорж, кем был Ги? – спросит кто-нибудь. Их имена будут нас тревожить,

* Там же.

† *Альбер Диши,* op. cit.

как тревожит свет, идущий со звезды, погасшей тысячу лет назад.

Жан Жене, «Чудо о розе»
(последние строки)

Так же достоверно известно, что между воскресеньем 24 и вторником 26 вышеуказанный Пилорж высадился из поезда на вокзале Сен-
78 Мало, где – мог бы он повторить за Шатобрианом*, но с гораздо большими на то основаниями – он был «подвергнут» жизни.

В этот самый вторник в Динаре Анна-Мария Ле Тюрдю видела его в кафе своего отеля «Бокаж» в доме 7 по улице Репюблик. Он выдавал себя за бармена, работавшего в Париже, в квартале Пуэн-дю-Жур, где, по его словам, греб деньги лопатой. Он заплатил семьдесят пять франков за комнату в отеле, где собирался прожить пять дней, и в карточке гостя записался под именем Марселя Жана Робера Петрюи, родившегося 1 июля 1914 года и проживающего по адресу: Париж, XVI округ,

---

* Нам известно со слов Виктора Гюго, что секретаря Шатобриана звали Пилорж (Гиацинт): Шатобриан, стоя по утрам у окна дома 27 по улице Сен-Доминик в длинных штанах и домашних туфлях, с седыми волосами под ярким головным платком, уставившись в зеркало, с открытым перед ним набором стоматологических инструментов, ковыряя в зубах, которые, надо признать, были у него великолепными, диктовал варианты «Монархии по Хартии» своему секретарю, господину Пилоржу» («Отверженные», т.III, гл.I, «Год 1817»).

авеню де Версаль, дом 135 – адрес тетки-консьержки, которая обитала дверь-в-дверь с палачом.

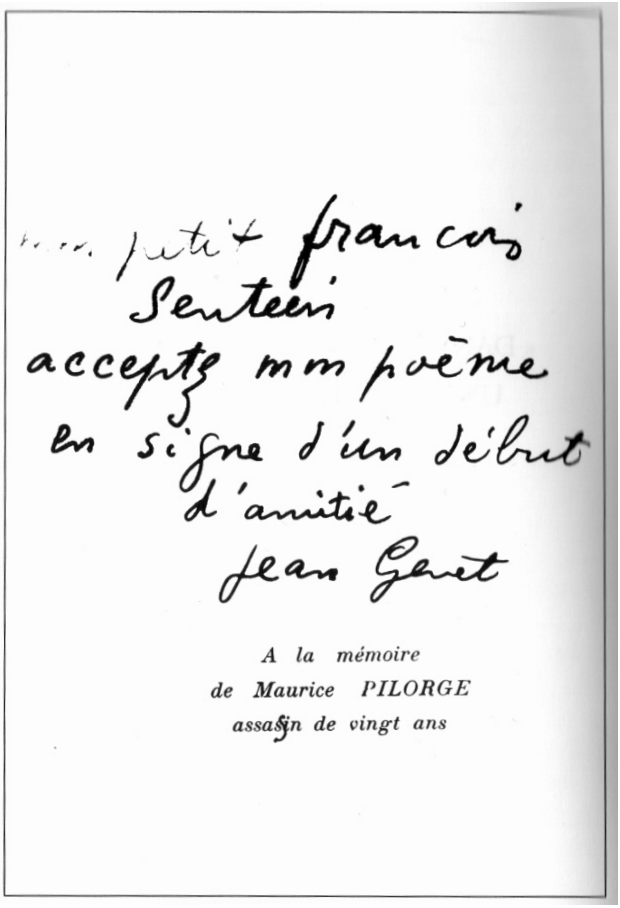
Он вышел в город. Тот ждал его.

Где прилив напевает «Прощай»
Раскинул Динар свои лавки…*

* *Поль Жан Туле,* «Рифмы».

«НОЧЬ ВОРА
В ГОРСТИ СТИХОТВОРЕНЬЯ»*

* *Жан Жене,* «Парад».



Дарственная надпись Франсуа Сантену на одном из первых экземпляров поэмы Жана Жене «Смертник»

Это какой-то обаятельный вор, его могут сослать, но ему не о чем жалеть, почти не о чем, ведь он чувствует радость (я настаиваю на этом слове: радость) оттого, что прожил именно эту жизнь. Стоит послушать, как он говорит о своем собственном способе вскрывать двери, проникать в пустые квартиры; он рассказывал мне о том, какое чувствует опьянение, когда ему предстоит отправиться на дело, и таких квартир у него пятнадцать или двадцать, их, одну за другой, словно подхватывает какой-то вихрь. Я написал об этом несколько страниц, они тебе понравятся. Если кто-нибудь скажет тебе: «Все эти воры не такие уж ловкие и хитрые, раз их, в конце концов, ловят. А мы люди порядочные и живем долго, без проблем», – ответь ему, что добиться успеха или заработать денег – это вовсе не главное: к такой жизни он чувствует такое же призвание, которое заставляет забыть о пользе и выгоде летчика, моряка, путешественника… Мы поговорим с тобой об этом попозже.

Жан Жене, «Письмо малышу Францу»*
Тюрьма Санте (5/32-бис), 3 июля 1943

* Франсуа Сантену. Русское издание писем Жене Сантену вышло в 2002 году: «Франц, дружочек», издательство «Текст». – *Прим. пер.*

С вечера он принялся за работу, у него было столько дел в новолуние.

С востока на запад, от отмели Приере, променад Лунного света, до косы Мулине, отмели Эклюз, до мыса Малуин, потому что дальше, в сторону Сен-Люнер, в Каннах или Биаррице могло находиться множество вилл. На этих виллах царили столы, где на Рождество подавали клубнику, в сезон созревания спаржи ели дыню и наоборот. Повинуясь капризу того, кто закладывал фундамент, они могли принимать облик то баскского хутора между пустошью и бухтой, то сельского нормандского дома в песчаных ландах, то провансальской фермы с видом на Большую Бухту. Надо постараться, чтобы отличаться от других… Однако осознание равного положения зарождается гораздо ниже, почти на уровне тротуара, когда опускается стекло между шофером и хозяином. Высокие изгороди, увенчанные шипами надменности и высокомерия, отделяют живущих здесь людей от остального мира. Здесь все так непрочно и шатко. Одного корешка чековой книжки, по мере того, как таковые все накап-

ливаются и накапливаются, и за ними встают залоговые обязательства, страховки, пошлины, паевые доли, налоги, взносы, расходы по содержанию дома или просто арендная плата, достаточно для того, чтобы владелец дома или жилец пускались в бега при виде нотариуса или принимались названивать в агентство. Это земельное имущество редко обременено

такой ипотекой, как тягостные воспоминания, а уж их наивное очарование и вовсе не принимается во внимание. Это всего лишь стили и моды – деревенский, готический, искусство модерн и даже бретонское искусство – многообещающий фасад, интерьер, где зачастую нет ничего особенного, но который привлекает вора, как воскресная месса влечет попрошаек. Таким образом, вор-взломщик являлся частью программы, заявленной в еженедельнике «Иллюстрированный киноальманах», над которым засыпала какая-нибудь молоденькая горничная, и ей будут сниться или кошмары, или приятные сновидения. Веревочная лестница появлялась на выступе фасада как-то сама собой, так под потолком появляется паутина, словно воспользовавшись тем, что щетка с длинной ручкой запаздывает. Появление взломщика входило в статью расходов на прислугу, а его бесшумное перелезание через ограду – «эта тишина виллы, в которую наведывается вор*» – представлялось пугаю-

* «Богоматерь цветов».

щим, хотя и притягательным результатом наличия в доме черной лестницы.

> Волей вора поворачиваются головы, раскачиваются дома, танцуют замки, парят тюрьмы.
>
> *Жан Жене,* «Богоматерь цветов»

Вот почему Пилорж, дабы удовлетворить – впрочем, не без удовольствия – потребность в сне, в первый вечер растянулся на пляже Приере. Открытая решетка позволила ему забраться на «Виллу Пор-Бретон», освещенные окна которой указывали, что госпожа Сассун все еще не рассталась со своими гостями. Проскользнув через открытое подвальное окно, он поднялся на первый этаж и, миновав двери гостиной, из-за которых доносились раскаты смеха, уединился в части виллы, предназначенной для прислуги, каковая к тому времени уже оттуда ушла. В буфетной он вытащил четыре сотни франков из портмоне, оставленного дворецким в ящике комода вместе с зажигалкой, вор тут же защелкал ею в кухне, как в фильме «При свете луны»: зажигалка работала! Сунув ее в карман, он удалился, не оставив следов, разве что эти пропажи, которые на следующее утро были, конечно, обнаружены и, должно быть, стали причиной взаимных подозрений в буфетной, они, впрочем, рассеются на следующей неделе, во вторник утром: ночью Пилорж вернулся на место своей первой кражи, он прошел сразу на кух-

ню, к тому же комоду, но там больше ничего не было. Решив, как и в первый раз, обойти вниманием господскую часть дома, он опять, как и прежде, войдя через подвал, открыл дверь какой-то комнаты. Луч электрического фонарика упал на лицо спящего здесь молодого поваренка Груэ, тот проснулся от вторжения и за те мгновения, что длилась вспышка,

успел разглядеть в дверном проеме молодое суровое лицо, фуражку на голове, темно-серое пальто-реглан*, фланелевые панталоны чуть светлее, чем пальто, сандалии на резиновой подошве, фонарь в руке – образ, который, как ему показалось, явился продолжением сна, настолько он соответствовал образу вора с обложек дешевых книжек про Арсена Люпена†…

Этот берег, застроенный богатыми виллами с многочисленной челядью, будил воображение злоумышленника, который с легкостью перешагивал как через подоконник, так и через истории с фальшивыми замками из газетных романов с продолжением. Сын знаменитого инспектора Бонни (от политической полиции III Республики до француз-

---

* Отрывок из книги «Минуты» Ф. Сантена (1942): «13 декабря – На бульваре слышится резкий голос: „Малыш!“. Это „Корнель“ [Жан Жене]. <…> На нем было пальто-реглан, как-то он сказал мне, что в нем очень удобно ходить на кражи».

† Главный герой романов Мориса Леблана, «джентльмен-грабитель». – *Прим. пер.*

ского гестапо: от Стависки до Жоановичи*) рассказывает†, что его отец служил в бретонском городе Динаре, где «в свой замок Приере» некий маркиз де Шампобер приглашал ювелиров, чтобы те показали ему лучшие свои украшения, которые он хотел подарить жене на день рождения; полицейскому удалось проникнуть туда под видом ювелира, «обладающего комплектом драгоценных камней, среди которых имелся крупный бриллиант большой ценности»; сказав, что ему нужно посоветоваться с женой, «маркиз» покинул биллиардную, заперев дверь с ювелиром-полицейским; тот, почувствовав усиливающийся запах газа, попытался открыть окно, но заметил, что все они блокированы, а стекла закрыты плотными решетками; ему все-таки удалось разбить одно из них и избежать удушья, его спас коллега по расследованию, дожидавшийся снаружи… «Маркиза» звали Этьенн Гуро, это был известный рецидивист. В своем «замке» он установил систему труб, с помощью которой травил газом ничего не подозревающих ювелиров, это было совсем как в фильмах (особенно не-

* Известные преступники. Алексаедр Стависки – создатель финансовой пирамиды, разоблачение которого в 33 году едва не привело к падению парламентского режима; Жозеф Жоановичи в годы II мировой войны поставлял важные стратегические товары для вермахта и СС, одновременно финансировал организацию Сопротивления в парижской полиции. – *Прим. пер.*

† *Жак Бонни.* Мой отец инспектор Бонни. 1975.

мых), вроде «Фантомаса»… Инспектор Бонни коротал бессонные ночи в своем домишке, предаваясь прескучным воспоминаниям. Как бы то ни было, такое нагромождение богатых вилл и замков давало пищу фантазмам (или, если угодно, «фантомазмам»), подобно тому, как влажная каменная кладка и помои привлекает полчища тараканов.

Между тем Пилорж решил, что пора сматываться. Он имел все основания опасаться, что оставил свой «фотоснимок» в зрачках того мальчишки-слуги, который разглядывал его целую секунду. На следующий день без реглана и фуражки он покинул свой отель, как обычно поздно вечером и в наступающей темноте направился в противоположном от виллы направлении, к морской косе Малуин, вдоль берега, который привел его в Сен-Люнэр, где в этот самый час спокойно спал дядя Эжен.

> Накануне ночного похода уснуть невозможно. Волнение, вызванное страхом, иногда тревогой, пробуждает состояние, которое можно сравнить с религиозным исступлением.
>
> *Жан Жене,* «Дневник вора»

В ночь со 2 (вторник) на 3 (среда) августа: проспект Поль-Торель. Он перелезает через решетку сада виллы «Кер Мадо», принадлежащей семейству Верну Бонней. С помощью

железного штыря и простыни, сорванной с веревки, на которой она сушилось, он взламывает прутья решетки подвального окна и проникает на первый этаж… Там нет ничего, кроме съестных припасов. Ими он и подкрепляется – не то чтобы он был голоден, а из принципа – опустошив при этом бутылку Сен-Рафаэль. Обшарив выдвижные ящики на втором этаже, он обнаруживает лишь сигары и сигареты, которые уносит с собой, чтобы выкурить как-нибудь потом – а, скорее всего, просто подарить, потому что он чувствует, что отныне бросит пить и курить, станет беречь свое здоровье, как ведущий исключительно ночную жизнь атлет, единственным опьянением которого будет опьянение от удачной кражи. На следующий день хозяин виллы оценил материальный ущерб в сотню франков. И ради этого Пилорж рисковал жизнью: статья 329 уголовного кодекса рассматривала как самозащиту – и признавала невиновным человека, который нанес удары, ранил и даже убил – «*отражение нападения во время взлома, или проникновения через ограду, стену, а также вторжения в дом или квартиру или служебные помещения*», а еще «*если данное деяние имело место во время защиты против того, кто совершал кражу или грабеж, применяя насилие*». Итак, согласно кодексу, он совершил именно кражу со взломом и проникновением, поскольку взломал решетку и проник через ограду. Взлом ему был нужен, чтобы преодо-

леть душевный надлом… Отодвинув засов, он вышел через кухонную дверь.

Луна поднималась на небе. Наверное, скоро электрическая лампа станет не нужна. Он чувствовал что-то вроде опьянения. Прошлая вилла – прошлая во всех смыслах – заняла у него две ночи. Зато за одну только эту ночь он обойдет три виллы.

Второй стала вилла «Ла Сож», владелец господин де Мэзонев. Подвальное окно оставлено открытым. Поднялся на первый этаж, прихватил с вешалки в вестибюле фетровую шляпу и габардиновое пальто в духе Арсена Люпена, если верить голливудским фильмам. Мимоходом положил валявшийся там же игрушечный пистолет – сам ребенок наверняка спал сейчас в хозяйской части дома, которую Пилорж по обыкновению почитал и никогда туда не заглядывал. На кухне в кошельке, принадлежавшем, вероятно, кухарке, нашлось пятьдесят франков. Какой-то ликер – какой, неизвестно, да и неважно! нам трудно представить себе амброзию, которая была бы достойна питать жизненной силой этих баловней судьбы – утешил его и примирил со столь жалкой добычей, а самое главное – согрел.

Затем он забрался на виллу «Валломбрез», к мадам Ламбер-Шампи, и снова через открытую дверь подвала. Возможно, сбитый с толку романтическим названием виллы, а также новым обличьем героя, читатель дешевых романов мог бы на этот раз направить автора

по другому пути, и оказаться в богатых, неведомых доселе комнатах, где на прикроватных столиках мерцают золотые обручальные кольца… Но Пилорж в своем габардиновом пальто и мягкой фетровой шляпе снова отправился на кухню, где удобно обосновался, усевшись за стол, да там и замешкался…

Этот запоздалый ужин – эдакая дерзость, без которой не могут обойтись налетчики, уважающие обычаи. Те же, кто свободны от предрассудков, презирают буфетные и шкафчики для провизии – зачастую пристроенные к окну, выходящему на север, потому что даже на богатых виллах холодильник остается еще большой редкостью – но считают своим долгом насрать на ковер, прежде чем покинуть дом. Данный процесс выдает абсолютное отсутствие корысти, это и поражает больше всего.

> Г. почти всегда остается поесть в разграбленной столовой или гостиной. Некоторые воры после «дела» срут посреди комнаты.
>
> *Жан Жене,* «Дневник вора»

Пилорж ограничивается оскорблением, так сказать, первого уровня, которым его гордость вполне удовлетворена, он довольствуется ужином, причем, ест его холодным, ничего не разогревая![*] Он поднимается по лестнице,

---

* Существуют еще приверженцы этого ритуала, хотя кража со взломом предполагает отточенную технику взлома запоров, и скорость, как в спорте, игра-

предназначенной для прислуги. Там проходит в дом, например, почтальон. По пути он видит на стене коридора коллекцию оружия, отцепляет саблю, вынимает ее из ножен, кладет на стол, и, сидя за этим же столом, начинает есть: фрукты, кекс с изюмом, персики в сиропе, пьет: ром, кирш; алкоголь был обязательной деталью, как вино, которое дают в храме, хотя сам священник дома, возможно, и не пьет – эдакий пикантный пикник. Никто не помешал этому скромному празднику: в приличных домах служебная территория пользуется привилегией экстерриториальности. Когда хозяйка приближается, она покашливает. Как правило, она звонит. В тот вечер никто не звонил… Великие взломщики на мелочи не размениваются: они могут взломать самую надежную броню этих славных вилл. Мелкие воришки, как мы уже видели, ограничиваются кошельком кухарки или, если повезет, получают в свое распоряжение кладовую для белья. Не отыскав ничего такого, что можно было бы впоследствии продать, Пилорж после долгих поисков на первом этаже,

ет здесь важнейшую роль. В августе 1997 года один воришка был пойман, когда на кухне ограбленной квартиры стряпал какое-то блюдо из спагетти, поливая его сложным соусом на основе виски. Блюдо было выше всех похвал. Так что помощник генерального прокурора потребовал в качестве наказания «строгую изоляцию» – а именно тюрьму, «где заключенный вынужден будет сидеть на более сбалансированной диете».

над которым спали девять человек, завладел лишь парой ключей. «Можно предположить, – писали назавтра газеты, – что виновник этих трех краж – молодой человек хрупкого телосложения, поскольку он проникает на виллы через узкое отверстие». Молоденькие служанки станут грезить об изящном юноше.

Три виллы, три с половиной… Последняя из них, затерянная в глубине сада, носила название (как следовало из таблички перед оградой) «Les Genêts», («Жене»), то есть «Заросли дрока». Там спали шесть человек. Весьма жалкая кража, зато совершенная рукой мастера в бархатных перчатках и безо всякого наркоза, обитатели виллы и так спали сладким сном, ведь окна этих летних вилл были распахнут настежь… В одну из них он проник и вытащил из куртки кошелек, в каком-то метре отсюда находилась спальня, где спал дворецкий, который и не подумал просыпаться из-за такой малости: все те же пятьдесят франков, словно раз и навсегда установленный налог с обитателей дома.

Когда наступила следующая ночь, то есть с 3 на 4 августа, заканчивалась среда, день Меркурия, бога воров, «*Гермес с нежнейшим ликом*» – а еще у вора должна быть нежная, неслышная походка и очень чувствительные подушечки пальцев, которые нащупывают потайной замок сейфа; вор осторожно ступает по шляпкам гвоздей на ступенях лестницы, так нога канатоходца скользит по прово-

локе… Пилорж направился на восток, пошел вдоль берега по променаду, известному под названием «Лунная дорожка», такие притягивают воров. Над Сен-Люнэр поднималась луна, она приближалась к самой высокой точке, что при суде над взломщиком могло бы считаться смягчающим обстоятельством, ведь существуют же преступники, чья тяга к убийству обостряется при полнолунии… Накануне по пути следования он поработал как следует – четыре кражи со взломом – и теперь после этой своеобразной тренировки чувствовал себя способным на более значительные подвиги.

После виллы под названием «Пальмовая роща», в которой, похоже, никто не жил, была «Ласточка», где находилось на летнем отдыхе два лионских семейства: Фошиль и Лестьен (всего восемнадцать человек), от нее к самому морю шла выложенная камнем лестница. Он вскарабкался по ней, взобрался по водосточной трубе… – Был час сиесты, когда крупные травоядные спят, приткнувшись между супругой и бутылкой минеральной воды… – Добравшись до подоконника распахнутого настежь окна, Пилорж уселся на него. Это была ванная комната. На столике в лунном свете блестело кольцо оттенка лунного света: платина и бриллиант. Хотелось бы, чтобы в спальне по соседству проснулась женщина по имена Элен – лунное имя – и внезапно открыла дверь… и мы бы оказались на страницах «Вора» Жоржа Дарьена, погрузившись в его живо-

писное очарование и предвкушая то, что должно последовать по сюжету. Но Пилорж никогда не совершает кражи в хозяйском жилище. Если он ворует драгоценности, то не с прикроватного столика в спальне, рядом с нежной ручкой, с которой они были сняты, а из ванной комнаты, куда их, скорее всего, положила какая-нибудь горничная. Он повинуется куда более требовательному и взыскательном поэту, чем Дарьен или Морис Леблан, он, этот самый поэт, осуждает все живописное и красочное.

Он спустился на первый этаж, взломал замок какой-то тумбочки в вестибюле, взял оттуда золотой медальон и чуть больше сотни франков из кошелька гувернантки. Наконец, спустившись в полуподвал, он запустил руку в кошелек кухарки, в котором лежали деньги для завтрашнего похода на рынок, и завладел наручными часами горничной – эти женщины спали за дверью, и он даже слышал их дыхание.

На следующий день он решил отдохнуть. Впрочем, ему еще надо было переехать в другую гостиницу, ведь он пообещал Макселю Нобиле с улицы Конкорд, дом 16, – куда он перебрался из гостиницы «Бокаж» под именем Лише – освободить комнату 4 августа, поскольку, начиная с этого числа, в ней должны были поселиться артисты цирка «Бюро», которые в эту самую среду собирались давать два

представления – утром и вечером – с Риголо* в его спектакле «Непревзойденный силач», и с кавалерией месье и мадам Гласне.

Он нашел неподалеку от вокзала в гостинице, которую держала некая Алиса Саси по адресу улица Мимозы дом 2, комнату за двенадцать франков, снял ее на три дня и заплатил вперед. Потом отправился за своими

чемоданами, которые от кражи к краже становились все тяжелее, и теперь их было уже три, заполнил регистрационную карточку наклонным почерком, взяв себе новое имя: Жан Эдмон де Лор, родившийся в 1912 году в Апте (департамент Воклюз) – родина вдовы Шомэт, его последней подружки перед встречей с Деревянной Вдовой, а еще это была родина Лауры, возлюбленной Петрарки, – оперный певец, живет в Париже на улице Вожирар, дом 139, по той же стороне тротуара, где располагается Патронат по делам детства и юношества. Он, как и всегда, подписался своим обычным четким почерком, продолжив последнюю букву петелькой, огибающей все его «имена», в которой можно было разглядеть очертания человеческой головы, он не преминул ее изобразить даже тогда, когда, приговоренный

* Шарь Риголо (1903–1962) – знаменитый французский тяжелоатлет, обладатель титулов «Новый Геркулес», «Самый сильный мужчина в мире», олимпийский чемпион 1924 года, обладатель всех мировых рекордов по поднятию тяжестей. Под конец карьеры выступал в цирке с силовыми номерами. – *Прим. пер.*

к гильотине, станет подписывать свою кассационную жалобу.

В жизни вора-взломщика после проникновения в жилище настоятельно необходима разрядка: нужно потратить деньги, возможно, играть. Таковы правила, таковы нравы. Казино – то самое *казино* из тайной записной книжки – взимает таксу, начиная с вечера кражи. Вор должен облегчить себя на определенную сумму, как он облегчил кого-то другого, и эта самая сумма и есть цена легкости, гибкости и подвижности – если выражаться языком учителя гимнастики. После чего необходимо восстановить силы, поскольку никакой спорт не выматывает так, как кража со взломом, ни одно удовольствие так не изнуряет, особенно если это удовольствие – причем, порой, единственное – робкого, застенчивого человека… Известно, что у них самое тяжелое орудие производства, их инструмент свисает с пояса в штанину брюк, мы называем его «гвоздодером», а они так ласково «перышком».

Радость вора – это физическая радость. Радуется все тело. Должно быть, Пьеро ненавидел мошенничество, раз так наивно восхищался великими мошенниками, как восхищался он книгами и их авторами, нисколько не любя их. Идя на кражу, он был счастлив от кончиков ногтей до корней волос.

– Пьеро, ведь ты был счастлив, когда вы вместе шли на дело с Роки…

В тишине раздался его смех:

– Слушай, Жан, отвяжись, ну что ты все…

– Что?..

– Даже когда один (голос переходит в шепот, он говорит едва слышно, я должен придвинуться как можно ближе, прислушиваться, затаив дыхание. Темнеет, лестница погружается во мрак).

– …я ведь на дело всегда ходил соло, ты ведь понимаешь, с этими подельниками…

Я понимаю и еще замечаю в темноте, как он досадливо машет рукой.

– Соло!

Этот мальчик научил меня, что истинная суть парижского арго – печальная нежность.

Жан Жене, «Чудо о розе»

Всю пятницу Пилорж провел в своей комнате «Зеленого домика», откуда мог любоваться торцом жандармерии, что на другой стороне улицы. Он уснул поздно. Те ночи, когда он не работал, как, например, предыдущую, он проводил если не в казино, то в «Брайтон-баре». Свой неуемный нервный зуд он разгонял в зале с танцовщицами, так снимают напряжение спортсмены на следующий день после соревнований… Нам известно, что, в конце концов, он в тот самый день отправился в ресторанчик Берты Буго на улице Вале съесть блин с яйцом, на владелицу заведения он произвел впечатление человека, который чувствует себя вполне непринужденно.

В утреннем выпуске «Уэст-Эклер» излагались подвиги его позавчерашней ночи. Интересно, попалась ли ему на глаза эта газетенка? Мы бы предпочли, чтобы ангел-хранитель не доставил ему этого удовольствия.

А потом спустился вечер, друг вора… Пилорж переоделся сообразно цветам наступающей ночи: синяя куртка – «униформа ночных походов*» – черные брюки, белая рубашка, черный галстук-бабочка, лакированные башмаки.

Он задержался на широком пляже реки Эклюз, возле городского казино, где в десять часов должен был начаться фейерверк, оплаченный муниципалитетом. Еще нам известно, что около двух ночи он появился в «Брайтоне», где в тот момент не было никого, кроме десятка молодых англичан в глубине танцевального зала. Он взял какой-то напиток в баре. Вскоре дверь открылась, и в ее проеме появился тот, кто вот уже два года был эталоном отдыхающей публики: рубашка «Лакост»; льняные брюки, чья текстура, неплотная, как у джутовой ткани, делала ноги похожими на бесформенные фигуры во время соревнования «бег в мешках»; белые полотняные туфли с накатом из черного каучука (похоже, марки «Эгль»), они назывались «тенниски»; свитер – в такое время! – но без рукавов. Выражение лица одновременно дерзкое и расстроенное; при виде этого человека хотелось застыть в изумлении

---

* «Богоматерь цветов».

или броситься к звонку тревоги; похож на нищего, который в случае надобности и сам даст чаевые; по манерам – «тетка»*! – и оставалось думать, что Пилорж ощущал себя мягким, гибким вором, каким хотел быть, лишь потому, что видел, как его обволакивает рыхлая субстанция, в которую он постепенно превращается… Вновь прибывший был явно нетрезв.

* Это слово, в ту пору широко распространенное, похоже, в настоящее время почти вышло из употребления, так же, как и то, что оно обозначало. «Тетки» были такими, какими их ожидали видеть в том нравственном закутке, где им определили место. Этот гомосексуальный раж, который возбуждал и волновал взгляды – поначалу они находили в этом зрелище удовольствие, затем оно вызывало отвращение – больше уже не приводит на бал в «Мэйджик Сити» «идиоток», которые на сэкономленные за год деньги покупают платье для переодевания, а на следующее утро в большинстве своем оказываются банковскими служащими, сантехниками, даже каменщиками. «Графа» из романа «Богоматерь цветов» больше не существует. Страницы, на которые Жене вдохновила тамошняя «фауна», больше, вне всякого сомнения, не соответствуют никакой реальности, по крайней мере, социальной реальности, и существуют лишь благодаря мифу, созданному их автором – что, впрочем, не было бы неприятно последнему. Даже сама Дивин сегодня вынуждена была бы сдерживаться. Ограничителей множество: нравственных, сентиментальных, профсоюзных, наивно-идеалистических… Волосы ёжиком, усики, куртка из искусственной кожи, обтягивающие голубые джинсы, при этом нежный взгляд, она бы привязала свой велосипед к водосточной трубе клуба «Маскулина».

Благодаря показаниям бармена Поля Мирьеля, известно, что «апеллянт» сначала съел два крутых яйца, выпил кружку пива, взобравшись на высокую барную табуретку, которые служат котурнами актерам немых драм, разыгрывающихся в этих стенах, в то время как Пилорж, сидевший точно на таком же насесте, отвечал на его взгляды молчанием – «Они не обменялись ни единым словом», – скажет впоследствии бармен – потом подсел за столик к молодым англичанам и стал их развлекать, им, отпускникам и курортникам, пожалуй, было все равно, кто их развлекает. Одно можно сказать точно: когда Пилорж вышел из заведения приблизительно без четверти четыре, за ним вышел и второй.

Пилорж не стал отходить далеко. Тот, другой, свистнул, чтобы показать, что он здесь. Из показаний на процессе нам известно, что они вместе вышли на пляж Эклюз. То, что произошло там, с некоторой долей вероятности могли предположить присяжные заседатели, да и то в той мере, в какой им это позволило подвергнутое цензуре воображение (во всяком случае, когда суд присяжных собирается и совещается, каждый его член в глубине души хочет казаться себе более основательным, искренним, более рассудительным и осмотрительным). Можно было бы держать пари, что если что-то и произошло, жестокость Пилоржа, которую он мог бы себе позволить, имела нравственное оправдание, это было

что-то вроде морального долга: как-то наказать – побить или ограбить – человека, которого само общество считало заслуживающим наказания.

Когда около половины шестого они позвонили в отель «Эмерод-пляж», что стоял в нескольких десятках метрах от берега, слева от казино, в глубине огороженного решеткой сада, ночной портье Луи Жендрон знал, что это был именно клиент из номера 531, который находился здесь с 1-ого августа и возвращался всегда самым последним, не раньше двух–трех ночи: мексиканец Нестор Эскудеро и Мендиза-баль, двадцати девяти лет, имеющий постоянное местожительство в Париже по адресу авеню Короля Сербского Петра I, – так, во всяком случае, было указано в регистрационной карточке. Если бы портье предупредили заранее, он, отнеся карточки в комиссариат, узнал бы, что этот клиент значится в уголовной картотеке под именем «Кармен» и хорошо известен в Грассе, где обвинялся в попытке грабежа, соучастии в краже драгоценностей и хранении краденного, впрочем, он бы не слишком этому удивился, ведь этот тип, о котором шла речь, ложился так поздно… Вот он опять возвращается под утро, в одной рубашке с коротким рукавом, левый глаз подбит, ну и, конечно, изрядно навеселе.

Его приятель, уверенный в себе, хорошо одетый, нес под мышкой небольшой сверток, в котором портье, будь он не таким заспан-

ным, признал бы вязаную безрукавку господина Эскудеро. Последний попросил разрешения подняться к себе в комнату вместе с этим приятелем. «Ладно, только на пару минут, договорились?..»

По поводу того, что же произошло потом в 531 номере, будет известно лишь со слов Пилоржа на следствии и суде: по выходе из «Брайтона» Эскудеро якобы сделал ему непристойное предложение, за это он, Пилорж, увлек его в сторону берега, намереваясь задать заслуженную взбучку, затем решил взять с него компенсацию в виде перстня, который тот носил на пальце, и вязаной безрукавки; Эскудеро будто бы заныл, что ему очень дорого это кольцо и предложил выкупить его у похитителя, Пилорж согласился, но, поскольку у обокраденного не было при себе денег, они договорились отправиться в отель к жертве и там все и проделать,.. в общем, давайте послушаем этот рассказ в стиле, принятом во всех полицейских участках и знакомом всем следственным органам, привычном ушам полицейского комиссара или следователя и отполированного секретаршей, в сотый раз выстукивающей текст на пишущей машинке.

> Как только мы пришли в комнату Эскудеро, он показал мне небольшой чемоданчик, который стоял на каминной полке, сказал, чтобы я в него заглянул, потому что там деньги. Я его открыл и нашел кошелек, там было три купюры по сто франков. Я подумал, что это слишком

маленькая сумма и сказал ему об этом. Эскудеро мне ответил, что положил две тысячи франков в сейф гостиницы, а когда я его попросил, согласился отдать мне тысячу. Сначала я решил остаться в комнате, пока он достает эту сумму, но потом сразу же подумал, что это может быть опасно, и сказал Эскудеро, что вернусь днем. Он согласился, но потом стал ругать меня, что я подбил ему левый глаз, а у него в тот день было свидание с женщиной. Я как раз стоял возле шкафа с зеркалом, и он оттолкнул меня, чтобы самому туда встать. Я разозлился и нанес ему два или три удара кулаком в челюсть, он повалился на кровать. В этот самый момент я увидел на ночном столике, рядом со шкафом, кошелек, я взял его, то есть забрал то, что в нем было: пятьдесят франков бумажкой, монету в двадцать франков и еще несколько мелких монет… Я сказал Эскудеро: «Я у тебя это возьму». Он ответил: «Бери все, если хочешь». В общем, я взял всего триста семьдесят пять франков.

Эскудеро поднялся, умылся, а я в это время причесывался. Я хотел сказать ему свой адрес, чтобы он не беспокоился насчет кольца, но я тогда уже решил, что не приду днем… В общем, мы с ним вышли вместе…

Через этот мгновенный перевод на суконный полицейский язык сцена выглядит весьма правдоподобно. Но это фальшивая правда опытных воров и грабителей: хитрость вперемежку с жестокостью, а жестокость идет

от презрения, которое вор должен, так ему кажется, чувствовать к своей жертве, и сюда же примешивается гнев против себя самого; жертва, следующая по пятам за своим палачом, который – он прекрасно это понимает – может ее только презирать, но и с ним можно вступить в своего рода переговоры, и она, жертва, ощущает (или льстит себя надеждой, что способна это ощущать) некое с ним соучастие – все лучше, чем ничего, лучше, чем одиночество и покинутость всеми, а соучастие – это реабилитация в собственных глазах.

Потом, когда участники этой сцены оказываются у подножия лестницы, в рассказе появляются свидетели.

«Они держались за руки, как старые приятели», – скажет ночной портье присяжным. «Я не слышал, чтобы они ругались». Он открыл им дверь, закрыл за ними… вскоре открыл снова, когда услышал, как Эскудеро кричит: «Держи вора!» … Мексиканец стоял в нескольких метрах, посреди тротуара, справа, а молодой человек уходил в сторону площади Республики, а тот продолжал кричать: «Держи вора!». «Не надо так кричать», – сказал ему портье, беря за руку. И отвел обратно в отель, окликнув Пилоржа, который обернулся и последовал за ними. Они все вернулись в холл. «Ну, в чем дело?» – «Покажи карманы… Путь он покажет свои карманы», – сказал Эскудеро». – «У меня ничего нет», – ответил Пилорж. Чтобы поскорее со всем этим покончить, пор-

тье решил обратиться к хозяевам и направился к ним в комнату. В это время они как раз вставали. Сначала им дверь открыла госпожа Будро, она была еще в ночной рубашке, но стала натягивать халат. Они увидела своего постояльца в рубашке «Лакост» и пляжных брюках, он все повторял: «Покажи карманы». Второго из-за одежды – темно-синяя куртка

и черные (рабочие) брюки, галстук-бабочка и небольшой сверток под мышкой, – она приняла за отработавшего эту ночь бармена, который после того, как ночные заведения закрываются, провожает запоздалых клиентов в их гостиницы. «Тише! Клиенты спят», – сказала она им. – «Вот, мадам, – заявил Эскудеро. – Ты при мадам покажешь, что у тебя в карманах и вернешь восемьсот франков, которые у меня украл». Селестин Будро, видя, что дело принимает неприятный оборот, вернулась в комнату предупредить мужа. Появился Эдуар Будро, на ходу поправляя бретельки. Нам представляется, что именно ему сцена предстала во всей красе (занавес поднимается почти в тот же самый час, когда занимается день над бульваром Альбера I, который не был бы достоин своего имени, если бы ему не предстояло сейчас превратиться в бульвар Преступлений. На тротуаре напротив виднеется решетка парка, который полого спускается к пляжу – пляжу берега, именуемого Изумрудным по аналогии с другими берегами: Лазурным, Серебряным, Бриллиантовым, Вермеле-

вым, и т. д., но все они по праву называются «жемчужинами» – именно эту метафору используют составители туристических буклетов, и эти самые «жемчужины», разумеется, не могут не привлекать воров):

> Я сказал портье, чтобы он помог мне их задержать. Тот сделал вид, что не слышит. Тогда я подошел к решетке, я хотел ее закрыть, чтобы молодой человек не смог выйти. Но он опередил меня и убежал. И тогда я случайно зажал дверью Эскудеро, который бросился его догонять. «Бегите, – сказал я ему. – Задержите его».
>
> Молодой человек побежал налево, по бульвару Альбера I. В пятидесяти метрах от отеля он обернулся и нанес Эскудеро удар кулаком в челюсть.

Все это происходило у решетка парка напротив.

> Ночь выплескивается через его глаза и растекается по лицу, которое становится похожим на сосны грозовыми вечерами, на сады, где мне доводилось проводить дни: стройные деревья, пролом в стене, и решетки, эти волнующие узорные решетки. И стройные деревья. О Пилорж! Твое лицо, как ночной сад, одинокий среди Миров с кружащими над ними солнцами! И неощутимая, едва заметная грусть, как в саду со стройными деревьями. Твое лицо сумрачно, как если бы ясным днем на твою душу легла тень. Наверное, ты почувствовал лег-

кий холодок, твое тело дрожит дрожью почти неощутимой, как если бы на него легла вуаль из тонкого, прозрачного тюля, ведь оно, твое лицо, покрыто вуалью из тысячи крошечных морщинок, тонких, легких, не высеченных, но нарисованных, это как микроскопические крестовины.

Жан Жене, «Богоматерь цветов»

Неизбежно встает один вопрос. Пилоржу двадцать четыре года; он спортивного сложения, вышколен почти двухлетней военной службой, трезв. Эскудеро – двадцатидевятилетний гомосексуалист, самая длинная дистанция, которую он способен преодолеть – от бара до койки, к тому же, в тот вечер он был изрядно пьян. Мало того, если бежать по бульвару налево, путь идет в гору, а это значит, усилий требуется еще больше. Так что своего обидчика догнать он никак не мог и адреса его не знал. Хозяину отеля хорошо было видно: именно Пилорж, обернувшись, набросился на него и ударил – а между тем он, дезертир и вор, мог бы – и должен был, по логике – убежать и скрыться. Почему же он поступил так неосторожно?

Не потому ли, что не мог допустить, чтобы окружающие видели, как он удирает от какой-то «тетки», которую, к тому же, только что обчистил? Иначе он сделался бы похож на типичного воришку из дешевого романа, которого застают на месте преступления, и тот спасается бегством. Это было совсем не в духе

Пилоржа. Месяц назад он, дезертир, приговорил себя к одиночеству; после недели грабежей – один за другим, словно перелетая с виллы на виллу – он, решив удалиться от дел, сам навязал себе правило: быть невидимым, внимательным, проворным. И вот, готовясь к трагическому жертвоприношению, он позволяет застигнуть себя врасплох, бежит со всех ног, отказывая себе в обряде посвящения, нарушая единство образа, которое должно было стать его спасением, сам оставленный божественной милостью, позабыв о тайном свидании с палачом, которое назначил для него его поэт-хранитель. Наверное, он услышал, как рокочут небеса. И отступил.

> Эскудеро схватил его за рубашку, где-то возле галстука. Несколько секунд они боролись, затем Эскудеро опустился на колени. Потом я увидел, как он ткнулся головой в ногу Пилоржа, мне показалось, правую; Пилорж несколько раз поднял и опустил руку, как будто бил по голове. Я подумал, что он бил кулаком. Эскудеро осел на тротуар. Молодой человек убежал. Я вернулся к себе в комнату, чтобы одеться, и сказал жене, что Эскудеро избили.

Вскоре в дверь постучал портье: «Идите скорее, постояльца ударили ножом»… Эскудеро лежал на соломенном матрасе. Портье видел, как он вернулся, шатаясь, голова наклонена влево, а на шее широкая рана. Он перевязал ее полотенцем…

Вызвали врача. Пока его ждали, господин Будро пошел по следам крови до того самого места, где Эскудеро ударили, тротуар решетки сада напротив был забрызган кровью. Там он подобрал галстук-бабочку, черную пуговицу от синей куртки и две пуговицы от рубашки убийцы. Постояльцев отеля разбудили шум и крики, которыми обычно сопровождаются

ссоры и преступления, и которых не бывает в наваждениях и кошмарах; а тишину, наступившую после того, как все закончилось, нарушало лишь шарканье подметок о мостовую. Мадемуазель Жермен Каэн из Мэца, высунувшись из окна, услышала: «Как он его отделал… Он перерезал ему горло». Наконец, появился доктор Пестель. Он сразу понял, что рана смертельна. Лезвие бритвы перерезало сонную артерию. Эскудеро скончался, когда его перенесли в машину скорой помощи. Светало.

> Я думаю о Пилорже. Его лицо, вырезанное из «Криминального вестника», осеняет стену ледяным ореолом, которое соткано из его мексиканского убийства, из его желания смерти, и самой его смерти. Он обрызгивает стену сиянием, которое можно выразить, лишь сблизив два уничтожающих друг друга слова: свет и мрак.
>
> *Жан Жене,* «Богоматерь цветов»

Арест Пилоржа

Он был твердым, как мрамор. От объятий немели запястья. И холодным. Он не трепетал. Ничто не выдавало его смятения, ему просто негде было просочиться: ни трещины, ни зазора. Он испускал нечто вроде облака, и пар проникал в вас. Лицо Дивера было не то чтобы злым, но каким-то чужим. Только обнимая, я хоть немного его узнал, мне казалось, что он предстал передо мной как-то по-новому, по-особому волнующе, и перед нами раскрылись неведомые прежде возможности. Кажется, я уже испытывал однажды похожее чувство, это было, когда я вырезал из полицейской хроники фотографию Пилоржа. Мои ножницы медленно повторяли изгибы его лица, и эта самая медленность вынуждала меня тщательно исследовать все мельчайшие подробности, родинки на коже, тень от носа на щеке. Это дорогое для меня лицо я увидел новым зрением.

Когда, чтобы удобнее было вырезать, я перевернул фотографию, лицо вдруг превратилось в какой-то горный ландшафт, лунный рельеф, еще более грустный и пустынный, чем тибетский пейзаж. Я осторожно двигался вдоль линии лба, понемногу поворачивая ножницы, и вдруг, стремительно, словно сорвавшийся с тормозов локомотив, на меня надвинулся мрак, и я сорвался в бездну печали. Чтобы закончить свою работу, мне пришлось заставить себя встряхнуться, такими тяжелыми были вздохи, которые, зарождаясь где-то очень глубоко, подступали к горлу и начинали душить. Мне не хотелось кончить слишком быстро. Этим новым видением лица убийцы я был заброшен в бездну или на вершину горы.

Жан Жене, «Чудо о розе»

Приметы дезертира Пилоржа были переданы в полицейский участок Динара, который располагался напротив вокзала, метрах в двадцати пяти от гостиницы «Зеленый домик». Полицейские, которые первыми производили осмотр места происшествия, из своего кабинета могли бы увидеть окно комнаты того, кого искали, оно выходило на улицу Мимозы, разделявшую два здания: жандармерии и гостиницы. Наверное, один из них, позевывая, как раз отрывал страничку календаря, а на новой страничке значился новый день: 6 августа – когда утреннее солнце светит так ярко, что некоторые дети, особо чувствительные к такой погоде, испытывали горячее желание пойти исповедаться, прежде чем бежать на пляж, чтобы раскрыться до глубин души летнему свету и свету божественной милости… Один сержант обзванивал гостиницы. Когда на том конце провода оказался отель «Зеленый домик», он мог бы услышать сразу обоими ушами – и тем, к которому приложил телефонную трубку, и другим, свободным – как голос мадам Эллис с другой

стороны улицы докладывает, что клиент, полностью соответствующий полученным приметам, только что, часов около 7 утра, вернулся в свой номер. Полицейские Лебелтель, Купэ и Дау тут же отправились туда, причем последний остался стоять снаружи, на перекрестке Вокзального проспекта и улицы Мимозы, чтобы наблюдать за выходом. Вскоре

он заметил, как некий молодой человек выпрыгивает из окна второго этажа. Он потребовал, чтобы тот остановился. Парень рванул в сторону вокзала. Офицер Лафранж, у которого в этот день была увольнительная, проходил по площади как раз в тот момент, когда по ней промчался Пилорж, а за ним преследующий его Дау. Он попытался остановить убегавшего. Тот отбился, резко ударив головой в лицо офицера. Лафранжу пришли на помощь двое полицейских, и вместе они скрутили подозреваемого.

Он даже не стал делать вид, будто удивлен, только поинтересовался, умер ли Эскудеро, а, получив утвердительный ответ, заметил: «Он получил то, что заслужил». Когда Пилоржа отвели в отель и обыскали, при нем нашли платиновый перстень мексиканца, а еще платиновый браслет, золотое обручальное кольцо, золотой медальон, похищенной на вилле Фошиль вместе с другим кольцом, украшенным синим камнем, который, по словам полицейских, оказался «крупным бриллиантом», а еще деньги: 1650 франков.

На кровати в его комнате рядом с темно-синим костюмом валялись черные брюки с пятнами крови на левой штанине. В углу стояли два набитых чемодана. Третий, наполовину пустой, казалось, ждал, когда в него положат вместе с костюмом две пары туфель – одна пара из замши, другая лакированная – которые в настоящий момент стояли под кроватью. Сбежав из военной тюрьмы месяц назад и безо всякого багажа, теперь Пилорж оказался обладателем вполне приличного гардероба: парадный костюм, брюки от смокинга и еще одни брюки, льняные, как у Эскудеро, темно-синий свитер, купальный халат, два махровых полотенца, несколько рубашек, четыре пары башмаков, пять трикотажных маек (популярные предметы нижнего белья у простого народа и представителей среднего класса), холщевые комнатные туфли, фотоаппарат, бинокль, несессер с туалетными принадлежностями, а также – что было для него весьма некстати – набор бритвенных лезвий… Этот юный бретонец, веселый персонаж будничной трагедии, знал толк в хорошем гардеробе, причем во всех смыслах, порой он взламывал его – за четыре года до этих событий, в нескольких километрах отсюда – или наполнял одеждой; в этом он был не похож на воспевшего его поэта, тот, властный, строгий до аскезы, был к гардеробу равнодушен, зимой у него не водилось летней одежды, а летом зимней.

Все это длилось почти до полудня. Перед отелем собиралась толпа. Под сводами ее гиканья и свиста – как выразился бы Жене – Пилорж прошел по солнечной стороне улицы те несколько метров, что отделяли его от полицейского участка. Он перешел из солнца в тень. На следующий день, в воскресенье, его перевезли в тюрьму Сен-Мало.

Отныне с поразительной готовностью он стал играть в игру по правилам, установленным обществом. Согласно этим самым правилам он вбрасывал карты, которые, как он полагал, должны обеспечить выигрыш. Когда ему давали понять, что они крапленые, он забирал их обратно с обаятельной улыбкой, озаряющей лицо. Перед судьей Бюфандо, проводящим предварительное следствие, или судебными экспертами, когда ему казалось, что в его интересах исказить истину, уклониться от ответа, он признавал лишь неопровержимые улики, хотя его полуприкрытые, но внимательные и хитрые глаза выдавали все недомолвки и уловки (из отчета доктора Годара).

Так после обыска в его комнате стало все известно о его подвигах в Динаре, но ничего – о предыдущих кражах, ведь они доказаны не были.

Что больше всего поразило судебного психиатра, так это почтительное отношение к судьбе. Он приносил себя в жертву на алтарь своего культа – того культа, который, как это ни страшно, является истинной ре-

лигией мужчин – без сожалений, без раскаяния, без выспренности, хотя и не без кокетства. Пилорж – он Пилорж сейчас, сию минуту. Ничего до, ничего после его деяний, потому что все эти «до» и «после» – всего лишь движения, совершаемые канатоходцем, чтобы сохранить равновесие, это импульсы, исходящие из костного мозга, они столь же необходимы ему, столь и неощутимы… Острая проволока, по которой он шел, была протянута из окна военной тюрьмы, через которое он сбежал. А острая бритва, которой он перерезал горло в своем сомнамбулическом сне, была ему протянута поэтом.

В этом и состояло их соучастие. Пилорж был создан для того, чтобы о нем писали, воспевали его. А единство того, что достойно быть прочитанным (то есть вся литература), становится опасным и гибельным в тот самый момент, когда сознание перестает его контролировать. Тот, кто пишет, может обрести в написанном свое спасение. Тот, кто упивается этим, получает своего рода иммунитет. Но тот, кто проглатывает это безотчетно, как вдыхают табачный дым так называемые «пассивные курильщики», в состоянии прострации, рассеянно, отрешенно, рискует получить смертельную дозу. Жене подчинил себе эту опасность. А Пилорж оказался брошен туда со связанными руками и ногами, но даже в эту гибельную пустоту он продвигается с ловкостью канатного плясуна.

Жене знал, что он должен написать – написать то, что он мог написать. Поэтому его жизнь сама по себе – причем, начиная с самого рождения, сказали бы все – это усилие поэзии, стремящейся избегнуть знаков своей судьбы. Нет корней, нет, пока он не вернется, прошлого. Какой бы яркой ни была его история, ему этого было мало, он постарался

сделать из нее легенду. Легенду диковатую, неприрученную, и в то же время логически выстроенную. До сих пор тайными остаются встречи, которые случались в его жизни, особенно встречи неслучайные, оказавшиеся полезными. Скольких собратьев по профессии – я имею в виду не соучастников ограблений, которыми он не занимался, а собратьев по перу – он пропустил на своем пути! Его скитания стали его своеобразным «Тур де Франс», и рядом с ним был один спутник – Долг свободы, а в конце пути – шедевр. От приютского дортуара до тюрьмы, из отеля в отель, до могилы, он пожертвовал всем ради свободы и права выбора, а еще необходимости выжать из себя все то, чем предстоит стать.

В той мере, в какой судьба, то есть ее телесная сущность, свободна от разума, отпущенного на свободу, она, словно кожа татуировками, испещрена предзнаменованиями; она вверяет себя звездам, и это приводит в восторг слабых разумом: Пилорж родился 19 мая, а Жене (и Нотр-Дам-де-Флёр) 19 декабря (в бумагах Патроната указано 19 мая);

впервые он был осужден 19 февраля 1931 года, а затем, во второй раз, приговорен к восьми месяцам тюрьмы 19 декабря 1935 14-й Судебной коллегий, похоже, той самой, которая 19 июля 1943 года приговорила к трем месяцам Жене, арестованного 19 июля 1926 года в поезде, едущем в город Мо; они едва не столкнулись друг с другом сначала в Патронате Ролле, затем в колонии Мэтре; Пилорж жил в доме, находившемся по соседству с домом палача, который должен был его казнить, а 19 мая 1922 года, когда Пилоржу исполнилось восемь лет, Дейблер отправился в Ренн, чтобы привести в исполнение смертный приговор в отношении преступника-отцеубийцы Лагадека; наконец он, Пилорж, будет казнен на гильотине в Ренне, в городе, где родился этот палач, но через сорок восемь часов после назначенного срока, потому что Дейблер умер, отправляясь в Ренн, чтобы его казнить, умер в том самом квартале Пуэн-дю-Жур, где они могли бы встречаться и который Пилорж указывал в качестве домашнего адреса и адреса работы за несколько дней до того, как совершил свое последнее, звездное преступление. Торжествуйте, ликуйте, звезды!

Судья Бюфандо говорил, запинаясь. Обычно на подобную хитрость идет преступник, он таким образом дает себе лишнее время обдумать сказанное, но как раз Пилорж отвечал быстро и непосредственно, так что неискренним выглядел именно судья.

Осенью расследование было завершено. Пилорж как будто играл в «пятнашки», когда дети не спорят, если их «запятнали», а в игре в «казаки-разбойники» им остается только смириться, когда на плечо одного из них опускается рука и раздается голос: «Попался!». Он только улыбался, как те самые дети, не оспаривая ничего из того, что ему вменялось в вину: доказанные кражи, убийство, везде были улики или свидетели. Обо всем том, чему свидетелей не было – его знакомство с Эскудеро, то, что происходило на пляже, в комнате отеля, перед самим преступлением – он рассказывал так, как было выгодно именно ему, поскольку доказать ничего было нельзя.

Но при малейшем сбое судебного механизма партия оставалась за ним: карты ложились так, как надо было ему. 26 сентября охранники тюрьмы Сен-Мало уже во второй раз застали его за подготовкой к побегу. Он оказал им сопротивление, вооружившись осколком стекла и заточенным стальным прутом, и один из охранников вытащил из кобуры револьвер и выпустил пулю, целясь в правую руку… Мимо! Улыбается. «Гражданка для меня закончилась, – доверительно сказал он психиатру. – Теперь получу лет двадцать».

Обвиненный в кражах и убийстве, он был переведен в Ренн, где и стал дожидаться суда.

Ему надлежало предстать перед присяжными Иль-е-Вилен дважды: сперва за кражи

со взломами на виллах, где его виновность была доказана, а затем, на следующий день, за убийство Эскудеро. Мэтру Гюставу Бурдону, назначенному его защитником, он отвода не дал.

16 ноября начался суд под председательством советника Ле Маршана, в состав жюри присяжных вошли четыре фермера, три торговца и коммивояжера, два домовладельца, один промышленник, один рантье, один чиновник, все в возрасте от тридцати восьми до шестидесяти трех лет. Вывалив чемоданы вещественных доказательств, суд должен был составить опись украденного и подвести итог всем идеальным кражам, которыми Пилорж упивался ночами в районе Динара (тем, что были частью его нормандских приключений, подведомственных трибуналу Понт-Эвека, а также его казарменные авантюры, в том числе дезертирство, что находилось в компетенции военного трибунала). Итак, на данный момент:

– 400 франков и зажигалка у Эжена Тайбуа.

– Съестные припасы и баскский берет у Верну Бонней.

– Мужское габардиновое пальто, мужская шляпа, игрушечный пистолет, связка ключей, полбутылки Барсака у господина Мэзоннев.

– Кошелек с 50 франками у Ивонн Салионе.

– Съестные припасы и два ключа у господина Ламбер-Шампи.

– Кошелек с 40 франками у Жана Ренуара.

– Кольцо, наручные часы, два кошелька с деньгами у супругов Лестьен.

– Наручные часы и золотой медальон у супругов Фошиль.

– Наручные часы у мадемуазель Эме Сорез.

– 2 кошелька с деньгами у Клемен, Маргерит и Валентина Депре.

Суд подвел черту. Итог: двадцать лет каторжных работ и ссылка.

Пилорж засмеялся. И было из-за чего. Он присутствовал на спектакле. Было видно, как судьба торопится ему навстречу.

Мэтр Буржон счел, что это слишком много, но Пилорж его не поддержал. На какое-то замечание председателя суда ответил: «Это вы так думаете, господин Председатель, а не я». Его куда больше интересовала публика в зале, где он обратил внимание на дочь вышеупомянутого председателя. «Если бы он предложил мне на ней жениться, я бы не согласился». «Послушай, – сказал ему адвокат, – сегодня ты получил максимум. Ты сам все для этого сделал. Завтра постарайся хоть что-то сказать. Иначе получишь смертную казнь». – «Да плевать!»

Когда охранники его уводили, он сказал: «Не думал, что суд присяжных – это так забавно». И самим присяжным вполголоса, покидая зал заседаний: «Господа, до завтра… и спасибо», все с той же улыбкой.

На следующий день зрелище привлекло еще больше зрителей, для публики оно было бесплатным, равно как и для главного действующего лица, которое по закону освобождалось от судебных расходов. В воздухе витал еле уловимый флёр: назревала смертная казнь. Пилорж отвечал на вопросы, как школьник, скрестив на груди руки, «улыбаясь, с насмешкой в глазах» (газета «Тоголе»), на нем, как и накануне, был темно-синий свитер без воротника, с тремя пуговицами на плече, и из него выглядывал отложной воротник белой рубашки, плотно облегающей тело.

> Нотр-Дам говорит о свитере, обтягивающем торс, мягком и бархатистом, там, внутри, заключена сила, которой невольно покоряешься. Железная рука в бархатной перчатке. Мягко стелет, да жестко спать…
>
> *Жан Жене,* «Богоматерь цветов»

Заметив новых зрительниц, обращается к адвокату: «Видели, Мэтр? Я им приглянулся».

Именно беспечность придавала ему вид трогательно-суровый, ведь он казался таким естественным, в нем не было ничего наносного, следовательно ничего хоть сколько-нибудь смешного и нелепого, какими казались порой даже воры в зале суда, если сидели на скамье подсудимых в нарядных костюмах, как женихи на свадьбе.

> Здесь собирались блатные, воры в законе – те, кого правосудие именует рецидивистами, – черногалстучники (потому что всем или почти всем из них довелось однажды стоять перед Судом присяжных и нацепить специально для этого заседания черный бантик, купленный в тюремной лавчонке, потому что Суд присяжных – это вам церемония поважнее Исправительного суда)

Жан Жене, «Чудо о розе»

Маленький черный галстук-бабочка, который, выделывая па своего последнего танго, сорвал с него мексиканец Эскудеро, а хозяин гостиницы «Эмерод-пляж» подобрал в луже крови на тротуаре, лежал перед трибуналом – как галстук, которым Нотр-Дам-де-Флёр задушил старика – среди других вещественных доказательств, рядом с тремя чемоданами, драгоценностями, тысячью шестьюстами пятьюдесятью франками и бритвой с роговой ручкой.

Мэтр Бурдон вновь наставлял его: «Вспомни, что я тебе вчера говорил: если будешь так продолжать себя вести, тебя приговорят к смертной казни». – «Да что вы тут такое говорите? Вчера двадцать лет и ссылка… Сегодня пожизненное… Нет, мне же не дадут смертную казнь за то, что я избавил общество от какого-то там Эскудеро!»

Суд… Председательствовал по-прежнему советник Ле Маршан. Присяжным заседате-

лям, избранным сегодня заново, было от сорока двух до шестидесяти восьми лет: три домовладельца, три пенсионера, три фермера, один офицер в отставке, один служащий магазина, один безработный. Женщин не оказалось и на этот раз. Возможно, они не остались бы равнодушны к роковому обаянию Пилоржа. И присяжные, вероятно, чувствовали это: женщина в их рядах оказалась бы благосклонна к обвиняемому.

Вот как описывали убийцу. Он гладко причесал волосы, которые не падали больше непослушными кольцами на лоб, а открывали его лицо: спокойное юношеское лицо. «Он выглядит как мальчишка», – отмечал репортер «Уэст-Эклер». «Морис Пилорж смирно сидел на скамье подсудимых, худощавый, застенчивый». Изложили обстоятельства убийства. Особое внимание было уделено описанию страшной раны на шее жертвы. Бритва переходила из рук в руки, наконец, добралась до Пилоржа, который должен был опознать в ней орудие преступления. При виде этого лезвия присяжные почувствовали головокружение. «Осторожно! – счел нужным предупредить генеральный адвокат. – Не показывайте ее ему слишком близко. А то он опять захочет ею воспользоваться». Пилорж только улыбнулся в ответ: его не поняли. А когда председатель спросил, привык ли он пользоваться подобной бритвой, ответил: «О нет. Я бреюсь механической». Наверное, присяжные хотели бы

иметь таких честных детей, а адвокат не такого честного клиента.

Может быть, имело место сведение счетов? Хозяйка отеля-ресторана «Ле Бокаж» рассказывала ведь, что Пилорж хвалился перед ней, будто укокошил какого-то копа, а в Динар явился, чтобы свести кое с кем счеты. Но разве он же не хвалился, что работает в кабаке в квартале «Пуэн-дю-Жур» в Париже, а это было неправдой? Почему бы ему и не откровенничать себе в ущерб, одновременно рассказывая какие-то байки в свое удовольствие – он ведь мог еще больше утвердиться в трагической роли, которую соглашался играть по просьбе любезнейшей публики?

Председательствующий задавался вопросом, возможно ли отыскать следы этих самых «счетов» в записной книжке, где записи были зашифрованы. Возможно, между ним и жертвой были какие-то отношения, и вспышка неприязни здесь ни при чем? Что могли означать эти таинственные записи в тетрадке? «Дайте мне хоть какое-то объяснение. Желательно самое простое. – Не могу. Я обожаю сложности».

Суд, конечно же, глубоко заблуждается, когда склоняется к мнению, будто Пилорж приехал в Динар специально, чтобы свести счеты с Эскудеро, с которым якобы был знаком еще по Парижу. Суд просто повторяет ошибку присяжных, которые не в состоянии постичь – тем более, в полном составе – что именно этот

апелляционный суд невольно подтолкнул преступную натуру к такому несчастью*.

Неужели, чтобы разрушить подобные подозрения, не достаточно фактов, которые легко можно выяснить из документов уголовного дела? Учитывая оставленные Пилоржем следы и даты – словно отметины на пути дезертира в его скитаниях по нормандскому побережью – куда можно было «запихнуть» его пребывание в Париже? Когда бы он умудрился туда съездить? Но, возможно, им как раз и нужно было не доказать что-то, а совершить жертвоприношение, чтобы умилостивить богов?

Пилорж на допросе, снимок из «Уэст-Эклер»

* См. Приложение IV.

…Вернемся к преступлению. Пилорж ограничился показаниями, которые давал во время предварительного следствия. Намеки на противоестественные склонности Эскудеро были сделаны специально для того, чтобы в глазах этих благопристойных господ из суда дело выглядело особенно отвратительным. Общество, которое эти господа представляли в данный
130 момент, милостиво дозволяло обвиняемому выставить себя поборником справедливости. Оно словно само подсказывало ему совершить эту низость. Впрочем, единственную. В остальном в течение всего этого судейского «богослужения» он являлся жертвой в той же мере, в какой и священником на своей первой мессе. Он наслаждается литургией, она его забавляет. Он частенько посмеивается над своей трагической судьбой, как если бы это была чья-то другая судьба, эдакая «*беспечность неизбежности*» (Жене). При виде птички, которая собирается петь на той самой ветке, предназначенной и ему тоже, он словно забывает, что самому суждено стать плодом этого дерева. Именно забвение позволяет жить. Он напоминает нам славного рабочего, которого упоминает, если не ошибаюсь, Эскироль*: тот решил покончить с собой, надышавшись угарным газом от угольной печки, и стал старательно заделывать все щели в комнате, делая ее аб-

* Эскироль, Жан-Этьен Доминик (1772–1840) – известный французский психиатр, автор первого научного руководства по психиатрии. – *Прим. пер.*

солютно герметичной, чтобы отрезать себе пути к отступлению. Дело шло споро, и рабочий вдруг с удивлением обнаружил, что весело напевает какую-то мелодию, это его позабавило и вернуло вкус к жизни… С Пилоржем все было наоборот: в глазах судей его беззаботность только вредила ему. После отчета психиатров, после нескольких свидетельских показаний близких ему людей, которые пыта- 131
лись объяснить его поведение, он отвечает: «Ерунда все это! Никто меня не знает. Я и сам себя не знаю».

Если его и можно было назвать падшим ангелом – как говорят в литературе – так в том смысле, согласно теологическому учению, что ангелы вообще в глазах Бога менее важны, чем душа человека. Он (Бог) излучает их, но они на Него не похожи, у них нет Его воли, благодаря которой Он создал человека по своему подобию. Если бы судьи освободили от наказания это существо, которое с таким обаянием делало все, чтобы себя погубить, они бы поставили этот мир перед загадкой, разгадать которую было бы невозможно.

С 15: 50 до 17: 25 суд выслушивал свидетельские показания. Без труда можно было догадаться, что участники процесса не настроены проявлять снисхождение: тогда все спешили покарать и наказать, в то время как сегодня (чтобы почувствовать собственное преимущество: мы теперь знаем, как обстояло дело) все пытаются понять. В 17: 55 судебное засе-

дание возобновилось, прокурор произнес обвинительную речь, и начались прения сторон. Помощник генерального прокурора Жийо требовал смертной казни. Мэтр Бурдон прилагал все усилия, чтобы донести до присяжных заседателей образ убийцы, идущего навстречу своей судьбе: «унылое существование» жертвы – о котором «тягучим голосом» поведал Доктор Годар – могло исторгнуть слезы у публики… Сидя за спиной своего защитника, Пилорж портил все впечатление от судебных прений, обводя зал насмешливым взглядом, иногда улыбаясь…

В 19: 30 присяжным были заданы три вопроса: Обокрал ли Пилорж Эскудеро? Причинил ли он ему смерть умышленно? Совершил ли он это (что является отягчающим обстоятельством), чтобы способствовать своему бегству и избежать наказания (тем более, если с жертвой его связывали деловые отношения)?.. Судебное заседания было приостановлено.

В 19: 55 оно возобновилось, и прозвучал вердикт присяжных: на все три вопроса большинством голосов был дан утвердительный ответ. Суд и присяжные удалились, для вынесения постановления. Довольно скоро они вернулись, чтобы зачитать приговор: Пилорж приговаривался к отсечению головы на центральной площади города Ренна… В 20: 10 он подписал кассационную жалобу и, подняв авторучку, воскликнул: «Наконец-то! Теперь мне дадут сигареты. Жизнь прекрасна».

Однако Правосудие на этом не остановилось. 16 декабря Пилорж вновь предстал, на этот раз перед военным трибуналом, по обвинению в дезертирстве в мирное время, похищению обмундирования, кражу и разрушение ограды. Как писали в газете, он производил впечатление человека, «который присутствует на чьем-то чужом процессе». Когда он вернулся в камеру, он был приговорен к смертной казни и сверх того – к пяти годам тюрьмы.

Мэтр Бурдон, за ним – Пилорж «с циничной улыбкой» (фото из «Уэст-Эклер»)

УЗНИК БАШНИ

На Рождество над Ренном повалил густой снег. «Смерть неслышно кралась по снегу», как в романе «Богоматерь цветов». В ботаническом саду Табор, что на горе над городом, катались на лыжах. Утром, при пробуждении в своей камере, заключенный видел снежные хлопья, падающие между звукоотражающей пластиной и оконным стеклом. На этот случай у жителей Сен-Мало имелась поговорка: «Идет снег: палач ощипывает гуся». Надо полагать, что даже если бы она вспомнилась Пилоржу, вслух он бы ее произносить не стал из боязни смутить охранника.

В конце января 1939 адвокату было уже известно, что кассационную жалобу отклонили, и он собирался отправиться в Париж, чтобы собственноручно подать Президенту Республики составленное им прошение о помиловании. Однажды, когда он пришел навестить своего клиента в тюрьме, Лизуар, главный надзиратель, отвел его в сторону и сообщил, что перехватил письмо Пилоржа главе государства, в котором приговоренный к смерти сообщал, что знает о намерении своего адво-

ката добиваться помилования, но ему, Пилоржу, этого не нужно… Найдется ли когда-нибудь это письмо?

Без сомнения, письмо было написано без ведома и вопреки советам аббата Коньяра, капеллана следственного изолятора, посещения которого все больше нравились смертнику. Тот непременно растолковал бы вверенному его заботам кающемуся грешнику – ибо таковым и сделался Пилорж – что это упоение смертью превосходит пределы смирения, ожидаемого от любого христианина перед прощением, даруемым земным владыкой, и что, приняв его, он поступит лучше, чем если отвергнет Милость, заслуженную распятием Сына Божия, вечного владыки всех приговоренных к смерти, и что богохульством было бы желать самому вершить свою судьбу, между тем как Он своей смертью заплатил за наше спасение и нашу свободу… Отныне Пилорж оставил чтение научных и даже исторических трудов, в которых наслаждался деяниями любезных его сердцу римлян, и погрузился в труды религиозные. Он попросил принести ему катехизис. Без сомнения, он не успел дойти до главы, в которой говорится, что только Бог властен отнять жизнь, которую даровал.

В понедельник 30 января Гюстав Бурдон сел в парижский поезд, купив билет за свой счет, поскольку служебный долг он уже исполнил. Ради такого дела он надел темно-синий костюм с синим одноцветным галстуком,

к костюму, учитывая обстоятельства, полагался – и был аккуратно сложен в портфеле – отложной воротничок. Войдя в кафе на улице Фобур Сент-Оноре, он прошел в туалетную комнату, чтобы его нацепить. Потом отправился к Елисейскому Дворцу. «Подъезд напротив», – указали ему без особых формальностей, а ведь Лебрен сменил на президентском посту Поля Думера, убитого неким сумасшедшим на этой же самой улице.

Секретарь провел его в ротонду на первом этаже, где находился кабинет президента, окнами в сад… «Подойдите», – произнес тот, указывая на край длинного стола и освобождая этот угол от бумаг, чтобы адвокат мог разложить свои документы… А мэтр Бурдон видел перед собой человека в темно-синем костюме, как у него самого, с синим галстуком и отложным воротничком.

В течение сорока пяти минут адвокат излагал дело, уповая на великодушие президента. Тот задал несколько вопросов, доказывающих, что прекрасно знает суть проблемы. Затем сказал: «Я запросил сведения об общем количестве помилований за истекший сентябрь. Почти половина от поданных прошений. Я поступаю следующим образом: если комиссия по помилованию единогласно высказывается «за», я подписываю прошение. Если большинство, но с небольшим перевесом, голосует за отказ, я интересуюсь мотивами. И если они не кажутся мне достаточно убедитель-

ными, я иду против комиссии и подписываю помилование…» Мэтр Бурдон на три секунды почувствовал безумную надежду. «В деле вашего клиента комиссия высказалась… за отклонение прошения, единогласно».

Президент Лебрен плакал. Эмоции здесь были не при чем, у него, как известно, было такое устройство слезных желез, и карикатуристы любили изображать последнего президента III Республики с водопадом слез: он оплакивал свой достойный сожаления семилетний президентский срок. Потом, «подсохнув» – как говорили тогда парижане – он облокотился на закрытую папку с делом и, подойдя поближе к адвокату, довольно фамильярно стал интересоваться ситуацией с выборами в департаменте Иль-е-Вилен, о которой был осведомлен еще лучше, чем о деле Пилоржа: сенаторы – Белланже, Ганье-Дюпарк, Лефа, Леметр, Стурм – которых он хорошо знал, когда был еще председателем Сената; депутаты: в Сен-Мало, Ги Ла Шамбр – министр авиации в нынешнем кабинете Деладье; Пино и Жоли в Ренне, ну и так далее…

Мэтр Бурдон сел на обратный поезд. Он понимал, что ждать ему больше нечего. На следующий день, во вторник, он отправился в тюрьму. «Знаешь, что ты должен сделать? – сказал он Пилоржу. – Ты должен написать матери». – «О, мама…» Разве мог адвокат лучше, чем аббат Коньяр – Пилорж общался с ним все с большим удовольствием – говорить о том,

что находится по ту сторону его судьбы, на которую он и не думал роптать. «Общество себя защищает…» Он ни в чем его не упрекал, ничего не требовал. Конечно, он считал своим долгом сделать, при случае, все возможное, чтобы сбежать из мест лишения свободы, куда оно, общество, его поместило, но куда было деться от так называемых «общих мест», банальностей, которые выносить было гораздо труднее? Он, не переставая, расхваливал надзирателей, это были сплошь «просто потрясающие типы», и если он о чем-то и сожалел, так это о том, что не знал их раньше – эта фраза вызывала неизменный смех у этих славных людей, потому что напоминала рекламный ролик «Языковой школы», который шел в те дни на все экранах*.

В среду 1 февраля заголовок в «Уэст-Эклер» гласил: «Будет ли казнен Морис Пилорж?».

Он напомнил зрительницам судебного процесса – какое же зрелище без зрителей – о существовании этого «трехгрошового» убийцы, чья улыбка так зачаровывал их во время той, уже изрядно подзабытой, ноябрьской сессии суда.

---

* Там преподавали «живые языки». Зритель видел, как в некой условной стране, отдаленно напоминающей Мексику, судят несчастного, причем на языке, из которого тот не понимает ни слова. Его приговаривают к смерти. Ведут на расстрел. И тут, поняв, наконец, что от него требуется последнее слово, он произносит: «Я жалею лишь об одном: о том, что раньше не знал про „Языковую школу“».

В четверг 2 февраля в родном городе Анатоля Дейблера разнеслась весть о его внезапной смерти по дороге из Парижского квартала Пуэн-дю-Жур сюда, в Ренн, где ему предстояло казнить Мориса Пилоржа. Мэтр Бурдон знал, что этим вечером заказной пакет, привезенный курьером на велосипеде, или телефонный звонок должен вызвать его назавтра, наутро, на место казни.

Официальная новость пришла в город одновременно со слухами. Зеваки, проходя по железнодорожному мосту и привлеченные, должно быть, газетным заголовком, заметили напротив депо обыкновенный товарный вагон, накрытый серым брезентом, под которым угадывался фургон с выкрашенными зеленым цветом колесами (цвет военного транспорта): знаменитая раскачивающаяся повозка с «деревянной вдовой», которая нашла свой приют – в двойном экземпляре – в гараже тюрьмы Санте… Смерть оставила свою косу в камере хранения Реннского вокзала.

Мэтр Бурдон поспешил в библиотеку юридического факультета, чтобы выяснить: может ли смерть палача затормозить адский механизм. Если все в этом «богослужении» подчиняется некоему обычаю, который не считается с рациональными принципами государства, возможно, кончина палача вызывает к жизни другой обычай: отсрочку приговора или вообще помилование?

В пятницу 3 февраля «Пти Паризьен» писал:

ПОМИЛУЮТ ЛИ ПРИГОВОРЕННОГО? В юридических кругах ходят слухи: согласно традиции, в случае смерти палача должен быть помилован [*sic*] первый приговоренный к смерти, которого должен был казнить этот палач.

Но в других авторитетных кругах заявили, что помилование Пилоржа маловероятно. В самом деле, если бы последний был предупрежден о дате своей казни, и казнь по той или иной причине в назначенный день не состоялась, заключенный почти наверняка был бы помилован. Учитывая, что он не мог знать о дне казни – заявление делается лишь за несколько часов – преемник господина Дейблера, как только таковой будет назначен, наверняка казнит Пилоржа.

144 Благодаря смерти Дейблера, уроженца Ренна, дело Пилоржа выбилось из рамок хроники происшествий в газете, где в другое время прошло бы незамеченным, и стало известно не только в Ренне, но и в Париже и во всей Франции. Впрочем, Гео Лондон, известный уголовный хроникер, не счел нужным осветить его в газете, и даже не упомянул в своей рубрике «Самые крупные процессы 1938 года», весьма, надо сказать, небедного на преступления. Через нескольких недель после суда над Пилоржем в номере отеля «Отеля Маренго» в Париже на улице Сент-Оноре в чемодане нашли труп без документов, при нем имелось только несколько листочков из блокнота с какими-то подсчетами карандашом. Торговец, которого расспросила полиция, заметил, что все цифры являлись кратными 30 сантимам – в ту пору именно столько в Париже стоил круассан. Таким образом, полиции удалось идентифицировать труп Виктора Жюге, или, как его называли, Малыша Биби, доставщика из кондитерской Фурш, и, наконец, выйти на водолаза с судна «Пари» (ко-

торое через несколько недель сгорит в порту Гавра). В «Пти паризьен», газете, держащей пальму первенства по части уголовной хроники, жертва описывалась как типичный парижанин: рост Виктора Жюге был 1 м 56 см, он носил черный свитер с воротником и обуженные брюки-гольф, как у велосипедиста. Когда он работал в кондитерской Фурш, ему, чтобы добраться до работы, приходилось вертеть педали через весь Париж, потому что жил он на улице Сен-Мор и спал прямо под передним колесом своего велосипеда, подвешенного на стене спальни над диваном. Как его могли еще называть, кроме «Биби»? Наличности при нем не нашли…

> Дивин: «Мы видели велосипедистов, обвитых гирляндами песен, которые они насвистывали, они спускались вечером с головокружительных склонов небесных холмов, мы ждали их в долине, и они докатывались до нас в виде маленьких комочков грязи».
>
> *Жан Жене,* «Богоматерь цветов» («Дивинарий»)

Возникал вопрос: будет ли расстрелян в Тулоне лейтенант эскадренного миноносца «Воклен», Марк-Элоф Обер, который без видимых причин совершил предательство и впал в страшную депрессию, или присудят ли тысячу франков штрафа Жану Кокто, которого застали за курением опиума в заведении

«У мадам Массильи Ромпапа» (так, во всяком случае, утверждалось в том же «Пти Паризьен»)… Наконец, затмевая своей тенью прочих убийц – например, Луи Филиппа (его еще называли «Лионским Вейдманом»), который, как опять-таки говорилось в «Пти Паризьен», призывал смерть в тюремной камере – предстоящего процесса ждал знаменитый убийца

Вейдман. Воспоминание о нем – а не о скоропостижной смерти палача – извлечет из забвения имя Пилоржа, чтобы включить его в перечень преступлений, с которого начинается роман «Богоматерь цветов».

Эта история-миф была написана три года спустя, в 1942 году. В 1943–44 годах, после бесед с теми, на кого неизгладимое впечатление произвели страницы газет тех лет, на которые пришлись его молодые годы – в особенности его поразила история палача, рухнувшего замертво на станции метро, когда тот собирался оправиться в свой родной город, чтобы принести жертвоприношение – Жене добавит еще одну крупинку точности в свое полуфантастическое «Чудо о розе»: «Когда мне пришлось соединить план побега из тюрьмы Бреста и бегство Пилоржа из Реннской тюрьмы, чтобы разрушить железные решетки, я придумал сделать это при помощи кислоты». Заметьте: уже Ренн, а не Сен-Брие*.

* Главный город департамента Кот-дю-Нор, который не имел никакого отношения к преступле-

Ради зрелищности будущего кино пророк и поэт Пилоржа сам будет бродить вокруг алтаря, на котором предстоит умертвить необходимую для его поэзии жертву. Архивные документы нисколько ему не препятствуют, вот только проход слишком узок. Теперь благодаря «Хронологии» Альбера Диши нам известно, что в период между 13 мая и 15 октября 1938 года Жене свободно перемещался из Марселя в Брест и обратно. Но именно в это время он должен был бы оказаться в тюрьме Сен-Мало вместе с Пилоржем и встретить его там, если то, о чем он писал в посвящении к «Смертнику», правда. Но ведь ничего этого не было. Напротив: Пилоржа перевели в Ренн, а если Жене оказался в тюрьме, то не в Ренне и, разумеется, не в Сен-Брие, а в Бресте (о чем он вспоминает в вышеупомянутом отрывке из «Чуда о розе»). Он вышел оттуда 17 января 1939. Тогда, в последние две недели жизни Пилоржа, ничто, ни один из известных нам фактов, не говорит о том, что он приезжал в Ренн, что он собирался это сделать, что был к этому готов, как полагают некото-

---

нию Пилоржа, совершенному в Динаре (департамент Иль-к-Вилен)… Но именно в Сен-Брие годом раньше, 14 января 1938 года, Люсьен Булей, двадцати трех лет, насильник и убийца девятилетней девочки, как Менесклу, как Солейян, Вердьер, Сокле… взошел на гильотину, воздвигнутую перед воротами тюрьмы. Именно тогда впервые вместо заболевшего Дейблера механизм приведет в действие Дефурно.

рые*, и чуть ли не готовил побег Пилоржа… Ничто, кроме той самой песни, которую он сочинил во славу святого, явившегося ему в ореоле своего несчастья и преступления: три года спустя Жене напишет, что Пилорж был казнен в Сен-Брие – невероятная ошибка, разве только он сам не потерялся в этом царившем в городе смятении; с одной стороны – обаятельный убийца, без сомнения, достойный того, чтобы на подмостках воздвигли гильотину, и он вознесся к смерти в лучах зарождающегося дня, а с другой – старый палач, уроженец этого самого города, который, торопясь в последний раз на свидание к Деревянной Вдове, сам опустился в ад, с тростью и дорожным несессером в руке… Тысяча сожалений, господа будущие сценаристы дешевых кинокартин, в это самое утро Жене мог только спать, и более того: он по-прежнему – как в Патронате Ролле и в колонии Меттрэ – не подозревал о том, что Пилорж находится от него буквально в нескольких шагах, и вот тогда-то администрация перепутала их личные карточки…

Впрочем,

---

* Из абсурдных высказываний, появившихся по причине банальной невнимательности, можно процитировать, например, следующее: «Он совершил кражу со взломом, а еще он был любовником убийцы, этого Мориса Пилоржа, который являлся нам в жемчужной короне, и был уже [*sic*] гильотинирован в 1939» («Котидьен де Пари», 16 апреля 1986). – Этот ляпсус – «уже» – ставит все на место.

Когда мне из газет стало известно о смерти Мориса Пилоржа, я встретил на бульваре Клиши шестерых наших с ним приятелей. Шесть парней в возрасте от двадцати до тридцати лет. Мы уселись за стол. Лица наши были серьезны, как лица детей, которые стараются быть серьезными. Самый старший, Рику, заказал восемь аперитивов, и мы замолчали. Официант принес восемь стаканов, роздал по стакану каждому, а Рику взял оставшийся и разделил его содержимое между семерыми. С видом мягким и нежным, который отнюдь не был ему свойственен, он посмотрел на официанта и спросил: «Можно?», и, не дожидаясь ответа, бросил восьмой стакан на пол и тот разбился. Потом объяснил: «Это для того, кто умер». Только так я могу себе представить дружбу.

Жан Жене, «Чудо о розе» (первое издание)

В миропорядке этого поэта даже такая путаница оказалась во благо: самый близкий ему по духу заключенный окажется под покровительством его поэзии, встречи не было, зато была воля провидения. Пилорж станет для него Узником Башни, его существование будет им «отравлено» и очаровано, но он его никогда не видел.

«Еще не завтра я взойду на гильотину…»

Жан Жене, «Смертник»

150 Теперь весь город мог видеть с моста – и не только мог, но специально приходил посмотреть – крытый брезентом фургон. «Уэст-Эклер» в номере за пятницу, утром 3 февраля, поместил фотографию вагона-платформы, на котором громоздился этот фургон, под заголовком: «Морис Пилорж, убийца из Динара, приговоренный к смерти уголовным судом департамента Иль-е-Вилен, сумел этим утром избежать ее». На 7 странице новость повторялась, вместе с историей палачей вообще и семейства Дейблеров в частности, вплоть до смерти накануне в Париже последнего из рода*. Чи-

* Эти статьи принадлежали перу Жеана Толоме из той же школы – так называемой школы «Пти Паризьен» – что Эммануэль Кар со своими «Детективами». Эти журналисты стремились лишь предъявить как можно больше фактов, оставляя воображение читателю, а талант – писателю. Талант же писателей заключается в том, чтобы проявлять, с одной стороны, непритязательность, с другой – взыскательность: писатель начинается тогда, когда говорит то, чего не говорят другие, и видит то, чего не видят другие, а то, что называют стилем, есть результат этих дополнительных сведений.

тателю напомнили, что в последний раз он приезжал в город в качестве должностного лица 19 мая 1922 года (и никто не вспомнил, что это день рождения Пилоржа), чтобы казнить на гильотине Лагарда, убившего при помощи матери своего отца, сторожа охотничьих угодий в Романье. Газета повествовала о казни отцеубийцы, о том, как ворота тюрьмы распахнулись и на пороге появился силуэт в белой рубашке, в сандалиях на босу ногу и с креповой повязкой на голове; о том, как капеллан, пятясь, семенил впереди него, пододвигая к его лицу крест; о том, как арестант, словно зачарованный близкой смертью, шел мелкими шажками, и его поддерживали тюремщики; и что процессии пришлось остановиться, чтобы смертник смог выслушать вынесенный ему приговор, «а в это время в соседних курятниках проснулись и начали петь петухи».

Неужели следующий рассвет станет последним в судьбе приговоренного? Обаяние Пилоржа занимало умы и было излюбленной темой разговоров, но все его воспринимали по-разному. В то время как защитник наводил справки, роясь в документах по уголовному праву, и всех интересовало, отыщется ли в юриспруденции «прецедент», на который можно было бы сослаться, не менее удивительный, чем сама смертная казнь, некоторые вспоминали его улыбку во время процесса; другие – упрямое выражение лица, за-

печатленное фотографом в день его ареста, и которое, как всем казалось, чем-то напоминало выражение лица актера Жана-Пьера Омона в фильме «Дезертир», вышедшем на экраны в те дни, а сам кадр из фильма был воспроизведен в «Пти Паризьен»… Такое же чувство (даже не чувство – вспышку) жалости вызывал лейтенант флота Марк-Элоф Обер,

фотография которого тоже была опубликована в газетах – и Жене вырежет ее и присоединит к своей галерее убийц – это был отсутствующий взгляд, детский, безвольный рот актера Шарля Буайе, единственного обольстителя-француза, на которого купилась бы Америка… Эти юные преступники словно продолжали при наступлении «гибельного рассвета» мечты-сновидения, что зарождались накануне в сумраке кинозалов.

Возможно, прошло бы совсем немного времени, и в этих сердцах, переполненных неясными чувствами, могла бы зародиться печальная песня-плач; она поднялась бы до самых зарешеченных окон камеры смертника, донеся до него то, о чем говорили на улицах и писали газеты, которые охранники, свернув в шестнадцать раз, носили в карманах, и каждый раз, говоря с ним, подносили к карманам руку, и только он, смертник, единственный ничего об этом не знал:

Но ходят слухи в кабаре,
Что вы умрете на заре…

Из других газет он смастерил себе что-то вроде остроконечной шляпы, как на головах еретиков, которых отправляли на костер. Когда он почувствовал себя плохо, фельдшер растер ему грудь настойкой йода. Волнение не проходило, он принялся танцевать яву, танец, придуманный словно специально для того, кто будет выделывать мелкие па с кандалами на ногах, подобно тому, как на улице человек-оркестр с привязанными на лодыжках бубенчиками задает ритм песне Узника из Нанта, где говорится:

Раз все равно меня казнят,
Пусть ноги мне освободят…

И все это потому, что позднее он напишет, как Аркамон направляется на гильотину, как на адском витраже:

> Когда он приблизился к нам мелкими шажками, как женщина начала века в зауженных платьях, или как будто он танцевал яву, нам захотелось опуститься перед ним на колени.
>
> *Жан Жене,* «Чудо о розе»

В библиотеке господин Бурдон ничего не обнаружил, только то, что если бы подобный случай произошел в XIX веке при монархии, то нужно было дождаться, когда министерство юстиции назначит временного палача для исполнения смертного приговора.

Итак, единственным человеком во всей Франции, который мог бы наилучшим образом продемонстрировать журналистам – предложив им перечесть подшивку их собственной газеты за май 1932 года – откуда взялись их туманные реминисценции, и рассеять заблуждения мэтра Бурдона относительно способов спасения клиента, который предоставил ему данный случай, был тот, кто в начале этой недели объяснил ему, как именно поступал он, получив просьбу о помиловании, и почему ходатайство Пилоржа вынужден был отклонить: и это был президент Республики.

Что касается Альбера Лебрена, он не мог забыть первого дела, которое в день его вступления в должность 11 мая 1932 года было ему представлено как не терпящее отлагательств,

тем более что считалось уже решенным, ведь на нем имелось постановление и подпись его предшественника, между тем как по закону оно оставалось еще открытым после убийства последнего в прошлую пятницу.

В ту самую пятницу 6 мая 1932 года – между первым и вторым турами парламентских выборов, которые должны были состояться через неделю, в следующее воскресенье – президент Республики Поль Думер в 15 часов покинул Елисейский дворец, собираясь пойти по той же стороне тротуара улицы Фобур Сент-Оноре до угла улицы Беррье, в приемную фонда Саломона Ротшильда, где ему предстояло открыть ежегодный книжный салон писателей-ветеранов войны. Его встретил министр юстиции, а писатель Клод Фаррер, бывший офицер морского флота, принялся водить его от стенда к стенду. В 15: 15, когда президент входил во второй салон, раздались три глухих выстрела, и окружающие увидели, как Думер оседает на пол, бормоча тихим голосом, приглушенным седой бородой: «О, еще и это…». Что он хотел этим сказать? Все сразу вспомнили, что у президента было четыре сына, и все четверо погибли на фронте. А тут и он… *Еще и это!*

При звуках второго выстрела глава муниципальной полиции Поль Гишар заметил, что стреляет какой-то верзила, стоящий рядом с ним, он отклонил его руку с пистолетом, поэтому другая пуля попала в руку Клода Фар-

рера… При всеобщем смятении президента перенесли из салона в автомобиль, его лицо и борода были залиты кровью; им нужно было лишь проехать улицу Фобур Сент-Оноре, чтобы доставить раненого в (бывшую) клинику Божон, метрах в двадцати отсюда. Клода Фаррера отправили туда же в машине Поля Рейно.

Две пули 7/65 психопата Горгулова настигли главу государства (семидесяти пяти лет), попав одна в правую подмышку, вторая в основание черепа. Когда с него сняли куртку, первая пуля звякнула о землю, как о тарелку боб из пирога на день Богоявления… После переливания крови он все еще оставался без сознания. Прибежала мадам Думер в сопровождении зятя.

В тот вечер мэтр Поль Анрике, адвокат при судебных инстанциях, который только что, как и все, прочел специальный выпуск о покушении на президента, получил из министерства юстиции пропуск фиолетового цвета в тюрьму Санте, на завтра 7 мая, на 4 часа.

Он знал, что это означает. В уголовном суде департамента Сены он защищал некоего Эжена Буайе, двадцати девяти лет, который со своим сводным братом Александром, сорока семи лет, убил вдову Дьеме во время кражи со взломом на Монмартре. Обоих приговорили к смерти.

Когда в начале недели прошения об их помиловании подали президенту Думеру, перед отцом четырех погибших на фронте юношей

оказался солдат-фронтовик, ветеран Первой мировой войны Александр Буайе, которому одиннадцать раз объявляли благодарность в приказе, который оставил на поле боя правую руку, получил крест «За боевые заслуги» и медаль… Никогда еще королевская привилегия (переданная главе государства, где сувереном является народ) пренебречь вердиктом народа не была оправдана до такой степени. Его несчастье и его жертва, его величие давали главе республики более широкий обзор, чем взгляд суда присяжных, собранных методом случайного подбора, чтобы определить меру ответственности подсудимого. Так поприветствуем в лице Поля Думера, читающего отпечатанные на машинке листочки, короля в его двуединстве: отца и сына, который понимает и чувствует, до какой степени общность в пространстве (то есть его королевство) зависит и проистекает от общности во времени, о котором напоминали ему четыре мертвых юноши, как четыре погибших дофина-наследника престола, и взывал к нему умоляющий голос оставшегося в живых героя, ставшего преступником… Одним словом, отец четверых сыновей Думер заменил бравому ветерану смертную казнь на «пожизненное»… Что касается второго, он не стал останавливать уже запущенный механизм. И пока он метался в агонии, пружина этого механизма раскрутилась до предела: через несколько часов внук Маргерит Буайе, супруги Дейблера, который

вновь взял фамилию Буайе, когда решил отказаться от передающегося по наследству жреческого сана и вернуться в мир, должен был отсечь голову Эжена Буайе.

И тогда мэтр Энрике – чья диссертация по юриспруденции носила название «Лотерея и выигрышный заем» (1921), а серое вещество усиленно функционировало, силясь отыскать предлог, чтобы отложить завтрашнюю «заутреню» – положил палец, которым переворачивал страницы брошюр конституции и уголовных кодексов, на колесо фортуны: пусть случай послужит разуму.

Этот палец, пробегая по текстам, выискивал логику в том, что было нелогично изначально: почему право помилования осталось прерогативой президента демократической республики. Это право тем более противоречило принципам Республики, что его осуществлял «избранный из избранных» вопреки решению, принятому именем французского народа, это решение заставляло суд, прообраз исполнительной власти, применять закон, который якобы установил народ-законодатель. На этом этапе, который нашел юридическое выражение в разделении законодательной и исполнительной власти при приоритете первой, мог возникнуть президент (то есть вторая власть) и кардинально опротестовать то, что было принято двумя властями, судом и присяжными, при всех их различиях и сходствах. Право помилования – это

рука королевского правосудия, сующая палки в колеса республиканского здравого смысла.

Учредительное собрание прониклось пониманием этого как нельзя лучше: по конституции 1791 года оно отменило право помилования. Интересно, почувствовал ли в тот самый день Людовик XVI, что он морально обезглавлен? Если это право и было впоследствии восстановлено во Франции различными политическими режимами, его следует рассматривать как некий странный аппендикс в физиологии демократического монстра, оставшийся от прежнего режима, он напоминает, что нет, в конечном счете, власти более подлинной и законной, чем наследственная монархия.

«Одному лишь королю принадлежит право прощения и помилования», – напоминал королевский указ 1498 года и современная пословица: «Милость – привилегия королей». Это самое право во все полноте конституция 1875 года – сквозь страницы которой вновь прорастали лилии – восстановила, передав (на время) президенту республики. Он тоже мог, обладая королевской прерогативой, осуществлять это право до последней минуты.

«В данный момент, – доказывал мэтр Анрике генеральному прокурору, к которому явился, едва узнав о покушении, – президент уже не в состоянии подтвердить или опровергнуть свой отказ помилования, он даже не может выслушивать доводы «за» и «против». С чего

мы взяли, что в последние часы не могло произойти ничего такого, что заставило бы его поднять палец вверх?»

В государстве, уважающем законы и здравый смысл, каковым считала себя III Республика, это был аргумент совсем иного порядка – юридического или рационального – чем магический знак вроде смерти палача или
160 оборвавшая веревка повешенного… Впрочем, можно было и возразить: почему бы не оспорить правомочность всякой казни рано утром, под тем предлогом, что обладатель права помилования спал в момент казни, а если бы мог присутствовать при исполнении приговора, то остановил бы ее? Можно пойти и дальше: королевское государство должно было изобрести важную традицию, которую мы считаем возможным предложить, хотя и с изрядным опозданием – пусть главу страны будят в тот же самый час, что и приговоренного к смерти, которому он отказал в помиловании, пусть он слушает мессу одновременно с ним и начинает молиться о спасении души несчастного до той самой секунды, пока тот не переступит порог вечности… Подобные идеи могут появиться в лоне религий, традиций, наследственных монархий; что же касается президентов, избираемых на энное количество лет, или их электората, даже и не думайте об этом!

Так вернемся к нашему «барану», поскольку именно так в узком мирке исполнителей

приговоров именовалась металлическая масса, с помощью которой увеличивали вес ножа гильотины, и его через несколько часов должны были водрузить над двумя стояками.

Мэтру Анрике, доктору права, большому специалисту по вопросам лотереи, повезло, что министром, которому выпала почетная, хотя и тяжелая обязанность принять президента на улице Фобур Сент-Оноре, был министр с Вандомской площади. У постели агонизирующего главы государства решался вопрос: помилование или смерть. Если бы президент пришел в сознание до наступления рассвета, этот самый рассвет стал бы, разумеется – безо всяких законодательных юридических проблем – последним для Эжена Буайе. Если же нет…

Итак, переливания крови молоденькой медсестры оказалось недостаточно, чтобы оросить угасающий мозг седобородого президента. Поль Рейно вернулся в министерство, чьи окна, выходящие на Вандомскую площадь, оставались освещенными даже сейчас, глубокой ночью. Мэтр Анрике бросился туда. Похоже, диссертация забрала у него всю энергию. Его принял не сам министр, а начальник канцелярии. Как адвокат он не был глух к доводам защитника, призвавшего на помощь всю свою логику; но как министр юстиции он не осмеливался принять решение, которое, и вправду, прежде выходило за пределы его компетенции. Он был, несомненно, три-

жды республиканцем, но мозги у него были мозгами политика, то есть далеко не лучшего качества.

К тому же после еще одного переливания крови президент пришел в сознание и попросил привести супругу. Она тотчас же явилась в клинику Божан, а вслед за ней – Поль Рейно, к которому присоединился председатель Совета Министров Андре Тардье. Мэтр Анрике решил уже, что все пропало.

После часа ожидания он воспрянул духом: «Президент впал в кому», – сообщили медики. Но уже меньше, чем через три часа Дейблер должен был наладить свою машину… А вскоре Тардье и Рейно уловили слабый шум в соседней комнате: госпожа Думер только что рухнула без чувств возле постели мужа; президент республики скончался… Начиная с этой минуты его право на помилование должно было осуществляться только преемником, которого еще не существовало: казнить Бойера не могли.

Поступило официальное сообщение: «Президент умер в 4: 27». Журналисты и любопытные, которые еще бодрствовали, могли, сверившись с календарем, убедиться, что «нареченному деревянной Вдовы» не повезло: президент умер на четыре минуты позже, чем следовало бы, поскольку солнце, чей первый луч являлся сигналом, что нож гильотины может опуститься на шею приговоренному, этим утром встает в 4: 23 – но в 4: 23 по «старому»

времени, которое все настенные деревенские часы отбивают на час позднее так называемого «декретного» времени, а на него перешли 7 мая 1932 года. Если следовать букве закона, то Эжену Буайе оставалось жить пятьдесят шесть минут. Чтобы казнить заключенного, нужно было дождаться, когда по-настоящему рассветет – это правило имело силу закона. Обрехту говорили: «Посмотри, уже рассвело или нет?»

Если окажется, что мэтр Анрике не оставил мемуаров, подробности этих часов, без сомнения, самых плотных и насыщенных во всей его карьере, наполненных пустыми и счастливыми билетиками больше, чем любая ярмарочная лотерея, никогда не станут известны. Скажем только, что Дейблер уже ладил свою махину на бульваре Араго, а Буайе все еще не пришли будить. Если говорить с точки зрения кинематографии, то жаль: мы бы увидели, что он уже проглотил свой стаканчик рома – «хозяин угощает», – от которого «клиент», как выражались в команде Дейблера, никогда не мог отказаться!..

Он мог бы угостить шампанским всю тюрьму: перед тем, как отправиться спать (в то время как Буайе, опоенный бромом, еще не просыпался в тюрьме Санте) его адвокат составил просьбу о продлении отсрочки исполнения приговора до вступления в должность – и решения – нового главы государства. Мы вновь можем убедиться, что республиканский ре-

жим с уважением относился к королевской традиции, которая желает, чтобы день пришествия во власть стал днем всеобщего ликования и милосердия. Так что первый курьер, который вышел из Елисейского Дворца, нес прошение о помиловании. Вот так и получилось, что Альбер Лебрен – который, как мы видели, отказал в помиловании Пилоржу – избранный в Версале в следующий понедельник 10 мая Сенатом и находящейся на последнем издыхании Палатой депутатов (для которой это стало последним голосованием), на следующий день увидел на своем столе первый документ, требующий его подписи, и это было прошение о помиловании Эжена Буайе; ему ничего не оставалось, как это прошение удовлетворить, заменив смертную казнь пожизненными каторжными работами.

Несколько месяцев спустя Алексис Данан, который проводил исследования в колониях для несовершеннолетних правонарушителей и побывал в колонии Меттрэ, а затем в Сент-Илэр, а оттуда направился в централ Фонтевро, где, как известно, находились в ожидании ближайшего этапа в Сен-Мартен де Ре, на каторгу в Кайенну, те, кто избежал смертной казни.

Навстречу посетителю шли люди, на одежду которых директор велел прикрепить нашивки с именами, они напомнили журналисту не только самые громкие преступления

года, но и – с юридической точки зрения – самые удачные.

Подошел невысокий человек в очках, который «вежливо нас поприветствовал. Под мышкой он нес ведомость*». «Прекрасный образчик», – произнес директор, обращаясь к журналисту. Это был доктор Лаже из Безье, который недавно был осужден судом присяжных за отравление троих человек. Некоторые из его сокамерников – их немного, представьте себе – презирали его за то, что он, еще не понюхав Гвианы, оказался сразу в авторитете. Другие завидовали ему, почти восхищались. Он любил читать окружающим мораль, заявлял, что девственник, и очень этим гордился. За ним посылали, когда нужно было вразумить или отчитать какого-нибудь смутьяна. И только на двоих он не имел никакого влияния: один из них, Муво†, совершивший убийство буквально голыми руками; что касается вто-

---

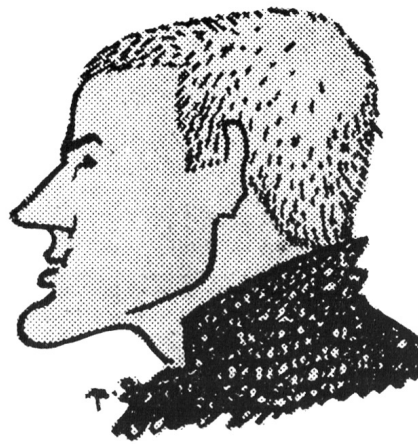
* *Алексис Данан.* Меч скандала. 1961. С. 129.

† Норбера Муво бросила жена, его бы это совершенно не расстроило, если бы она не забрала с собой ребенка. Ему сообщили, что наборщик Брюне знает, где находится его Полин. Он притянул его к себе и обмотал вокруг его шеи полотенце: «Говори, где она, а то задушу». Тот не поверил, Муво сжал полотенце, и Брюне упал замертво. Его сестра добилась разрешения прийти к нему в комнату переговоров в Фонтевро вместе с ребенком. Тот, увидев каторжника, так забился в истерике, что его пришлось увести. Но с этих пор Муво смирился со своей судьбой.

рого, никто не мог – и не решился бы! – оспорить его авторитет: это был Буайе… После того чудесного и почти сакрального рассвета 7 мая его отправили в Фонтевро, где уже находился его брат, который с первым же конвоем должен был отплыть в Гвиану на корабле «Ла Мартиньер». Они так больше никогда и не встретились, поскольку Александра опре-

делили вязать рыболовные сети, а Эжена плести из соломы стулья – два мира в пределах одной тюрьмы.

От плетеной корзины с опилками, куда падает голова казненного, до плетеных стульев расстояние весьма велико. Нужен был безумец Горгулов, чтобы Буайе, избегнувший той корзины, занялся плетением стульев. Это сделала возможным смерть главы государства, а не смерть палача. Если бы госпожа Стейнхейл, распалившая кровь президента Феликса Фора, проникла в Елисейский Дворец накануне исполнения смертного приговора, она бы, даже не желая этого, спасла приговоренного к смерти, она, а не госпожа Дейблер, если бы той пришло в голову так же разгорячить изношенное сердце своего супруга-палача.



«Бандит Морис Пилорж», рисунок из газеты «Уэст-Эклер» 17 декабря 1938 года

168 В пятницу вечером, когда в Ренне стало известно, что накануне Дефурно вызывали на Вандомскую площадь, в генеральную прокуратуру, он уже прибыл поездом 13: 45 с тремя помощниками. «Никто не обратил на них внимания, – писал Жеан Толоме в „Уэст-Эклер“. – Около 16: 30 видели, как господин Дефурно выходил из кабинета генерального прокурора. <…> На вокзале фургон с „Деревянной вдовой“ – еще вчера собственностью Дейблера – не сдвинулся с того места, куда бывший хозяин пометил его по прибытии, рядом с бульваром Бомон».

Тем же самым вечером мэтр Бурдон получил предписание прибыть назавтра в 5 часов в канцелярию следственного изолятора. Относительно железной дороги та находилась почти симметрично его кабинету на набережной Дюгей-Труэн, 12. До нее было несколько минут пешком. Поздно вечером, когда публика выходила из театров, было видно, что группы людей идут в том направлении, как в Париже во времена Рокет.

Позже адвокат вспомнит, что когда он прибыл туда холодной ночью, гильотина воз-

никла перед ним в тумане, ее уже поставили перед деревянными воротами тюрьмы. Солдаты подвижного жандармского подразделения пытались отодвинуть толпу на сотню метров к улице Ален-Бушар и по обе стороны бульвара Жак-Картье. Чтобы придать грядущему жертвоприношению военный порядок, на место прибыли также отделение 41 пехотного полка, группа артиллеристов 10 полка, жандармы, полицейские. Они разгоняли любопытных, которые пытались пристроиться на любой горизонтальной поверхности площадки. Одного даже пришлось согнать с деревянного каркаса будущей плахи, на которой тот примостился и заснул в ожидании зрелища. Самый близкий к тюрьме дом был одноэтажным, зато там имелись перила, на которые можно было облокотиться. Нам неизвестно, захотели ли – или смогли – его обитатели воспользоваться этим преимуществом. Можно ли было им помешать?.. Впрочем, коль скоро наказание было назидательным, могло ли подобное зрелище именоваться безнравственным? Вот тут хотелось бы поинтересоваться, оказался ли комендант – которому вечером пришлось ужинать не с палачом, я с собственной горничной – на месте, с саблей наголо, «чтобы поприветствовать французское правосудие».

И только лишь должностные лица и обладатели специальных пропусков могли метров на двадцать приблизиться к адской машине. Вокруг нее стояли только ее слуги в серых

или синих рабочих блузах и баскских беретах. В черной фетровой шапочке на почти седых волосах, в плотном, совсем новом пальто-реглане бывший рабочий автомобильного завода Дефурно наблюдал за работой своих помощников, которые подносили ветрозащитную лампу туда, где велись работы по сборке. Наконец, он проверил, как скользит «баран» – подвеска,

с видом довольного своей работой часовщика, который налаживает деревенские часы-маятник и проверяет, как резко падает груз, чтобы обозначить последнюю секунду, за которой больше не будет секунд.

Гильотина – украшенье,
Я хочу мне в утешенье
Положить ее в шкатулку на комод,

как пели в те времена, когда Деревянная Вдова была еще молода и прекрасна.

Репортер «Уэст-Эклер» писал – как в 1922 году, когда у всех на устах было дело Лагадека – что тогда пели петухи, и это представлялось вполне вероятным в городском предместье, новом квартале частных домов, построенных на бывших лугах Вильнева. Как бы то ни было, петух, испускающий предсмертный крик, – это одно из клише, которые журналисты могли себе позволить, чтобы слегка оживить репортаж о церемонии, при которой были запрещены лишь фотографические клише. Ведя волнующий душу рассказ о казни юного

отцеубийцы, того самого Лагадека, у ворот тюрьмы Санте, Пьер Луайель писал: «На птичьем дворе ресторана напротив запел петух»*. Но там имелся все-таки ресторан, а петухи поют на рассвете… А здесь Жене должен будет написать:

> Ты солнце позови, пускай укажет путь.
> Всех петухов – под нож! Всех палачей – в колодцы!
>
> *Жан Жене,* «Смертник»

и еще эти строчки, которые мог бы спеть Тино Росси:

> *В курятнике петух и жаворонок галльский,*
> *Молочницы бидон и крона надо мной…*

которые четыре года спустя нас так волновали.

Во всяком случае, в шесть часов на колокольне церкви Сакре-Кер пробили благовест.

Высокие ворота в серой гранитной стене, увенчанные надписью «Департаментская тюрьма», закрылись за мэтром Бурдоном.

В канцелярии он увидел капеллана, помощника генерального прокурора Жийо, начальника и заместителя начальника судебного округа, доктора Ламаша, тюремного врача и доктора Бодро, врача наблюдательного совета, который уже приезжал сюда по делу Лагадека, двух секретарей суда и, нако-

* *Пьер Луайель.* Перед дворцом правосудия. 1929.

нец, главного надзирателя Лизуара, хозяина тюрьмы…

Именно последний и возглавил вскоре судебную процессию, которая нисколько не изменилась, впрочем, как и прочие ритуалы жертвоприношения, с тех пор, как Тургенев дал ее самое длинное и самое правдивое описание в сцене казни Тропмана, поскольку во-

ображение – это свойство, позволяющее лучше увидеть реальность.

Присоединимся же вслед за писателем к этой веренице баранов, которые, продвигаясь гуськом по лестницам и коридорам, готовятся пустить кровь волку. Последуем за ним ради его ощущения, что ему нечего было здесь делать – это чувство стыда часто испытывают те, кому пришлось показывать служителей судебного культа, приходящих утром будить жертву, как будто те сами совершают преступление: покорно втягивают головы в плечи, перешагивают чугунные плиты, чтобы не шуметь, идут на цыпочках, как они шли бы, приди им в голову совершить кражу со взломом, осторожно ступая на шляпки гвоздей на лестнице, чтобы не скрипело дерево, как описано в первой фразе «Богоматери цветов». Охранник, как священную хоругвь, держит плечики с одеждой, которая была на заключенном, когда тот выходил из уголовного суда, и которую ему поменяли в канцелярии на униформу из дешевой шерстяной ткани: брюки с пуговицами на штанинах, что-

бы их можно было стащить, не снимая с ног кандалов, ему еще предстоит напялить, чтобы прожить самый короткий час в своей жизни.

Пилорж, открыв глаза и увидев свиту придворных у своей постели, присутствующих при его последнем пробуждении, сказал: «Сколько народу!». Мэтр Бурдон вспоминает это спокойное утро приговоренного – от секретаря суда было известно, что накануне он лег поздно, потому что долго читал религиозную литературу, а не играл, как обычно, в карты; его обмазанный йодом торс; его кашель, услышав который судья бросился закрывать форточку и воскликнул: «Он простудится!»; его приветливые слова, которые пресса постаралась донести как можно точнее; его тщательный туалет; его остроконечную шляпу, сделанную им самим накануне, которую он снял, входя в соседнюю – пустую – камеру, где аббат Коньяр, выслушавший вчера его исповедь, теперь собирался служить мессу; ответы Пилоржа на латыни, когда лишь по тому, как он хрустел сложенными для молитвы пальцами, причащаясь усердно и горячо, можно было понять, что он нервничает; его спуск по лестнице в канцелярию, где ему пришлось дожидаться, пока вскипятят молоко, которое он попросил на завтрак, ему принесли его в котелке, куда вылили немаленький стакан рома; то, как он его пил, медленно, чтобы успокоить воспаленное горло, приговаривая «Вкусно», и еще потому что оно, действительно, было го-

рячим – йодовая настойка, запах рома и горячее молоко на ночь, воспоминания о детских простудах; и как, наконец, открылась дверь и в проеме появился Дефурно в своем серо-бежевом плаще, барабаня пальцами по наручным часам, напоминая, что уже пора; реакцию Пилоржа: «Вы, может быть, и спешите, а я так нет»; как Дефурно отодвинулся, пропуская

своих помощников, все в тех же синих блузах, беретах, с веревочками, появившимися из карманов, и Пилорж прокричал – это почти было ритуалом в данной церемонии – что они делают ему больно… По молодежной моде того времени затылок его был коротко острижен.

Мэтр Бурдон подтверждает, что когда приговоренный проходил мимо него, чтобы возглавить процессию на пути к жертвоприношению, жертвой которого он сам и являлся, то обернулся на пороге напомнить главному надзирателю, что он дарит своему адвокату часы, оставшиеся в канцелярии: «Знаете, мэтр, они совсем новые… Носите их и не бойтесь». Может, он думал о часах, похищенных однажды августовской ночью у горничной виллы «Ласточка»? Людовик XVI, чьей единственной собственностью было его королевство, тоже завещал свои часы и одежду по дороге на эшафот, потому что в тот самый час имущества у него было не больше, чем у душегуба Пилоржа.

Когда они дошли до середины двора, обе створки ворот распахнулись и явили взорам страшную машину (которую даже не поду-

мали отодвинуть вглубь) с высоко подвешенным лезвием. И только тогда публика заметила вдали почти детский силуэт и грудь цвета засохшей крови, видневшуюся в вырезе белой рубашки; а журналисты увидели – или подумали, что увидели – как убийца-насмешник выплевывает свою последнюю сигарету прямо под ноги Деревянной Вдовы. Мэтр Бурдон пожимает плечами: «Он совсем обессилел, его пришлось нести». Что там было на самом деле, знали только эти помощники, которые его держали, и чьи редкие фотографии* демонстрируют, что дистанция, которая всегда существовала при казни через отсечение головы между приговоренным и его палачом – как спонтанное обращение на «вы», учтивость времен плахи и топора – сократилась до размеров циркового трио, ставшего прообразом всего общества, чтобы яснее запечатлеть этот последний, смертный час, и тогда она, дистанция между ними, становится расстоянием между верхушкой гильотины и шеей смертника… Ее будет достаточно, чтобы участники этой похоронной процессии почувствовали жар и последние толчки крови, которую им предстоит пролить.

* Невозможно забыть это изображение Вейдманна, схваченное буквально в последние секунды его жизни, когда подручные вели его – те самые, которые за три месяца до этого волокли к плахе Пилоржа – как грузчики волокут пианино. Это был тот самый день (17 июня 1939), когда Дефурно официально вступил в должность почившего Дейблера.

Несмотря на все эти статьи провинциальных газет – которые хотели создать впечатление, будто их авторы видели собственными глазами (хотя стояли далеко от места событий), как медлительны и неловки палачи, известная журналистская уловка, надо же было как-то оживить эту незыблемую церемонию – кровь хлынула без промедления – хлынула

на самом деле: в то время когда еще не утих звук раздираемого шелка, которое производило стремительно падающее лезвие ножа, мэтр Бурдон увидел, как тело стало короче, и струя крови взметнулась и забрызгала плащ Дефурно.

Он благословит Пилоржа, и сделается торжество
Светлым его эшафотом, и станут вести его
Смерти прекрасной знаки.
……
Так, значит, ты – это иное «я»?
Нас даже Саломея не рассудит.
Тот окровавленный комок белья,
Что это – роза? голова на блюде?

Жан Жене, «Траурный марш»

Может быть, петухи пропели во второй раз?

6 часов 46. Это был рассвет субботы, как и 6 августа этого года, когда Пилорж перерезал горло Эскудеро у решетки парка.

Палачи демонтировали свой ярмарочный балаган и складывали инструменты. Был там,

разумеется, рядом с нивелиром, «огромный синий футляр, подбитый атласом, в котором хранится зловещее лезвие», и чтобы его, в конце концов, заметили – после сотни репортажей, когда его обходили вниманием, – понадобился писатель, Леон Доде, и это случилось в тот единственный раз, когда он присутствовал при смертной казни*…

Все исчезло в тот час, когда в этих деревянных конструкциях могло бы заиграть солнце. Деревянная вдова не отбрасывает тени, она встает, живет и умирает в утренних сумерках.

Дефурно промокал влажной салфеткой свой новый плащ.

Когда он возвращался в Париж утренним поездом, пятна еще оставались. Через день, в понедельник, когда репортеры фотографировали его на похоронах Антуана Дейблера, плащ уже был без пятен, а на отвороте нашит траурный креп. В те времена в химчистках не только чистили одежду, но могли оформить ее для траура «в двадцать четыре часа», наверное, он обратился туда прямо в субботу после обеда, в крайнем случае, в воскресенье.

В тот же день, в 14 часов, судебный распорядитель при трибунале в Ренне прокричал трижды, будучи апеллянтом трибунала Сен-Мало, приговорившего нижепоименованного к двум годам тюрьмы за попытку бегства из тюрьмы Сен-Мало, имя Пилоржа, обезглавленного два дня назад.

---

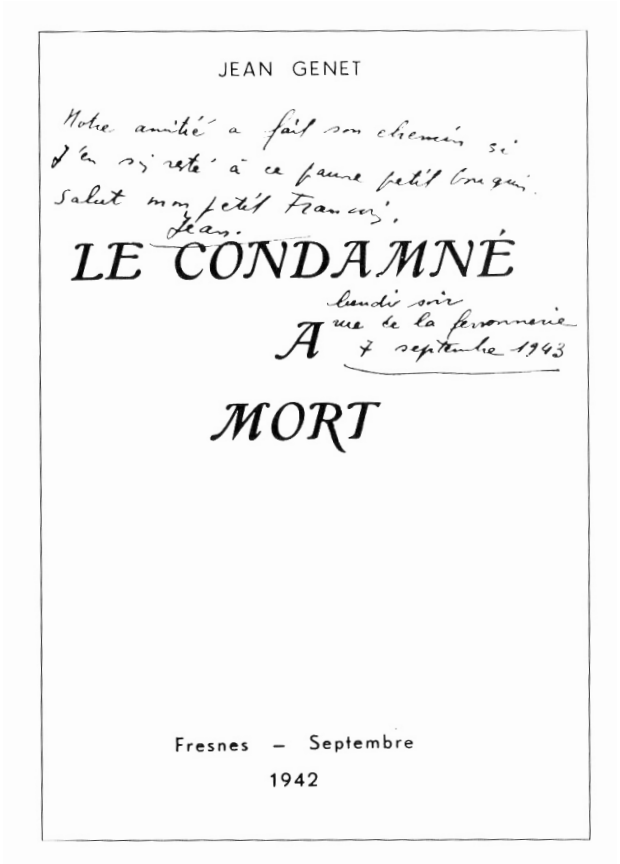
* *Леон Доде.* Настоящий Париж – левый берег. 1929.

В ту пору в Ренне жил столяр по имени Пилорж, который, по случаю, изготавливал гробы. Убийце Пилоржу плотник Пилорж не понадобился: семья не затребовала его тело, и оно было передано в анатомичку медицинского факультета. В течение нескольких лет студенты смотрели на прекрасную голову Пилоржа, плавающую с открытыми глазами в формали-

не. Известно ли было Жене об этой реликвии? Приходил ли он полюбоваться на нее?

> Ответь, Пилорж! Невнятным языком
> Заговори со мной стихом иль прозой.
> И каждой буквой, каждым лепестком
> Войдет в мои молитвы слово «Роза».
>
> *Жан Жене,* «Траурный марш»

Известно только, что этот поэт умер около полувека спустя, обнимая свои книги. Это дети, которые он оставил нам, чтобы мы их любили.



JEAN GENET

Notre amitié a fait son chemin si
j'en suis resté à ce pauvre petit bouquin.
Salut mon petit François.
Jean.

LE CONDAMNÉ

A

lundi soir
rue de la ferronnerie
7 septembre 1943

MORT

Fresnes — Septembre
1942

Титульный лист первого издания «Смертника» с посвящением Франсуа Сентену

180 Поэму «Смертник» Жене завершает следующими словами:

> Я посвятил эту поэму памяти моего друга Мориса Пилоржа, чье тело и ослепительное лицо не дают мне покоя бессонными ночами. Мысленно я прожил с ним те последние сорок дней, что он провел в наручниках и кандалах в камере смертников тюрьмы Сен-Брие. В газетах об этом не сообщается ничего. Зато в них полно идиотских статеек о том, что его смерть совпала со вступлением в должность нового палача Дефурно. Рассказывая о поведении Мориса перед смертью, газета «Эвр» писала: «Мальчик достоин был лучшей участи». Этой фразой ему было нанесено оскорбление. Что касается меня, который знал его и любил, я считаю и смею настаивать на этом – хотя и не желаю навязывать своего мнения – что он с его великодушием, какое встретишь не часто, был достоин именно такой – и никакой иной – смерти. Каждое утро, когда я, заручившись поддержкой одного надзирателя, также очарованного его красотой, юностью

и агонией, достойной Аполлона, направлялся из собственной камеры в камеру Пилоржа, чтобы отнести несколько сигарет, он приветствовал меня улыбкой: «Привет, Жанно-Ранняя-Пташка!». У него, уроженца Пюи-де-Дом, был едва заметный овернский акцент. Присяжные, чувствуя себя униженными при виде подобной красоты, тупоголовые и в то же время горделивые от сознания собственной значимости в роли вершащих судьбы парок, приговорили его к двадцати годам каторжных работ за ограбление соседней виллы, а назавтра за убийство любовника Эскудеро из-за какой-то тысячи франков эти же самые присяжные приговорили моего друга Мориса Пилоржа в отсечению головы. Он был казнен в Сен-Брие 17 марта 1939 года*.

Чуть позже солдат Морис Пилорж убил своего любовника Эскудеро и украл у него около тысячи франков, а потом в день его двадцатилетия ему отрубили голову, и во время казни, вы

* Оригинальный текст послесловия к «Смертнику» Жана Жене, тюрьма Френ, сентябрь 1942. В последующих изданиях «сообщается» заменено на «говорится», текст разбит на три параграфа, но в нем не исправлено ни одной ошибки и неточности, так что читатель получил его в практически готовом виде. Во втором томе Полного собрания сочинений (1951) указано, что Пилорж был казнен в Сен-Брие (с. 220, посвящение в «Смертнику»), но на с. 315 (отрывок из «Чуда о розе» – в Ренне. А насмешка Пилоржа над палачом в первых строках «Богоматери цветов» – это насмешка Жене над читателями.

ведь помните, он насмехался над своим взбешенным палачом.

Жан Жене, «Богоматерь цветов»

В этом тексте все настолько неправильно и неточно – кроме, разве что, «безукоризненного стиля», так поразившего Кокто – что можно подумать, будто это сделано специально. Таким образом, Жене наивно пытался дать понять тем, кто придет его вскрывать и препарировать, что не нуждается в этой аутопсии. Приведенная выше попытка исследовать судьбу Пилоржа несомненно вызвала бы у него лишь раздражение. И не своими неточностями или ошибками, и даже не пристрастием к реалистичности, а самим предметом разговора. Пилорж – как Жене говорил о Булькене – жил и умер только лишь для того, чтобы он мог писать свои стихи и книги, и абсолютно неуместно анализировать эту жизнь и эту смерть вне его произведений. В этом пространстве тюрьмы, где главной является ограда, ключи нужны не для того, чтобы открывать двери, а для того, чтобы затыкать замочные скважины, скрывая то, что происходит внутри. И ключи эти действуют наоборот: в то время как прочие романисты дают (тем более, что они не совсем и романисты) выдуманные ими имена реально существующим моделям, Жене выдает героям своей мифологии документы персонажей собственной истории… «Наоборот» в том смысле, что он

принуждает войти в свои инфернальные небеса тех, кто заслуживает неба божественного: возможно, это Пилорж, Декарнен. Но Пилоржа мы вынуждены у него забрать.

Когда он пишет, что Пилорж умер в Сен-Брие, где в действительности Дефурно обезглавил убийцу девятилетней Терезу Руо, возможно, он, таким образом, приукрасил, подобно древним жизнеописателям святых, славу Пилоржа, обогатив ее новой черточкой, присущей какому-нибудь детоубийце, слишком безвестному, чтобы заслуживать, подобно Менесклу, Леметру, Вашеру, Солейлану и Сокле, отдельного упоминания. Но в самом ли деле они познали божественное одиночество, или их возвысило почитание Жене? Вашер был безумен. Менесклу не был Вейдманном – который, впрочем, умер как Пилорж и Буле. Сутулый, в свои двадцать лет покрытый морщинами и коростой, он был, ко всему прочему, еще и глух, и ему пришлось прокричать прямо в ухо смертный приговор, и он только увидел – но не услышал – как публика зааплодировала. Но Жене:

Прекрасное дитя, вот мы с тобой вдвоем,
Склонись мне на постель…

Гроздь сирени Менесклу украсило ухо Аркамона в Меттрэ.

Ровно в полдень на приземистой вислозадой кляче, неуклюжей, с мохнатыми ногами, с еще не снятой упряжью, сидя в седле бо-

ком, свесив ноги влево, Аркамон, возвращаясь с пахоты или извоза, пересек Большой Двор, и за ухом, придавая его взгляду дерзость и решительность, почти закрывая левый глаз лиловым дрожащим бельмом, висели две огромные грозди сирени.

Жан Жене, «Чудо о розе»

Такими были Цветы, которые, по его выражению, «со времен Колонии стали для меня инфернальными аксессуарами».

Жене не настолько хорошо знал историю этих идеальных преступников и их самих, а возможно, не слишком и интересовался. Он гораздо лучше был знаком с сюрреалистом Жаком Ваше (Vaché), чем с Жозефом Ваше (Vacher), которого в прессе прозвали «потрошителем пастушек – точно такая же история с Сокле (Soclet) из «Чуда о розе», (а не Soclay) (издание 1949 года). Если он внес исправления в последующие издания, так это для того, чтобы сообщить, что Стокле (Stoklay) явился ему в Меттрэ (то есть, до марта 1929 года) – «носителем имени, напомнившем ему имя Сокле (Soclay), убийцы маленькой девочки Мареско», а это преступление произойдет только в 1935. Франсуа Мориак только что опубликовал «Черных ангелов», один из худших своих романов, который словно является пародией на него самого, вплоть до названия, которое взяли на вооружение журналисты (как и прокурор в своей обвинительной речи), чтобы писать о процес-

се Сокле. Габриэль Сокле не был преступным черным ангелом – во всяком случае, не больше, чем Менесклу, Лемэтр, Солейлан (персонажи, выдуманные Жене), чем Клеман, похититель маленькой Мальмежак, или Булей, казненный в Сен-Брие за год до того, как в Ренне казнили Пилоржа: их дела прошли слишком незаметно, чтобы Жене их упомянул. Молодой человек из приличной семьи, преждевременно облысевший (отсюда баскский берет, приклеившийся, словно парик, к его голове), убийца Николь Мареско четырех с половиной лет, упрямо твердил о своей невиновности, называя себя «самым хорошим мальчиком» тем же грубым голосом, каким отчитывал своих «мальчиков», как называли скаутов во времена, когда он к таковым принадлежал. Он не мог противиться своей склонности, которая влекла его к маленьким девочкам, а под мужской рубашкой на нем была женская блузка с увеличенными при помощи специальных валиков грудями*. А внизу – кривые ноги под длинными кальсонами! Анж Солей (1934) не был негром, он был мулатом, бывший унтер-офицер, сверхсрочник, впрочем, тип довольно бесцветный и невыразительный. Поссорившись со своей первой женщиной (в те времена, когда еще имел с ними дело), он разбил ей голову

* Пилорж, Джава, Сокле с мужественными чертами лица, за которыми скрывается мутная трясина, есть такие области в тропиках, которые именуются «зыбкими саваннами» («Дневник вора»).

ударом бутылки. Потом положил тело, разрезанное на восемь частей, в большой чемодан, который вместо скамеечки стоял в его комнате у стены, предварительно проделав в нем отверстия, чтобы выходили газы, эту историю рассказывали во всех лавочках квартала. Это преступление привело его на каторгу в Кайенну, а не на гильотину, как говорилось в «Богоматери цветов»… Все эти подробности Же-

не мог знать или догадываться о них, но они вспоминались ему, только если были важны для его «поэтики преступлений».

Для избранных своего ада эта поэтика трепетно подбирала любой знак, любую черточку, помогающую ей создать святого. Автор «Золотой легенды*» непременно позвал бы такого «хвалителя» в свою мастерскую, а вот болландистов† бы от него тошнило. Он черпал свою Истину в колодце, который сам же и отравил.

> Морис Пилорж с лицом таким ясным [улыбающимся], утренним, по-деревенски грубоватым, был насквозь фальшив. Он лгал. Он лгал мне и, улыбаясь, предавал друзей. Я любил его. Когда я узнал о том, что он убил Эскудеро, то был на мгновение опьянен, чужая трагедия приблизилась ко мне настолько, что кос-

---

* «Золотая легенда» сборник житий святых XIII века. – *Прим. пер.*

† Болландисты – общество ученых-иезуитов, занимающихся собиранием и изданием «Житий святых» (по имени одного из основателей Ж. Болланда). – *Прим. пер.*

нулась меня, вошла в мою жизнь, потрясла, показалась такой же важной и значительной <…> как осознание самой жизни, но я посвятил ему этот культ, который исповедовал еще восемь лет после его казни. Все это время, прошедшее от убийства до его смерти, Пилорж сделался больше меня самого. Размышляя о его обезглавленной жизни, гниющем теле, когда я мог произнести «бедняга», я так его любил. И я смирился с тем, что он стал для меня не то чтобы примером [поддержкой], но чем-то вроде спутника, чтобы [помочь мне] пройти путь до неба, где я надеюсь соединиться с ним. (Я не пишу: соединиться вновь.)*

Жан Жене, «Дневник вора»

Эти последние слова могут означать, что он никогда не встречал Пилоржа. Как путь последнего соприкасался с путем его палача, так и Жене почти с самого своего детства соприкасался с убийцей, чья кровь оросила его гений, придав ему силу.

И вот истина: я думаю, что пишу лишь для того, чтобы вновь обрести Пилоржа, который, наряду с колонией Меттрэ, – единственное существо, наложившее глубокий отпечаток на мою жизнь.

Письмо Жана Жене Франсуа Сантену
3 июля 1943 года

* В квадратных скобках приводятся варианты разных изданий.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Жак Превер

Охота на ребенка

Марианне Освальд

Бандит! Хулиган! Мерзавец! Урод!
Над островом птицы щебечут звонко
Вокруг вода камыши и осот
Бандит! Хулиган! Мерзавец! Урод!
Свора благопристойных господ
Травит испуганного ребенка[*]
Он говорит достал меня ваш приют

---

* Жан-Поль Сартр поставил эти три строки – которые, впрочем, никак нельзя ассоциировать с детством самого Жене – в качестве эпиграфа к своей книге «Святой Жене, комедиант и мученик» (1952). Исследование Альбера Диши достаточно убедительно показывает, что Жене-ребенку не нужно было протестовать против обвинений и осуждений общества, он сам их провоцировал, отвечая на эти обвинения доступным ему способом. Превер постарался отказаться от пунктуации (кроме восклицательных знаков) в своем тексте, который, впрочем, по своему синтаксису кажется вполне школярским, при этом каждый сегмент высказывания начинается с новой строки, словно в молитвах, которых детей заставляют читать хором перед алтарем – но в данном случае это нужно для того, чтобы напомнить, что перед нами стихотворение, а это, и вправду, порой забывается. Если же говорить о самой поэзии, то тема детской преступности настоятельно требовала своего Жене.

А они с размаху в лицо его бьют
Потом бросают лежать у ворот
Бандит! Хулиган! Мерзавец! Урод!
Но взломав железную дверь
Он сбежал и петлял как зверь
И бежала за ним орава
Скорая на расправу
Проклиная неслись вдогонку
 Жандармы туристы рантье артисты
Бандит! Хулиган! Мерзавец! Урод!
Свора благопристойных господ
Травит испуганного ребенка
Чтобы охотиться на детей
Не надо лицензии от властей
Кто там бежит в ночи
Кто это там кричит
Свора благопристойных мужчин
Надо его проучить
Осторожнее не споткнись
В мальчишку не промахнись
Бандит! Хулиган! Мерзавец! Урод!
Остановились мрачнее тучи
Горе-охотники без добычи
Не догнали упустили ребенка
Бандит! Хулиган! Мерзавец! Урод!
А ты будешь плыть пока не достигнешь материка
Над островом птицы щебечут звонко
Вокруг вода камыши и осот.

«Слова», 1949

II

Пьер Сувестр и Марсель Аллен

Ночной фиакр

Жером Фандор вспрыгнул на задние рессо- 193
ры кареты. <…> Старый экипаж, зловещий фиакр <…> внезапно набрал скорость. Фандор с трудом мог удержаться на рессорах. <…> А кучер, – думал Фандор, который время от времени, когда карета слегка замедляла ход, приподнимался на цыпочки и наклонялся вперед, стараясь разглядеть возницу, – почему он даже не повернул головы, когда услышал, что я вскочил в карету, а ведь он услышал, черт побери! Фандор содрогнулся. Экипаж несся во весь опор, спускаясь к виадуку квартала Пуэн-дю-Жур.

И Фандору внезапно вспомнились давние парижские легенды о ночном фиакре, незаметной погребальной карете, которая перевозит к Сене трупы убийц.

……

В фиакре сидел Фантомас; именно он направлял его к пустырю, где мог без опасения замедлить ход. <…> Фандор постарался отбежать от этого места как можно дальше. Сена текла в сотне метрах от него. Он стал поднимать-

ся к виадуку, надеясь, что где-то возле авеню Версаль ему удастся поймать такси.

В сущности, все элементарно. Кучер на облучке, мертвый кучер, держит в руках фальшивые вожжи, а по-настоящему правит человек, который сидит в карете, у него вожжи настоящие, вот они, проходят через перегородку в два отверстия под сиденьем, так что можно

править лошадью изнутри кареты, и никто ни о чем не подозревает. Но как живой возница, невидимый внутри экипажа, смог выйти и исчезнуть?

Да элементарно! Как же я сам не догадался?.. Фандор почувствовал, что коврик уходит у него из-под ног. Настил в экипаже был фальшивым, коврик держался на рессорах, а не на полу, пола просто не было.

Он ускользнул у меня из-под носа, – подумал Фандор, – вернее, из-под ног. Сомнений не оставалось. <…> Это Фантомас!

Фантомас IX, 19.

III

Франсуа Сантен

Ограбление

В том же самом письме о писателе, к которому он в скором времени будет относиться с презрением, Жене писал: «*Только что прочел восхитительную брошюрку Монтерлана: «Самообладание», там в самом конце чудесное письмо отца сыну. Я прежде не знал Монтерлана. Его положение довольно сложное. Он с самого начала встал в эдакую героическую позу и стоит до конца. Не сдаваясь. Снимаю шляпу*».

В этой самой камере 5/32-«бис», на коленках, на краю койки, он набрасывал продолжение «Чуда о розе»: «*И лишь много времени спустя, пройдя все этапы и стадии, я окончательно решил стать вором, жить сначала просто воровством, затем грабежом и, наконец, кражами со взломом. Дело продвигалось медленно, да я и не торопился. Я пришел к воровству, как приходят к освобождению, к свету. Я освобождался от оков проституции и нищенства, они казались мне еще отвратительнее по мере того, как ореол вора становился все ярче. В тридцать лет я переживаю свою юность, но юность эта стара и дряхла*».

Он продолжал: «*Красота этих парней* [пенитенциарная колония существовала в тени – словно под покровительством – Централа с его преступниками] *является мне сегодня, ибо нельзя сказать, чтобы они мечтали зарабатывать на жизнь преступным промыслом – мечты их были лишены корысти – они мечтали о жизни, которая позволила бы им*

существовать за пределами мира, впрочем, они уже существовали за его пределами, с самого своего рождения, так было им определено судьбой. Но их чистые помыслы с годами оказывались замараны, и чтобы растолковать реакцию Булькена – его стошнило прямо на деньги – я не намерен прибегать к обстоятельному анализу. Это очевидное проявление его презрения к деньгам многое объясняет. Эта болезнь казалась довольно странной, он один только и мог себе ее позволить, а то, что извергалось из его рта, слизь и сгустки желчи, свидетельства его опьянения, было неслыханно прекрасно! Приступы тошноты и икоты, выражение его лица, словно он вот-вот умрет, были допустимы лишь у него одного; каким же сильным он был, если мог решиться на подобный недуг. Именно благодаря ему я осознал красоту воровства, особенно кражи со взломом. По мере того, как он говорил со мной, я начинал понемногу его понимать. Все безумие и глупость подобных действий исчезали, и я видел лишь то главное, что они означают: отвагу, но в этой отваге бы-

ла еще и радость оттого, что делалось нечто недозволенное».

Этот последний пассаж существует лишь в первоиздании (1946 года) «Чуда о розе». Он мог бы оправдать насмешливую кличку «Корнель», ею одарили Жене эти юнцы, которые открыли его для себя (потому что тот учил одного из них, как украсть «Полное собрание пьес» этого автора, а еще им долго будет казаться, будто в самом образе жизни, словно подавляющем чужую волю, манерах и мыслях этого вора есть что-то от поэта). Он не был лишен своего рода нравственности, его характер был и уступчивым, и неистовым, как у автора «Самообладания». Из-за этого еще яснее проявлялось душевное смятение, которым поражен мозг, как грозовым разрядом. За несколько дней до этого, 19 июня, сочинитель «Чуда о розе» написал своему Францу*: «*Этим утром на лестнице, на ее каменном изгибе, я оказался нос-к-носу с Нотр-Дам-Де-Флёр. Я оперся о стену, и она, расступившись, поглотила меня. А он прошел, волоча за собой двадцатиметровый атласный алый шлейф. У него на груди пламенел, высыхая, орел* (*татуировка*). *Вскоре от него корочками будет отпадать сукровица. Этот герб останется с ним навечно*»†.

---

* Франсуа Сантену.

† См. «Чудо о розе», где говорится об иерархии татуировок – «рыцарство… благородство», – где Орел стоит на самой высокой ступени: «Теперь думаю, понятно мое волнение, когда я, как мне показа-

А это описание Люсьена Нотте, он же Ги: «*Двадцать два года. Прекрасен, как только тебе может подсказать воображение. Он пять лет провел в Меттрэ, попав туда через год после моего ухода. Я – увы – вижу его очень редко, но те минуты, что я провожу с ним, дарят мне утешение*» (письмо от 17 июля 1943). – «*Я все больше без ума от Ги, он все восхитительней, а у меня нет для него табака. Постарайся повидаться с теми, кто мог бы мне его достать. А я взамен дам им, только для них, небольшое стихотворение. Скажи Жану Декарнену, чтобы он положил для меня четыре пачки сигарет на следующей неделе. Уверяю тебя, Ги просто удивительный. Ты узнаешь его лучше. Я работаю ради него. И о нем я буду петь*» (21 июля 1943). – «*Он такой милый, малыш Антуан Блонден. Скажи ему, чтобы написал мне. Я буду рад. Я очень его люблю, но, конечно, не так, как Ги. О Ги! Это становится просто ужасным*» (27 июля 1943).

Любовное блаженство невозможно, если объект любви лишен хоть каких-либо добродетелей. Поэтому излишне сентиментальное и даже наивное описание этого вора вполне понятно. Именно он, как мне представляется, для такого мастера пера, каким был Же-

---

лось вначале, увидел на груди Булькена изображение Орла. Я не знаю, тогда, на лестнице, во время прогулки, заметили ли другие (воры всех мастей, сутенеры, кто там еще) его красоту, признали ли они ее».

не, и являлся истинным мастером «пера» (так на воровском языке именовалась отмычка), более легким, чем его собственное, поскольку и то, и другое «перо» использовалось для того, чтобы вскрыть тайны жертвы. Как и любое нескромное действо, процесс взлома является акцией эротической. Так что в ночь накануне сражения, то есть в ту самую ночь, что предшествует каждому «походу на дело», воздержание представляется условием необходимым. Двери будут взломаны, шкафы вскрыты, шкатулки дефлорированы, а белье – объект фрустраций, мечтаний, страхов – ощупано и подвергнуто надругательству… Об этом он грезил, еще сидя за столиком в кафе. С пером в руке профессор станет воссоздавать акт, совершенный с помощью «пера». Он ставит себя на место объекта своего исследования – впрочем, вполне обычный прием – и говорит «я», чтобы сделаться ближе читателю. Это то самое «я», что веселило нас еще со времен уроков философии в лицее, возникающее при малейших потугах на глубокомыслие, и мы называли это «младенческий лепет философов». Оно служит для описания эмоций взломщика на странице 174 карманного издания «Дневника вора», которую мог бы подписать Сартр*.

* А также с. 176–177, где объясняется, что необходимо «заслужить» свое преступление, ибо оно возносит преступника «на пьедестал одиночества»: «Одиночество не дано мне изначально. Я должен его заслужить. Меня приводит к нему тяга к красоте. С его

Ведь Сартр не так давно вошел в его обиход, поскольку сам Жене вышел из той школы преступлений, каковой по сути является тюрьма, где, как мне представляется, живым воплощением понятия «ограбление» стал для него Ги, прижимающий к своему телу ломик, как Святой Лаврентий прижимался к железной решетке-жаровне. В этой учебной дисциплине, которая находит отражение лишь в первой фразе романа «Богоматерь цветов», он под влиянием своего младшего – на десять лет – собрата, черпает нечто, что могло бы стать великим началом: «*В тридцать лет я проживаю свою юность, но юность моя стара и дряхла*».

Обдуваемый спертым воздухом камеры, чей парниковый эффект, благоприятствующий обострению чувств, вызвал этого «Ги» из недр его личной, потаенной Гвианы, возможно, Жене и не был огорчен, осознав, что это слишком уж воодушевленное прославление взломщика не относится к лучшим образцам его творчества – засохший кончик его пера словно специально был заточен, чтобы прокалывать клопов, допьяна опившихся крови праведников. Итак, он вычеркнул эти строки, которые ставили ему преграды, направляя в хорошо знакомые места, слишком исхоженные и заурядные, между тем как его гордость выискивала

помощью я стремлюсь дать себе самому определение, очертить свои контуры, преодолеть смятение, привести себя в порядок».

пути отступления от норм, предательства – предательства, являющегося по сути своей потерей управления собой, и которое возможно лишь вне божественного и возвышенного, равно как и вне таинственной и чудесной низости. – «*Кодекс чести, свойственный ворам, – это казалось мне смешным*». – Арман: «*Когда ты поймешь, что наши подвиги можно сравнить с рыцарскими, – ты поймешь многое*». – «Я решительно отвергаю понятие благородства – оно слишком расплывчато – в пользу другого понятия: гармонии, это скрытая, почти невидимая красота». И вот еще цитата, которая отсылает нас к тому, что должно считаться общепринятой моралью: «*Когда мне доводилось встречать красивого мальчика, я дрожал при мысли о том, что, возможно, душа его была благородна, но я страдал от того, что душа ничтожная и презренная могла обитать в недостойном теле*».

Как бы то ни было, Жене не следовало ни ждать урока воровства от своего «Ги», ни рассказывать его наизусть, этот самый урок, под строгим взглядом Сартра; такой урок, равно как и вдохновение, подарившее ему «Смертника», он мог получить в ноябре 1938, его «с трагической улыбкой» давал на заседании суда тот самый Морис Пилорж, при том, что вездесущая пресса не ведала ничего о его ночных празднествах, ничего – даже о смерти палача и кровавом апофеозе раннего утра.

Мальчики, о которых я вам говорю, – исчезают, испарившись в воздухе. От них остается лишь то, что остается от меня: я – это они, но сами они ничто, потому что живут только во мне.

Не столь важно, чтобы я умел воровать для своей земной выгоды: я добивался того, чтобы у меня было сознание вора, которое и лежит в основе стихов.

Жан Жене, «Дневник вора»

IV

Франсуа Сантен
Приговоренный к жизни*

Известно, что группой депутатов был представлен проект закона, отменяющего смертную казнь. В интервью одному ежедневному изданию некий представитель христианских демократов из Морбиана заявил, что лично он является сторонником этой меры наказания, признав при этом, что возможность судебной ошибки является главным аргументом аболиционистов – между тем, когда речь заходит о смертной казни, подобная возможность не является единственной причиной необходимости отмены данного вида наказания.

Явив себя, таким образом, в выигрышном свете, он обосновывает свою точку зрения: «Представьте себе, преступник собирается нанести удар. И тут он вспоминает, что читал

---

* Под этим заголовком 15 августа 1966 года газета «Комба» опубликовала эту статью, которая, как мне кажется, вполне соответствует суждениям, нашедшим отражение в данном эссе. И та идея, которая здесь рассматривается, отнюдь не является парадоксом. (Вы найдете ее даже у Альбера Камю!) Сегодня она кажется почти затасканной, по крайней мере, в своей первоначальной простоте. А в ту пору выглядела довольно свежо.

о казни убийцы…» И вот этим вечером вы возвращаетесь домой целым и невредимым, даже не подозревая о том, что своей жизнью обязаны наличию смертной казни.

Некая дама из судейских, интервью с которой я слушал, сидя за столиком в бистро, рассуждала точно так же. Ее нежное женское сердце страдало при мысли о гильотине,

но она готова была пострадать, если только такой ценой невинных людей можно защитить от преступников.

Наивность умиляет меня в устах профессоров, но она беспокоит меня у политиков и ужасает у судей. Мне страшно, когда два представителя народа – один, призванный устанавливать законы, и другой применять их – считают неуязвимым подобное рассуждение: я объясню потенциальному убийце, что его преступление повлечет казнь; поскольку он не хочет собственной смерти, то откажется от совершения преступления.

Подобный ход мысли предполагает, что человек вообще и человек, способный на убийство, в частности, боится собственной погибели. Совсем не обязательно оказаться человеком неуравновешенным, достаточно быть слегка не от мира сего, чтобы в тяге к пустоте, соблазне падения или самоуничтожения познать некую двойственную муку, когда самое абстрактное, что есть в нашей плоти, сближается с самым конкретным, что есть в нашей душе. Хорошо, что это окошко в глубины нашей сути,

нашей природы смертные затыкают обычно тем, что именуется «счастьем» или «долгом». Некоторые эту смутную ненависть к себе превращают в любовь к другому. Но есть и такие, кто продолжают себя ненавидеть в другом. Это преступники.

Вне всякого сомнения, их преступление – робкая, подспудная попытка саморазрушения. К гильотине, которой вы им угрожаете, они не стремятся, они не решаются претендовать на нее. Но они воспевают ее в своих тюрьмах. Та судейская дама и депутат, облеченные ответственностью перед обществом, которое сами и представляют, наверняка получше меня знакомы с этой тюремной литературой, когда тюремная клетка, глядящая окнами на смерть, представляется торжественной капеллой, где сбывается тайное стремление биологической клетки, давшей жизнь: эшафот возвышается, как апофеоз, а гильотина кажется вспышкой – она и вертикаль, и горизонталь, она супруга всех холостяков с незапамятных времен, и она же их вдова на веки вечные… И вы полагаете, будто сможете заставить отступить этих трусов, пообещав, что однажды прекрасным утром бросите их – против их собственной воли – в объятия суженой, о которой они сами не смели и мечтать!

Если все же у человека не наблюдается хоть какого-либо расстройства психики, чтобы это почувствовать, достаточно немного воображения. Впрочем, стоит ли ожидать воображения

у депутата или судьи? Как бы то ни было, конкурс на судейскую должность предполагает наличие среднего образования, а некоторые из них – немногие – закончили и гуманитарные учебные заведения.

Но, похоже, все образования оказались ни к чему, раз этим представителям нашего общества, получившим степень бакалавра, мне приходится объяснять истины, понятные школьнику. От греческой трагедии до психоанализа, от святого Августина до Жене, Лютер и Боссюэ, По и Бодлер, Расин и Достоевский, Клейст и Кьеркегор… – наши уроки, наше образование – чтобы не употреблять выражение «гуманитарные науки» – созданы, чтобы объяснить наименее чувствительным из нас, что человек есть ходячий парадокс, и его невозможно остановить, показав ему его собственную погибель.

Если господа присяжные заседатели могут привести в свое оправдание только школьный аттестат, тем лучше они разбираются в газетных хрониках происшествий. Так вот, среди множества преступников один из последних их, вероятно, просветил: этот «душегуб», который мог бы безмятежно жить, совершив злодеяние; но те сонные артерии, биение которых он, по его же собственным словам, чувствовал на своих пальцах, были, прежде всего, артериями того маленького мальчика, каким он был когда-то и кого ему надо было задушить: и он успокоился лишь тогда, когда страдания

и нужда странствующего актеришки и писаки привели его на скамью подсудимых. Суд, словно почуяв эту отчаянную нотку, этот штришок в его преступлениях, отказал ему в праве на стальное лезвие, перед которым, не сомневаюсь, трепетала бы плоть его плоти, но к которому оказалась устремлена душа этой самой плоти.

Наконец, если бы депутаты, судьи и присяжные были бы непроходимо тупы, статистка – за неимением сновидений, впечатлений от чтения или простого любопытства – тут же опустила бы их на землю, напомнив, что такое бесчеловечное наказание, каковой является смертная казнь, может отвратить от преступления лишь тех, кто изначально на него не способен, но обладает тайной притягательностью для того, кто смутно стремится придать несчастью некое совершенство. А он не будет так глуп – я повторяю: глуп – и в тот момент, когда наносит удар, увидит нож, который поразит его самого.

…Как если бы между убийцей и его палачом существовал некий тайный сговор.

V

Жан Жене

Смертник

Морису Пилоржу,
двадцатилетнему убийце.

Как шар сухой травы по плитам мостовой,
По пыльному двору катает сердце ветер.
И мрамор оплела лазурь, как будто ветка,
В ночи открылась дверь – мой дом, спаситель мой.

И привкус табака, и мертвый соловей,
Испуганный зрачок, искривленные губы,
И сжавшийся кулак грозил небесной глыбе,
И вот твое лицо лежит в руке моей.

Мне кажется, оно картонной легче маски
И тяжелее, чем в руках ростовщика
Ворованный бриллиант. В слезах твоя щека,
И ветка надо лбом, словно плюмаж на каске.

Ты – греческий пастух. Суровые черты
Трепещут в глубине твоих ладоней жадных.
Твой нос – как птичий клюв с мазками крови ржавой,
Твой рот – могильный холм, твои глаза – цветы.

Зловещей чистоты алмазная игра.
Кто волосы твои запорошил звездами,
Кто увенчал твой лоб терновыми шипами,
Каких эпилепсий ты мученик и раб?

Скажи, что за беда твой взгляд заволокла
Отчаяньем таким, что выше не бывало,
И боль скривила рот, как вдовье покрывало,
Накинутое на лицо и зеркала.

Не надо нынче петь о лунном короле,
Стань, мальчик золотой, принцессою прекрасной,
Мечтающей в ночи о поцелуе страстном.
Нет, лучше юнгой стань на быстром корабле.

На мостик корабля ты вечером взойдешь
И тихо запоешь Ave Maria stella,
Под взглядом матросни пленительное тело
Заставит трепетать пронзительная дрожь.

Войти в тебя… гляди, как жезл поднялся.
На палубе гурьбой стоят матросы ваши,
Держа кулак в штанах и голову задравши,
Любуясь, как вонзен рангоут в небеса.

Откуда ты метешь, о королевский отпрыск,
Снег на листы страниц в твоей немой тюрьме?
Нет, ты не человек, ты торжество, ты отблеск,
Петух, поющий смерть! Фантом, живущий вне!

На войлочных ногах охранник, как гиена,
Подкрадется в ночи, нам преграждая путь.
А где-то говорят, есть жаркая Гвиана
Будь проклята она. Благословенна будь.

О нежность кандалов, ласкающих до дрожи!
О небо над тюрьмой, о милость палачей,
Прозрачность ранних утр, безумие ночей,
Обритая башка, тепло атласной кожи.

Давай мечтать о нем, плечах его литых,
Огромном, словно мир, жестоком и неверном.
Он, обнаженных нас, замкнет в своих тавернах,
На жарком животе меж бедер золотых.

Пленительный самец, как статуя, сложенный,
Чье семя окропит гвоздику и левкой,
Вот он твою ладонь берет своей рукой
И на бедро кладет, и ждет, завороженный.

Вкус грусти на губах! И терпкая печаль,
Растущая во мне, бессильная, как ярость!
Прощайте навсегда, возлюбленные ядра!
Мой дерзкий, мой хмельной, мой злой, и ты – прощай.

Не надо, мальчик, петь. Оставьте свой задор,
Ты в деву превратись, послушайся, не мешкай,
Или ребенком стань, давно во мне умершем,
Меня еще тогда не разрубил топор.

Прекрасное дитя, вот мы с тобой вдвоем,
Склонись мне на постель, возьми его губами,
Впусти в себя, и он горячими толчками
Тебе расскажет о возлюбленном твоем.

Вот он поет о том, что больше никогда
Наездник молодой тебя не одолеет.
О мне б твое лицо, и круглые колени,
И шею нежную, о мне б твои года!

Украсть твою лазурь в зловещих пятнах крови,
Как воинство на смотр, я б смерти все собрал
И собственную смерть, как статую, ваял,
Чтоб это был шедевр на пьедестале-троне.

Торжественный рассвет, ром, сигаретный дым,
Табачный ореол, тюремщики шеренгой
Царят в моей тюрьме. Здесь царствует один
Тот арестант-фантом с набухшею ширинкой.

Мелодия живет на сумрачной земле,
Как сутенера крик, протяжный, потрясенный,
Как каторжника вой, отчаянно-влюбленный,
Как висельника рев, взлетевшего в петле.

Так спят в шестнадцать лет и молятся во сне
Спасительной ладье, спасательному кругу,
Но ни один матрос им не протянет руку.
А рядом с ним другой спит, прислонясь к стене.

Ты видишь тех рантьерш? Послушай-ка, остынь
Притворщик-лицедей, и, усмехнувшись горько,
Ты просто подойдешь и перережешь горло
Какой-нибудь из тех зажравшихся гусынь.

А как сойдет с небес железный всадник хмурый,
Невозмутим, как бог, чуть различим во мгле,
И оказавшись с ним на выжженной земле,
Ты только не дрожи перед его прищуром.

Гранитная скала на шерстяном ковре,
Кулак прижат к бедру, вы слышите, идет он,
Его безгрешная плоть, и взгляд его наметан,
Он выберет тебя, как принято в игре.

Достанется ему прекраснейший юнец.
Как робок ты еще, неловкий недотрога.
Но успокой свой страх, уйми свою тревогу,
И в рот возьми его, как мальчик – леденец.

Впусти, как в темный храм, вглубь горла твоего
Мой воспаленный жезл, не дай ему пощады,
Покусывай, целуй, возьми его за щеку,
Глотай, и извергай, и отвергай его!

Чуть отстранясь, взгляни, я все тебе отдам,
Он, устремясь вперед, твою пронзает душу,

Увидев, как он тверд, прекрасен и послушен,
Ты, низко поклонясь, скажи ему: «Мадам!»

Послушайте, Мадам! Здесь невозможно боле!
Здесь призраки живут! Тюрьма-фантом парит!
На помощь, мы летим! Ты всех нас забери
В небесный твой чертог, благодаренье Богу!

Ты солнце позови, пускай укажет путь.
Всех петухов – под нож! Всех палачей – в колодцы!
За прутьями тюрьмы день злобно усмехнется:
Тюрьма – чтоб умереть. Запомнил? Не забудь.

Нет у меня брони. И ненависти тоже.
Стою незащищен, одетый в легкий плащ,
А над воротничком – полоска белой кожи,
Чтоб именно сюда поцеловал палач.

О солнце надо мной! Испанской ночи тяжесть!
Войди в мои глаза – они умрут с зарей.
Войди в мою тюрьму и дверь мою открой
И уведи меня скитаться и бродяжить.

Проснутся небеса и травы поутру,
И птицы запоют, и лепестки прогнутся,
И черные луга росою захлебнутся,
И колокол пробьет. Лишь я один умру.

Приди ко мне сюда и в полночь разбуди,
Здесь обитаю я, приговоренный к смерти,
Что хочешь вытворяй: ругай, кусайся, смейся,
Терзай зубами плоть… Но только лишь приди.

Здесь есть еще пока немного сигарет,
Здесь есть еще о чем нам говорить и плакать.
Зачем же, трибунал, ты отдаешь на плаху,
Убийцу, красотой затмившего рассвет.

Любовь, приди ко мне, ты проскользнешь по-лисьи,
Минуя коридор и лестничный пролет,
Изящней, чем пастух и легче, чем полет
Подхваченных огнем осенних желтых листьев.

Сквозь стены проберись, охрану разбуди,
Взметнись по проводам, спустись по водостоку,
Молись и матерись, отдайся злу и року,
Хотя б за полчаса до смерти, но приди.

А в камере моей, открытой пенью сосен,
Под колыбельную медлительной реки
Качаются у стен пустые гамаки,
Их некогда сплели усталые матросы.

Развей же этот бред, мой утешитель ад,
Где, к радости моей, прекрасные драгуны
Достали из штанов тяжелые бутоны,
И сокрушил меня их душный аромат.

Кто нацарапал здесь пленительную розу,
На гипсовой стене наш сокровенный знак,
Кто в камере упал на сгнивший мой тюфяк,
И, утром пробудясь, меня не вспомнил сразу?

Придумай страшный жест, чем хуже, тем верней,
Кради детей, калечь, скрывайся от полиций,
Уродуй красоту и деформируй лица,
В Гвиану отправляй на каторгу парней.

О старый Марони, о нежная Кайенна,
Склоненные тела взволнованной братвы,

Он чей-то подобрал окурок из травы
И курит не спеша, чуть подогнув колено.

Средь сосен молодых, что устремились ввысь,
Средь папоротников посередине круга,
Он знает: возведут в священный сан супруга,
И терпеливо ждет, на локти опершись.

И старые коты спешат увидеть снова
Тот ритуал. И член ладонями обняв,
Хоть капельку росы, хоть искорку огня
Пытаются добыть из прутика сухого.

А паханы в кругу стоят, склонившись ниц,
Как перед алтарем. Не слышны разговоры,
Умолкли голоса и затихают споры,
И к небу поднялись окружья ягодиц.

Весь в жестах кружевных, как в платье подвенечном…
И опершись плечом на сломанную ветвь,
Ты куришь. И летит дымок белесый вверх
А каторжники все, как в танце бесконечном,

Вальсируя в траве, придут, чтобы забрать,
Отнять по-воровски у этих губ любимых
Сладчайшее кольцо взметнувшегося дыма,
Одно кольцо всего. О торжествуй, мой брат!

Стальное божество, невидимое, злое,
Стоишь, невозмутим и недвижим, пока
Поющая струна большого гамака
Не вознесет тебя, поднявши над землею.

И вот твоя душа с высоких гор глядит,
Поющая взахлеб, парящая, как в танце.
Здесь беглый арестант лежать в траве остался
Без мыслей о тебе и с пулею в груди.

Мой мальчик, воспари, и я с тобой сольюсь,
Мне важно, чтоб и здесь я оказался первым.
А на двоих один глоток тягучей спермы,
Чтоб оплодотворить супружеский союз.

Прижмись ко мне сильней, и я в тебя войду,
Дугою изогнись, и я лишусь рассудка
От счастья обнимать последнего ублюдка,
Какого только бог мог сотворить в бреду.

Мой мраморный солдат бросается в геенну.
Испепели меня! я к гибели готов!
Ну что же вы, смелей, вылазьте из прудов,
Болот и грязных луж, отравлены гниеньем.

Погубленные мной! Придите же за мной!
Измученный Давид, я жизнь тесал, как камень
Но красота, Господь, я ей служил – руками,
Плечами, животом и клеткою грудной.

В курятнике петух и жаворонок галльский,
Молочницы бидон и крона надо мной…
Все это ясный нимб над аспидной тюрьмой.
Еще квадрат окна и шум шагов по гальке.

Я вот он, господа! Когда придет конец,
И голова моя с твоей на плаху ляжет,
Пускай она потом подкатится поближе
К тебе, к твоим плечам, мой ангел, мой птенец.

Трагический король с изломанной улыбкой,
Впусти меня в твои зыбучие сады
Где ты дрочишь один, застывший у воды
И отражаясь в ней, зеленоватой, зыбкой.

В горячечном бреду, в неосторожном сне,
Я знаю, что любовь – всего лишь мальчик-призрак,
Что промелькнет в зрачке, как в замутненной призме,
Чей взгляд меня распял на каменной стене.

Не отвергай, когда звучит мотив святой
В языческом твоем цыганском сердце. Боже!
Я от тоски загнусь, коль не удастся больше
Прижать тебя к себе, накрыть тебя собой.

Прости меня, мой Бог, я прожил недостойно!
Но все же я страдал, и плакал, и тонул,
И с мукой покидал любимую страну,
Так может, хоть теперь, Господь мой, я спокойно
В твоих руках усну.

В чертогах ледяных, надежных, как броня,
В обители твоей в смятении великом
Не я ли, мой Отец, тебя восславил криком:
«Да будет вечно бог, что пестует меня!»
Гермес с нежнейшим ликом.

У смерти я прошу, чтоб подарила ночи
Спокойных долгих снов, беззвездный небосвод,
И колокольный звон, и больше ничего.
Вот разве что еще гирлянду ангелочков
На елку в Рождество.

Еще не завтра я взойду на гильотину,
И к темным небесам не завтра вознесусь.
А выше этажом мой Бог, мой Иисус
Не спит. Его ноги в подкованном ботинке
Я головой коснусь.

Спит мертвым сном тюрьма. И мы тревожно спим.
Спит рядом за стеной сосед мой-эпилептик.
А нашим морякам по бесконечной Лете
Не просыпаясь, плыть к Америкам другим.

Я посвятил эту поэму памяти моего друга Мориса Пилоржа, чье тело и ослепительное лицо не дают мне покоя бессонными ночами. Мысленно я прожил с ним те последние сорок дней, что он провел в наручниках и кандалах в камере смертников тюрьмы Сен-Брие. В газетах об этом не говорится ничего. Зато в них полно идиотских статеек о том, что его смерть совпала со вступлением в должность нового палача Дефурно. Рассказывая о поведении Мориса перед смертью, газета «Эвр» писала: «Мальчик достоин был лучшей участи».

Этой фразой ему было нанесено оскорбление. Что касается меня, который знал его и любил, я считаю и смею настаивать на этом – хотя и не желаю навязывать своего мнения – что он с его великодушием, какое встретишь не часто, был достоин именно такой – и никакой иной – смерти. Каждое утро, когда я, заручившись поддержкой одного надзирателя, также очарованного его красотой, юностью и агонией, достойной Аполлона, направлял-

ся из собственной камеры в камеру Пилоржа, чтобы отнести несколько сигарет, он приветствовал меня улыбкой: «Привет, Жанно-Ранняя-Пташка!»

У него, уроженца Пюи-де-Дом, был едва заметный овернский акцент. Присяжные, чувствуя себя униженными при виде подобной красоты, тупоголовые и в то же время горделивые от сознания собственной значимости в роли вершащих судьбы парок, приговорили его к двадцати годам каторжных работ за ограбление соседней виллы, а назавтра за убийство любовника Эскудеро из-за каких-то тысячи франков эти же самые присяжные приговорили моего друга Мориса Пилоржа к отсечению головы. Он был казнен в Сен-Брие 17 марта 1939 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Палач живет в квартале Пуэн-дю-Жур, 3

Жизнь приговоренного к смерти, 39

«Ночь вора в горсти стихотворенья…», 81

Узник башни, 135

Приложения, 189

Жак Превер, «Охота на ребенка», 191

Пьер Сувестр и Марсель Аллен, «Ночной фиакр», 193

Франсуа Сантен, «Ограбление», 195

Франсуа Сантен, «Приговоренный к жизни», 203

Жан Жене, «Смертник», 208

Издательства «Kolonna Publications» и «Митин Журнал» представляют

Марсель Жуандо
О моем падении

Книга Марселя Жуандо была опубликована за несколько месяцев до начала Второй мировой войны. Однако посвящена она внутренним сражениям – с соблазнами столь сильными, что перед ними невозможно устоять. Душа, в которой самые темные желания трутся боками, точно овцы в ночной глубине стойла, смиряется с неизбежностью греха и приказывает очертя голову броситься в неизведанное.

Габриэль Витткоп
Вечный альманах гарпий

Гарпии вездесущи и всегда настороже, так что нам от них не ускользнуть. Ключ к разгадке кроется в их имени – «похитительницы», «воровки». Они стары, как небо, и стары, как смерть. Гарпии – образ пожирающей Матери, космического существа, которое глотает и извергает в одном вечном двойном движении. Поэтому они родственны бородатым сиренам, богиням-змеям, изрыгающим большие реки, божествам хтонических глубин. Если вам снится, что вы едите печень гарпии, вы скоро умрете.

Издательства «Kolonna Publications» и «Митин Журнал» представляют

Джордж Сильвестр Вирек
Дом вампира

Первый американский декадент Джордж Сильвестр Вирек (1884–1962) впервые приходит к русскому читателю с романом «Дом вампира» (1907). В книгу включены записи разговоров Вирека с Адольфом Гитлером, Зигмундом Фрейдом, Магнусом Хиршфельдом, материалы о его отношениях с лордом Альфредом Дугласом и Алистером Кроули.

Джослин Брук
Знак обнаженного меча

Конец 1940-х годов. Европа ждет новой мировой войны. Рейнард Лэнгриш, скромный банковский клерк, втягивается в таинственную систему военных учений и против своей воли становится бойцом непонятно с кем сражающейся армии. Его однополчане носят знак обнаженного меча на предплечье. Но началась ли война или это темные иррациональные силы испытывают рассудок героя? Первое русское издание романа классика английской литературы Джослина Брука приурочено к столетию со дня рождения писателя.

Издательства «Kolonna Publications» и «Митин Журнал» представляют

Эркюлин Барбен

Воспоминания гермафродита

Судьба Эркюлин Барбен (1838–1868), мужчины, которого двадцать лет считали женщиной, – загадочна и драматична. Автобиографические заметки Барбен являются не только уникальным историческим свидетельством, но и в высшей степени захватывающим чтением. Во Франции они были подготовлены к печати знаменитым философом Мишелем Фуко для первой части задуманной им серии «Параллельные жизни».

Тони Дювер

Высланный

беспокойные руки твердые члены выпрямляются вонзаются брызжут семенем единственная плоть которой мы делимся жидкая и белая как фарфор тела перекручены растоптаны раздавлены вытянуты продырявлены черты лица высосаны зажаты в кулак искромсаны раскачаны как шатуны и раздрочены до такой степени что хуй распускается кровавым цветком

Издательства «Kolonna Publications» и «Митин Журнал» представляют

Пьер Гийота

Эшби

«Я написал пролог к «Эшби» в Алжире, за несколько дней до моего ареста. «Эшби» для меня – это книга компромисса, умиротворения, прощания с тем, что было для меня тогда самым «чистым», самым «нормальным» в моей прошлой жизни, прощания с традиционной литературой, с очарованием англо-саксонской романтики, с ее тайнами, оторванностью от реальности, изяществом и надуманностью. Но под этой игрой в примирение с тем, что я считал тогда самым лучшим, уже прорастал и готов был выплеснуться мощный бунт «Могилы для 500000 солдат», подпитывавшийся тем, что очень долго скрывалось во мне, во всем том диком и «взрослом», в чем я не решался признаться даже самому себе, в этой грубой варварской красоте, таившейся в глубине моего прошлого».

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications»
можно приобрести в *Москве:*

«Фаланстер», Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Москва», ул. Тверская, д. 8
«Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус», Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Индиго», ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Циолковский», Большая Молчановка, д. 18
«Dodo», Таганская ул., д. 31/22

в *Санкт-Петербурге:*
«Порядок слов», Наб. Фонтанки, д. 15
«Все свободны», Наб. Мойки, д. 28, второй двор

через *Интернет:*
«Ozon» ozon.ru
«Книга» kniga.ru
«Esterum» esterum.ru
«Petropol» petropol.com
«Чакона» chaconne.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на *Украине:*
«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж
обращаться в ООО «Берроунз», тел. (495) 971-47-92
Национальный книжный дистрибьютор
«Книжный Клуб 36.6», тел. (495) 926-45-44
Все книги нашего издательства можно заказать наложенным платежом в редакции на сайте mitin.com

Франсуа Сантен
УБИЙЦА И ЕГО ПАЛАЧ

Kolonna Publications
Россия, г. Тверь, улица Брагина, д. 6, офис 301
Подписано в печать 22.04.2014. Тираж 500 экз. Заказ № 104
Формат 70×100/32. Объем 7 п. л. Гарнитура ITC Charter
Изготовлено с факсимильных оттисков в государственном предприятии «Нукусский Полиграфический Комбинат имени Амира Тимура и его внука Улукбека», Каракалпакстанская улица, д. 9. Узбекистан, Республика Каракалпакстан, город Нукус. Телефон +998 (61)222-83-83. Подписано в печать со слов ответственного работника издательства (факсимильно уполномоченный Сергей Ершов)